

Актуальные вопросы гуманитарного знания

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Барнаул • 2018

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова

Актуальные вопросы гуманитарного знания

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Изд-во АлтГТУ
Барнаул 2018

ББК 78.381

ISBN 978-5-7568-1296-1

Актуальные вопросы гуманитарного знания : сборник научных статей / под общ. ред. О. Е. Контевой. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2018. – 163 с.

В сборник вошли статьи, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии и других областей гуманитарных исследований. Особое внимание уделено историческому и социо-культурному наследию Алтайского края и сопредельных территорий.

Издание рассчитано на широкую аудиторию преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов и всех интересующихся ключевыми проблемами гуманитарного знания.

Отв. редактор О. Е. Контева

ISBN 978-5-7568-1296-1

© Авторы публикаций, 2018

© Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2018

CONTENTS

S.F. Vasiliev	Criticism of hierarchical personalism N.A. Berdyaeva	7
E.B. Vosnyuk	The historical-philosophical analysis of the idea of subjective time	17
N.V. Vohmenceva	From the history of advertising on Altai: about creativity of the director Alexander Bykov	27
T.A. Goluenko, O.N. Zherdeva	Relationship between the state and the church in Russia (school course «Basics of religious culture and secular ethics»)	34
I.V. Durnovo	From the memories of Andrey Viktorovich Potapov about his participation in the great patriotic war 1941–1945 y	44
N.D. Zolotova	The problem of objectivity results of historical research	50
V.V. Isayev	Formation of the road network of the Altai okrug in the post-reform years of the XIX century	61
V.V. Isayev	The role of the Siberian Cossacks in the development of the territory of Altai in the XVII-beginning of the XX centuries	68
I.B. Kalanchina	The excerpts of the history of the protection of the mother of god church	76
M.G. Kolokoltsev	Problems of road economy of the Altai territory in the post-war period of economic recovery of the USSR	82
R.V. Konyaev	Tactical preparation of lower Chines in the Omsk military district in the years of the first world war	90
M.L. Lebedeva	Family and marital relations in western Asia (under Babylonian, As-syrian, Hittite laws)	96
O.A. Litvinova	Reports of the local party workers at the beginning of the 1920-es as a way of elite incorporation	108
A.S. Myshko	Technological process of manufacturing leather footwear by peasants of southwestern Altai at the end of the XIX – the beginning of the XX century (tools and accessories)	118
T.G. Nedzeliuk	Problems of freedom of conscience and freedom of religion of convicts	125

I.N. Nikulina	Antony Kuchinsky book review «Siberia. 400 years of polish Diaspora. The exiles, the martyrdom, the civilization success of poles. The historical essay. The anthology»	135
M.V. Rygalova	The problem of the museum subject as a historical source in modern historiography	139
O.V. Stepanova	Cultural and human tasting cooperation of Russia and Germany above XX–XXI vv: to the question of the study of the problem	147
M.A. Shirshov	Features of training of military ranks of the reserve of the IV-th Siberian corps in the Siberian military district during the Russian-Japanese war of 1904–1905 (february–april 1904)	153
T.W. Yakushewa, T.W. Sydorenko	The public prosecutor's law – defence function as the constitutional guarantee of observance of rights of the parties in legal proceedings	160

СОДЕРЖАНИЕ

С.Ф. Васильев	Критика иерархического персонализма у Н.А. Бердяева	7
Е.Б. Вознюк	Историко-философский анализ идеи субъективного времени	17
Н.В. Вохменцева	Из истории рекламы на Алтае: о творчестве режиссера Александра Быкова	27
Т.А. Голуенко, О.Н. Жердева	Взаимоотношения государства и церкви в России (на материале о введении в школьную программу курса «Основы религиозной культуры и светской этики»)	34
И.В. Дурново	Из воспоминаний Андрея Викторовича Потапова об участии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	44
Н.Д. Золотова	Проблема объективности результатов исторического исследования	50
В.В. Исаев	Формирование дорожной сети Алтайского округа в пореформенные годы XIX в.	61
В.В. Исаев	Роль сибирского казачества в освоении территории Алтая в XVII – начале XX вв.	68
И.Б. Каланчина	Из истории Усть-Каменогорского храма во имя покрова Пресвятой Богородицы	76
М.Г. Колокольцев	Проблемы дорожного хозяйства Алтайского края в послевоенный период восстановления экономики СССР	82
Р.В. Коняев	Тактическая подготовка нижних чинов в Омском военном округе в годы Первой мировой войны	90
М.Л. Лебедева	Семейно-брачные отношения передней Азии (по законам Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства)	96
О.А. Литвинова	Доклады и донесения местных партработников начала 1920-х гг. как механизм элитной инкорпорации	108
А.С. Мышко	Технологический процесс изготовления кожаной обуви крестьянами юго-западного Алтая в конце XIX – начале XX века (инструменты и приспособления)	118

Т.Г. Недзельюк	Проблемы обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных	125
И.Н. Никулина	Рецензия на книгу Антония Кушчинского «Сибирь. 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество, цивилизационный успех поляков. Исторический очерк. Антология»	135
М.В. Рыгалова	Проблема музейного предмета как исторического источника в современной историографии	139
О.В. Степанова	Культурно-гуманитарное сотрудничество России и Германии на рубеже XX – XXI вв.: к вопросу изученности проблемы	147
М.А. Ширшов	Особенности обучения воинских чинов запаса IV-го Сибирского корпуса в Сибирском военном округе в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. (февраль – апрель 1904 г.)	153
Т.В. Якушева, Т.В. Сидоренко	Правозащитная функция прокурора как конституционная гарантия соблюдения прав участников в уголовном судопроизводстве	160

КРИТИКА ИЕРАРХИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛИЗМА У Н.А. БЕРДЯЕВА

С.Ф. Васильев

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье анализируются критические аргументы Н.А. Бердяева, направленные против иерархического персонализма.

Ключевые слова:

персонализм, Н.А. Бердяев, критика.

Н.А. Бердяев причисляет себя к сторонникам персонализма. Однако он отделяет *свой* персонализм от другого типа персонализма, который он именуется «иерархическим». Н.А. Бердяев подчеркивает, что он выступает за *антииерархический* персонализма. Нам представляется целесообразным рассмотреть, чем отличаются, с его точки зрения, оба вида персонализма и взвесить обоснованность того и другого подхода.

Исходной интуицией философского творчества Н. А. Бердяева является чувство ценности личности и ее подавленности существующим миром.

«Обращаясь к самопознанию, которое есть одно из главных источников философского познания, я открываю в себе изначальное, исходное: противление мировой данности, неприятие всякой объектности, как рабства человека, противоположение свободы духа необходимости мира, насилию и конформизму. Говорю об этом не как о факте автобиографии, а как о факте философского познания, философского пути. Так изначально определились внутренние двигатели философии: примат свободы над бытием, духа над природой, субъекта над объектом, личности над универсально-общим, творчества над эволюцией, дуализма над монизмом, любви над законом. Признание верховенства личности означает метафизическое неравенство, различие, несогласие на смешение, утверждение качества против власти количества» [3, 6].

Бердяев не хочет доказывать эту истину. Он верит в нее. Он пытается выразить то, что ему открылось в прозрении, с помощью философских понятий. Бердяев строит философию персонализма, для которой личности являются первой реальностью и первой ценностью.

Н.А. Бердяев противопоставляет личность индивиду. Человек есть и личность, и индивид. Человек как индивид есть часть какого-то природного или социального целого, он подчинен биологическим, социальным, космическим процессам. Подчинен этому миру, который Н.А. Бердяев считает «падшим». В личности же присутствует элемент иной реальности, иного мира. Бердяев называет его ноуменальным или духовным. Благодаря этому элементу человек обладает свободой по отношению к материальному миру, может ему не подчиняться, может его изменять.

Человек как личность, по Бердяеву, есть также микрокосм, он содержит в себе потенциально весь универсум. Поэтому он может встать вне и над противоположностями этого мира.

Еще один аспект личностного бытия – его целостность. Духовное начало единит, объединяет разные аспекты человека. Бердяев в силу тенденции мыслить личность целостно утверждает вечность даже индивидуальной формы тела конкретного человека, человеческого лица. Поэтому у него возникают большие трудности в понимании смерти, ибо смерть есть несомненный разрыв ду-

ши и тела, фактическое отрицание целостности человека.

Каждая личность индивидуальна, неповторима. Реально, согласно Н.А. Бердяеву, только единичное, экзистенциальное. Поэтому Н.А. Бердяев решительно выступает против бытия как такового. Он считает его отвлеченным понятием. Однако это абстрактное бытие может как-то поработать человека. В мире сплошного бытия свобода человека подчинена необходимости, что противоречит исходной интуиции персонализма. Отсюда идея примата свободы над бытием. И личность у Н.А. Бердяева онтологически первее бытия. Бытие как общее есть нечто подчиненное лично-индивидуальному. Чувство ценности лично-индивидуального у Н.А. Бердяева стоит на первом месте. Подлинная реальность обретается, по Н.А. Бердяеву, в субъективности.

В качестве философии антиперсоналистической, противоположной персонализму, Н.А. Бердяев рассматривает системы монизма, в первую очередь, системы немецкого идеализма. У идеалистов идея выше индивидуальной личности.

Но, с другой стороны, личность, согласно Н.А. Бердяеву, тоже идея: «Личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека. Совершенное единство, целостность личности есть идеал человека. Личность самосозидается. Ни один человек не может про себя сказать, что он вполне личность. Личность есть категория аксиологическая, оценочная. Тут мы встречаемся с основным парадоксом существования личности. Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать единства в цельности на протяжении всей своей жизни. Но для этого она должна уже быть. Должен изначально быть тот субъект, который призван себя созидать. Личность в начале пути, и она лишь в конце пути. Личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть первичная целость. Возрастание личности, реализация личности совсем не означает образования целого из частей, но означает творческие акты личности, как целого, ни из чего не выводимого и ни из чего не слагаемо-

го. Образ личности целостный, он целостно присутствует во всех актах личности. Личность имеет единственный, неповторимый образ, *Cestalt*» [2, 13]. Личность у Бердяева – это задание, она должна себя создать. В то же время личность есть, то, что себя создает. Это парадокс существования личности.

Н.А. Бердяев категорически выступает против понимания личности или души как субстанции. Он считает данное понятие натуралистическим, не схватывающим особенности духовной реальности. Кроме того, субстанция у него ассоциируется с чем-то статическим, дух же динамичен, пребывает в творческой деятельности, он активен. Личность есть нечто внутреннее, а не внешнее.

Тем не менее, другие русские персоналисты, такие как А. Козлов, Л. Лопатин, Н. Лосский и пр. определяли дух или душу именно как субстанцию. Ведь акт подразумевает деятеля, того, кто делает. Сам же Н.А. Бердяев подчеркивает момент неизменности в личности: «Личность есть неизменность в изменении. Это одно из существенных определений личности. Изменения происходят в одном и том же субъекте. Если субъект подменяется другим субъектом, то нет в настоящем смысле и изменения. Изменение разрушает личность, когда оно превращается в измену» [3, 5]. Но если это один и тот же субъект, то это и есть субстанция. Вот как понимал И. Кант субстанцию: «На этом [понятии] постоянства основывается также и правильное толкование понятия *изменения*. Возникновение и исчезновение — это не изменения того, что возникает или исчезает. Изменение есть один способ существования того же самого предмета. Поэтому то, что изменяется, оставаясь, меняет только свои *состояния*. Так как эта смена касается только определений, которые могут исчезать или возникать, то мы можем высказать следующее положение, кажущееся несколько парадоксальным: только постоянное (субстанция) изменяется; изменчивое подвергается не изменению, а только *смене*, состоящей в том, что некоторые определения исчезают, а другие возникают» [5, с. 192].

Н.А. Бердяев стремится любой ценой избежать, так сказать, «обмирщения» лично-

сти, ее посюсторонности. А ее определение как субстанции ввело бы ее в категориальную сетку и в систему реальностей этого мира. Видимо, Н.А. Бердяев такими утверждениями хочет подчеркнуть трансцендентность личности. Но ведь и эта трансцендентность есть нечто постоянное. Без постоянной субстанции повисают в воздухе слова Бердяева о вечном ядре личности.

Основная интенция Н.А. Бердяева, заключающаяся в защите свободы личности от объективированного мира, приводит его к необходимости защиты человеческой личности от природных и социальных иерархий. И здесь проявляется его наибольший антагонизм с персонализмом, который он называет «иерархическим»: «В результате долгого духовного и умственного пути я с особенной остротой сознаю, что всякая человеческая личность, личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством ни для чего, в себе имеет экзистенциальный центр и имеет право не только на жизнь, отрицаемое современной цивилизацией, но и на обладание универсальным содержанием жизни... Так прихожу я к антииерархическому персонализму. Личность не может быть частью какого-либо иерархического целого, она есть микрокосм в потенциальном состоянии» [3, 7].

Для обоснования своей позиции Бердяев ссылается на внеприродность, «неотмирность» личности. Раз в личности есть элемент иного мира, то она не подчинена тем природным и социальным системам, в которые она включена как индивид. На наш взгляд, тут уместнее было бы сказать, «не до конца подчинена». Ибо человек как индивид, несомненно, детерминирован, а личность тесно связана с индивидом. Личность не может быть частью чего-то – утверждает Н.А. Бердяев. Но ведь личность *воплощена*. А плоть подчинена детерминизму этого мира.

Н.А. Бердяев воюет с детерминизмом, как характерной чертой объективированного мира. Но при этом он признает взаимодействие и борьбу ноуменального и феноменального начал, активность духа, его возможность вмешиваться в события в объективированном мире, что-то изменять в этом мире

и, в конечном счете, привести к его радикальному преобразению. Разве в этих процессах дух не выступает как причина? И разве его воздействие идет беззаконно, абсолютно беспорядочно? Сила воздействия духа на мир и последствия этого воздействия могут быть разными. Это наводит на мысль о существовании законов высшего порядка, управляющих этим воздействием. И для результатов воздействия важны условия, в которых оно происходит. Отсюда необходимость истории как процесса, в ходе которого формируются необходимые условия преобразования мира.

Бердяев не отрицает телесности и материальности как таковой, стремится ввести их в состав личности. Личность у него духовно-душевно-телесна. Личность – это целостность человека. Но ведь тело подчиняется детерминизму этого мира. Тогда и личность как целостность подвержена ему. Личность как проекция духовного начала есть свобода от мира, но личность как целостность человека в этом мире, неизбежно подчинена детерминации этого мира. Через тело внешний мир «достаёт» наше внутреннее я. Хочет того или не хочет человеческая личность, она входит в те или другие материальные системы и подчиняется их закономерностям. Она не может отменить законы объективного мира.

«Дух сообщает форму душе и телу и приводит их к единству, а не подавляет и не уничтожает. Это и значит, что дух формирует личность, ее целостность, в которую входит и тело, входит лицо человека. Личность духовно-душевно-телесна и возвышается над детерминизмом природного мира. Она не подчинена никакому механизму. Форма человека, воспринимаемая чувственным взором, не зависит от материи, она означает победу над материей, противодействует ее обезличивающим детерминациям. Персонализм должен признать и достоинство человеческого тела, недопустимость дурного с ним обращения, права тела на истинно человеческое существование. Поэтому и проблема хлеба делается духовной проблемой. Права человеческого тела потому уже связаны с достоинством личности, что самые возму-

щающие посягательства на личность прежде всего бывают посягательствами на тело. Моряты голодом, бьют и убивают, прежде всего, человеческое тело, и через тело распространяется это и на всего человека. Духа самого по себе нельзя ни бить, ни убивать» [3, 19].

Н.А. Бердяев выставляет против иерархического персонализма аргумент «экзистенциального центра», который связан с субъективностью: «Этот центр есть чувствилище радости и страдания, судьбы. Подлинный персонализм «не может признать личностью целость, коллективное единство, в котором нет экзистенциального центра, нет чувствилища к радости и страданию, нет личной судьбы... Экзистенциальный центр, страдальческая судьба находится в субъективности, а не в объективности. Но все высшие иерархические ступени, которым подчиняют личность, принадлежат миру объективации. Объективация же всегда антиперсоналистична, враждебна личности, означает отчуждение личности» [3, с. 24–25].

Только антииерархический персонализм, по мнению Н.А. Бердяева, является последовательным, подлинным персонализмом.

Н.А. Бердяев использует и то, что можно назвать «аргументом от микрокосма». Личность есть микрокосм, потенциальная вселенная. Поэтому она не может быть частью более высокого целого и не может быть ей подчинена. Не может быть даже *частью* мирового целого. Н.А. Бердяев утверждает, что универсум находится в личности, а не личность в универсуме.

Но самое понятие микрокосма – вселенной в малом объеме – подразумевает, что есть и Вселенная в большом объеме. А раз Вселенная в большом объеме содержит в себе все, то она содержит и микрокосм, *все* микрокосмы. Если же Вселенная в большом объеме не содержит в себе все, то микрокосм тем более не может этого сделать. Но тогда он не может считаться микрокосмом. Можно использовать геометрические аналогии. Точка потенциально содержит в себе линию. Но коль линия проведена, точку можно рассматривать как ее часть. Это определение точки нисколько не противоречит ее определению как потенциальной линии.

Парадоксально, но сам Н.А. Бердяев утверждает связь ценности и целостности, но довольно оригинальным образом. Он утверждает, что подлинная, настоящая целостность находится как раз в личности человека. А то, что существует вне ее – не является целостным. Он даже помещает солнце внутрь человека.

«И все то, что экзистенциально в объективированных ступенях мира, в нации, человечестве, космосе и т.д., принадлежит внутреннему существу личности, не подчиненной никакому иерархическому центру. Космос, человечество, нация и пр. находятся в человеческой личности, как в индивидуализированном универсуме или микрокосме, и выпадение, выбрасывание их во внешние реальности, в объекты, есть результат падшести человека, подчинения его безличной реальности, экстерииоризации, отчуждению. Солнце экзистенциально находится не в центре космоса, а в центре человеческой личности, и оно экстерииоризировано лишь в падшем состоянии человека» [3, с. 24–25]. Получается, что человек содержит в себе всю Вселенную, не только потенциально, но в самом реальном для Н.А. Бердяева – экзистенциальном смысле. Это довольно смелое утверждение, фактически превращающее человека в некоего макроантропоса. Ясно, что человеческий индивидуум не содержит в себе солнце, и весь человечески род в его историческом развитии проживал *под* солнцем, а *не имел* солнца в себе. Речь идет, видимо, о каком-то фантастическом первочеловеке.

Если же объективированный мир «выпал» из человека, то спрашивается: и его экзистенциальные субъекты и объекты тоже были внутри человека? Но тогда этот первый человек, породивший всю Вселенную, и есть самое большое и ценное мировое целое. Он – вершина иерархии. А другие экзистенциальные субъекты, которые Бердяевым признаются, получают ниже его по иерархии. Утверждение первенства человека в онтологическом смысле не уничтожает иерархию существ, а ставит человека во главе этой иерархии. Человек поглощает Вселенную и становится ею. Получается какой-то панантропизм.

Кроме того, если другие природные объекты и существа как личности содержатся в человеке, раз вся Вселенная в нем, то тогда сам человек является коллективной сущностью, частями которой являются другие личности, экзистенциальные сущности. Опять-таки отрицание коллективных сущностей ведет к отрицанию человека как макроантропоса. Все существующее, строго говоря, есть коллективная сущность.

Сомнительным, на наш взгляд, являются утверждение о том, что только антиерархический персонализм последователен. Последовательный персонализм считает всякое существование в той или иной степени личностным. Бердяев же хочет именовать личностями только человека и Бога. Однако, он признает экзистенциальную ценность и других существ и даже природных объектов: «Объективных личностей нет, есть лишь субъективные личности. И в каком-то смысле собака и кошка более личности, более наследуют вечную жизнь, чем нация, общество, государство, мировое целое. Таков антиерархический персонализм, который и есть единственный последовательный персонализм. Никакой целостности, тоталитарности, универсальности вне личности нет, есть лишь в личности, вне ее есть лишь частичный, объективированный мир [3, с. 24–25].

На наш взгляд, трудным вопросом для Н.А. Бердяева является трактовка природных объектов и существ с точки зрения персонализма. Есть ли у природных существ и объектов своя личность? Если они безличны, то, как это соотносится с персонализмом? Как они возникли? Они – результат грехопадения? Тогда они – не истинная реальность, а просто сгущения объективированного мира. Если же они – реальность, то реальность им придает духовное начало. Значит должны быть духи разных порядков. Дух живой клетки, например.

А если минерал, лес, гора реальны, не просто результат объективации, то, может быть, в них тоже есть какой-то дух? И этот дух разных порядков? На эту мысль наводит следующая цитата: «Основной дуализм не есть ни дуализм естественного и сверхъестественного, ни дуализм материального и пси-

хического, ни дуализм природы и цивилизации, а дуализм природы и свободы, природы и духа, природы и личности, объектности и субъектности. Природа в этом смысле есть мир объективации, т.е. отчужденности, детерминированности, безличности. Под природой я тут понимаю не животных, не растения, не минералы, не звезды, леса и моря, которые все имеют внутреннее существование и принадлежат экзистенциальному, а не объективированному плану» [3, с. 55]. Стало быть, природные существа и объекты, согласно Н.А. Бердяеву, имеют внутреннее существование. А внутреннее – это субъективность, одушевленность, духовность.

Но если кошка, собака, букашка и пр. в какой-то степени личности, то возникает вопрос о сравнительной их ценности по отношению к человеческой личности. Если мы ставим человеческую личность выше остальных типов личностей, то уже получается некая иерархия. А если признавать личность у одноклеточных существ, то и клетке человеческого организма нельзя будет отказать в личностности. Но тогда возникает вопрос: что же такое человеческий организм? Это сто триллионов «личностей», подчиненных одной – главной. То есть сам человек есть целостность и иерархия многих других личностей. Если Н.А. Бердяев против *любых* коллективных сущностей, то он должен отрицать и реальность многоклеточных существ. И реальность и ценность самого человека.

Н.А. Бердяев считает, что признание личностей более высокого порядка противоречит самому существу персоналистической философии. Это противоречие он считает главным в иерархическом персонализме: «Иерархический персонализм, который защищается многими философами (Лейбниц, Штерн, Лосский, отчасти М. Шелер), заключает в себе внутреннее противоречие, которое делает его антиперсонализмом. Согласно этому учению, мировое целое, организованное иерархически, состоит из личностей разных иерархических ступеней, причем каждая личность подчинена высшей ступени, входит в нее, как подчиненная часть или орган. Человеческая личность принадлежит лишь одной иерархической ступени, в которую вхо-

дят личности низших ступеней. Но нация, человечество, космос также могут быть рассматриваемы как личности высшей ступени. Общности, коллективы, целости признаются личностями, всякое реальное единство может оказаться личностью. Последовательный персонализм должен признать это противоречащим самому существу личности. Иерархическая концепция принуждена признать человеческую личность частью в отношении к иерархическому целому, она оказывается ценностью лишь в отношении к этому целому и от этого целого получает свою ценность. Иерархическое целое, которому личность соподчинена, считается большей ценностью, чем личность, в этом целом нужно искать универсальности, единства, тоталитарности. Но подлинный персонализм не может этого признать» [3, с. 24].

Однако, человеческая личность как часть социального целого есть все же *своеобразная* часть, обладающая большой самостоятельностью. Она может, например, перейти в другое социальное целое, может восстать против своего целого, разрушать, преобразовывать его. Она не обязана быть просто пассивной деталью общественного целого. Пребывание в социальном целом не означает обязательное подчинение ему во всем.

Важной при рассмотрении данного вопроса для Н.А. Бердяева является интенция защиты свободы личности. Личность должна быть свободна от диктата коллектива, общества в целом. Должна быть утверждена ее самоценность. Поэтому Бердяев прилагает все усилия, чтобы развенчать ценность коллективных общностей. Они не могут быть личностями и высшими ценностями. Личность человека выше их онтологически и аксиологически. И вправе не подчиняться им. Здесь преобладает пафос борьбы против угнетения, эксплуатации, подавления личности. Но возникает закономерный вопрос: существует ли человеческая личность вне общества? И если она существует в обществе и благодаря обществу, то не должна ли она, хотя бы в чем-то ему подчиняться? Тем более, что полноценных состоявшихся личностей можно сосчитать по пальцам. И для управления «недо личностями» иногда требуется принуждение.

И если общество есть объединение многих личностей, то разве это не имеет больше ценности, чем *одна* личность? Другое дело, что такое объединение может носить безличный, безнравственный, а то и античеловеческий характер. Ценность такого объединения весьма спорна.

Н.А. Бердяев борется с коллективными сущностями. И он вынужден утверждать, что они не целостности, в которые человеческая личность входит как часть. Целостность он помещает внутрь человека. Бердяев вынужден утверждать частичность коллективных сущностей. Личность целостна, а общество – нет. Но сам же признает, что настоящих личностей в мире мало.

А, может быть, и коллективная сущность может что-то чувствовать, радоваться и страдать. Иметь свою судьбу. Например, Франция – чем не своеобразная личность? Можно говорить об истории Франции, о судьбе Франции. Можно говорить о душе России. Есть коллективные радости и страдания, стало быть, есть и экзистенциальный центр.

Бердяев утверждает, что коллективным сущностям чужд дух свободы: «Если, например, свобода — существенный признак духа, то этот признак явно отсутствует, когда мы говорим о духе коллективов. Мы говорим и о духе зла. Значит ли это, что духу зла присущи признаки духовности, которые мы пытаемся раскрыть. Духи ангельской и демонской иерархии не персоналистичны в том смысле, в каком мы говорим о персоналистичности человеческого мира и Бога. Духи природы также не обладают качествами духовности. Наоборот, духовность есть освобождение от власти духов природы» [1, с. 381].

Нам представляется сомнительным, что дух коллективов всегда чужд свободе. Коллектив вполне может бороться за *свою* свободу. Например, за национальное освобождение – от другого коллектива. Или наоборот – может посягать на свободу другого коллектива.

Н.А. Бердяев, на наш взгляд, правомерно пишет о недостаточности конечной человеческой жизни для полной реализации личности: «Реализация личности невозможна в конечном, она предполагает бесконечность, не

количественную, а качественную бесконечность, то есть вечность. Индивидуум умирает, так как он рождается в родовом процессе, но личность не умирает, так как не рождается в родовом процессе. Победа над страхом смерти есть победа духовной личности над биологическим индивидуумом. Но это означает не отделение бессмертного духовного начала от смертного человеческого, а преобразование целостного человека. Это не есть эволюция, развитие в натуралистическом смысле. Развитие есть результат ущербности, недостижимости полноты, и оно подчинено власти времени, есть становление во времени, а не творчество, побеждающее время» [3, с. 152]. Это, казалось бы, должно привести к мысли о необходимости многих воплощений личности для ее реализации, должно привести к доктрине перевоплощения. Но, поскольку Н.А. Бердяев отрицает личность как субстанцию, то он отвергает и концепцию перевоплощения, особенно, в той форме, какую она приобрела в теософии и оккультизме.

Бердяев, как он сам пишет, отрицает идею однопланного перевоплощения, ибо это противоречит идее целостной личности. Такое перевоплощение дробит личность, ибо отделяет душу от тела. Н.А. Бердяеву же хочется утвердить человеческую индивидуальность как вечную, с ее особенным телом, с особенным лицом. Поэтому и новое воплощение в новое тело кажется ему предательством этой особенной личности, которую во что бы то ни стало, следует сохранить.

Бердяев выдвигает идею о многопланом перевоплощении.

«Популярное учение об однопланном перевоплощении дробит личность человека, отрицая значение формы тела для личности, неразрывной связи личности с этой формой, с единственным лицом человека. Многопланное же перевоплощение не означает непременно перехода в другое тело. Меняется материя тела, но не его форма, которая духовна. Ошибочно думать, что «этот мир» значит мир телесный, а «иной мир» значит мир бестелесный. Материальность и телесность не одно и то же. «Иной мир» тоже телесен, в смысле вечной формы, вечных лиц.

Вечного выражения лиц. Качество тела зависит от состояния духа и души. Дух-душа творит свое тело. Поэтому наиболее верно и глубоко учение о воскресении, воскресении целостного существа, а не сохранения отдельных частей существа» [2, с. 281].

Тем не менее, сам факт смерти свидетельствует о дроблении человеческого существа, отделении души от тела. Физическое тело разлагается и растворяется в материальном мире. Если же брать тело не в обычном, физическом смысле, а в качестве некоего вечного тела с вечным лицом, тогда проблема смерти исчезает. Но исчезает и целостность данной неповторимой личности, которая должна включать в себя физическое тело данной индивидуальности, которое все же умирает и разлагается. Н.А. Бердяев ищет решение в христианском учении о телесном воскресении. Но, поскольку такое воскресение отнесено пророчеством к концу времен, остается вопрос: что же будет с душой, чье физическое тело уже умерло, а до конца света и преобразования мира еще далеко?

Вот тут приходит на помощь идея многопланного перевоплощения. Однако, что это за иные планы из слов Н.А. Бердяева остается неясным. Но даже если душа получит в ином плане иноматериальное тело, то ее земное тело все же умерло. Целостность личности нарушена. И если получено иноматериальное тело, то зачем тогда телесное воскресение в физическом теле в конце времен? Вопросов больше, чем ответов.

Бердяев стремится найти в учении о перевоплощении рациональное зерно.

«Древнее учение о перевоплощении душ, очень вульгаризированное теософами, включает в себе серьезное вопрошание. Бесконечное однопланное, на нашей земле происходящее перевоплощение в разных людей, даже животных, есть другой эсхатологический кошмар, чем кошмар вечных адских мук. Но идея перевоплощения душ может все-таки дать облегчение, по сравнению с идеей вечного ада. Перевоплощение все-таки значит, что нет окончательного решения судьбы человека кратким мигмом существования от рождения до смерти при ограниченности человеческого опыта пространством

и временем, что есть справедливое требование большего опыта, и нет той террористической идеи, что после смерти уже невозможен никакой обогащающий опыт, никакое изменение к лучшему. Если мы не соглашаемся принять террористическое и рабье учение о вечном аде, то должны признать предсуществование душ в ином плане до рождения на земле и путь души после смерти в ином плане. Это значит, что неприемлемо однопланное перевоплощение, как противоречащее целостности личности и неизменности самой идеи человека, но приемлема идея многопланного перевоплощения, которое ставит судьбу человека в зависимость от существования и в ином плане, чем план объектного феноменального мира. Лейбниц правильно говорит не о метампсихозе, а о метаморфозе [2, с. 280].

Тут сразу возникает несколько вопросов. Одинакова ли судьба разных душ после смерти тела? Каким образом существование в ином – духовном плане – может обогатить опыт человека? И почему он изначально воплощается не этом духовном мире, а в нашем – падшем, объективированном? И предсуществование душ до рождения в физическом теле противоречит идее целостной личности, которую Н.А. Бердяев так рьяно отстаивает. Получается, что и до рождения и после смерти нет по-настоящему целостной личности.

С учением о перевоплощении тесно связана идея о законе космической справедливости – о законе кармы. Грехом теософии он считает, что она не знает благодати и все подчиняет закону кармы. Все для человека оказывается трудовым, нет ничего дарового. Карма объявляется им натуралистическим законом в сфере духовного. Она описывается в мрачных тонах. Он пишет о «безысходно мрачной перспективе бесконечных кармических перевоплощений и эволюций».

Однако некоторые обороты речи у Н.А. Бердяева заставляют предположить, что он не полностью отрицает закон кармы. Он пишет, что человек воспринявший благодать, не подвержен *уже* закону кармы: «Христианство есть религия любви, а не религия справедливости. В христианстве преодолева-

ется закон — и закон природы, и закон справедливости. Человек, приобщенный к тайне искупления, человек, принявший в себя Христа и к Христову роду причастный, не подвержен *уже* кармическому закону, не принужден уже в будущем, в бесконечных эволюциях, изживать прошлого, преодолевать его закономерным, справедливым, длительным процессом. Разбойник на кресте, мгновенно обратившийся к Христу, не подвластен *уже* кармической закономерности и справедливости, он в один миг проходит духовный путь, который по закону духовной эволюции и закону справедливости должен был пройти в длительном ряду перевоплощений, он, проживший грешную, преступную жизнь, будет с Христом в раю, в лоне Отца Небесного. С теософической точки зрения необъяснима и неприемлема судьба евангельского разбойника, хотя теософы и говорят о сокращении кармы. В судьбе разбойника отменяется закон кармы. И глубочайшая сущность христианства — в этой отмене закона кармы, в благодатном преодолении подзаконной судьбы человека. Христианство изымает человека из-под власти времени и временных процессов. Теософия же оставляет человека во власти времени и временных процессов» [4, с. 185].

Но если Бог всепрощающ, то почему он не дал благодати всем? И не освободил всех от наказания за грехи? Действие благодати связано с явлением Христа и искуплением человеческих грехов. Н.А. Бердяев склонен трактовать искупление как дело любви, а не судебной справедливости. Тем не менее, закономерно возникают вопросы: почему вообще *необходимо* искупление грехов и как оно *возможно*? Почему вообще грехи *надо искупать*? Не подразумевает ли само искупление грехов наличие некоего закона справедливости? Грехи нельзя просто простить, они должны быть обменены на что-то. На что? – на жертву, на страдания, на жизнь. Искупление идет через жертву. И жертву должен принести кто-то, обладающий плотью. Стало быть, для осуществления искупления грехов человеческих необходимо воплощение Бога в земном человеческом теле и принятие им страданий за

человеческие грехи на себя. Искупление бессмысленно без закона кармы.

Н.А. Бердяев подвергает острой критике теософские и оккультные учения о космосе и перевоплощении душ. Главный грех этих учений, по его мнению, в антиперсоналистичности. В теософии между человеком и Богом стоит космическая иерархия, и прямой непосредственный контакт человека и Бога невозможен. Да и сам Бог «задвинут» космической иерархией. Теософии он противопоставляет христианство как «углубленный антропоцентризм». Но насколько антропоцентризм обоснован? Не есть ли он просто выражение человеческой гордыни?

Он противопоставляет теософскую антропологию и христианскую.

«Нет ничего общего между христианской и популярной теософической антропологией. И необходимо до последней остроты довести это столкновение двух жизнепониманий перед лицом судьбы человека. Христианство антропоцентрично и в истинном смысле антропософично. Человек есть высшая иерархическая ступень бытия, он выше ангельской иерархии. Сын Божий воплотился в человека, а не в ангела. Человек извечен и наследует вечность, он образ и подобие Бога, а не природы, он не возникает и не исчезает в космической эволюции. Человек не есть продукт эволюции, не есть дитя природы и происходящих в ней процессов. Человек — «дитя Божье». Род человека не может быть преодолен новым родом, родом сверхчеловека, ангела или демона. Одна иерархия не может эволюционно перейти в другую иерархию. Божья идея о человеке не может быть

изменена, она может быть только или осуществлена, или загублена. Человек наследует вечную, божественную жизнь. Через Христа-Богочеловека человек имеет корни в самой глубине Божьей жизни. Человек может стать непосредственно лицом к лицу перед Богом, и никакая космическая эволюция не разделяет их». И если что-нибудь эзотерично в христианстве, то совсем не то, что человек есть продукт космической эволюции и может быть космической эволюцией преодолен, что новый мировой эон будет стоять уже под знаком другого, сверхчеловеческого рода, а то, что человек — более чем простая тварь, что человек — Божье другое, что Вторая Ипостась Св. Троицы есть предвечный, в вечности рожденный Человек [4, с. 178–179].

Н.О. Лосский, в отличие от Н.А. Бердяева, признавал идею эволюции субстанциальных деятелей, предполагая различные ее формы. Иерархический персонализм в этом смысле признает и перевоплощение, и возможность достижения более высокой формы существования, чем человеческая.

Таки образом, можно констатировать, что основные аргументы Н.А. Бердяева против иерархического персонализма не представляются основательными и могут быть успешно оспорены. Похоже, что иерархический персонализм более последователен, продуман и обоснован, чем антииерархический персонализм.

Васильев Сергей Федорович – кандидат философских наук, доцент

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 364–462.
2. Бердяев, Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Сост. и послесл. П.В. Алексева, подгот. текста и прим Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1995. – С. 164–286.
3. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Сост. и послесл. П.В. Алексева, подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1995. – С. 3–162.
4. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С.14–229.
5. Кант, И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 8-ми т., Т. 3. – М.: Чоро, 1994.

THE CRITICISM OF HIERARCHICAL PERSONALISM BY N.A. BERDYAEV

S.F. Vasiliev

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article analyzes N.A. Berdyaev's critical arguments against hierarchical personalism.

Keywords:

personalism, N.A. Berdyaev, criticism.

References:

1. Berdyaev, N.A. Duh i real'nost'. Osnovy bogochelovecheskoj duhovnosti // Berdyaev N.A. Filosoija svobodnogo duha. – M.: Respublika, 1994. – S. 364–462.
2. Berdyaev, N.A. Opyt eskhatologicheskoj metafiziki. Tvorchestvo i ob'ektivaciya // Berdyaev N.A. Carstvo Duha i carstvo Kesarya / Sost. i poslesl. P.V. Alekseeva, podgot. teksta i prim R.K. Medvede-voj. – M.: Respublika, 1995. – S. 164–286.
3. Berdyaev, N.A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoj filosofii // Berdya-ev N.A. Carstvo Duha i carstvo Kesarya / Sost. i poslesl. P.V. Alekseeva, podgot. teksta i prim. R.K. Medvedevoj. – M.: Respublika, 1995. – S. 3–162.
4. Berdyaev, N.A. Filosofiya svobodnogo duha. Problematika i apologiya hristianstva // Berdya-ev N.A. Filosofiya svobodnogo duha. – M.: Respublika, 1994. – S.14–229.
5. Kant, I. Kritika chistogo razuma // Kant I. Sochineniya v 8-mi t., T. 3. – M.: Choro, 1994.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕИ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ

Е.Б. Вознюк

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье представлен историко-философский анализ философских учений, в которых находит отражение субъективное время. Автор рассматривает различные теоретико-методологические подходы к пониманию сущности данного феномена, прослеживает историю формирования представлений о субъективном времени в философии, анализирует развитие идеи внутреннего времени и особенности ее трансформации.

Ключевые слова:

субъективное время, имманентное время, сознание, объективное время.

Над вопросом «Что есть время?» размышляли на протяжении веков, пытались понять его и выделить основные свойства. Рассуждения о сущности времени в философии нередко сводились к вопросу: реально ли течение времени или оно характеризует лишь устройство нашего сознания? На протяжении всей истории философии время рассматривалось преимущественно как нечто объективное, как характеристика самого материального бытия. Причем по вопросу об отношении объективного времени к материи в философии сложились две основные позиции. Время понималось либо как некая самостоятельная, независимая от материальных объектов сущность (субстанциональная концепция), либо как форма существования материальных вещей (реляционная концепция). При этом в обеих концепциях полагалось, что в человеческом сознании имеет место лишь отражение реального физического времени. Тем не менее, некоторые мыслители рассматривали время как понятие субъективное, характеризующее человеческий способ восприятия мира.

Не отвергая в целом объективного характера времени, современный исследователь И.А. Хасанов выдвигает в пользу второго подхода несколько аргументов. Во-первых, если считать, что время есть нечто только объективное, то возникает сложный вопрос: где и как существуют прошедшее и будущее время, которые наряду с настоящим, должны

рассматриваться как модусы единственного реально существующего объективного времени? [10, с. 43] В объективно-реальной действительности не существует актуально прошедшее время, поскольку прошлое воссоздается в человеческом образе благодаря психической памяти человека [10, с. 47]. Во-вторых, тот фактический материал, который был накоплен за последние десятилетия в науках о высшей нервной деятельности, позволил сделать вывод, что пространственно-временные свойства и отношения материального мира отражаются в сознании человека как бы опосредованно, преломляясь через субъективные пространство и время [10, с. 6]. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, делает философское осмысление данных феноменов особенно актуальным.

Признание существования, наряду с объективным временем, времени субъективного порождает множество вопросов: Что конкретно представляет собой субъективное время? Каковы его основные свойства? Как оно соотносится с объективным временем? Какое место занимает в нашем сознании? Какие функции выполняет в структуре познавательных способностей и т.д.? Мыслители, исследующие субъективное время, по-разному отвечали на данные вопросы.

Итак, цель статьи – раскрыть суть различных философских подходов к пониманию

сущности субъективного (имманентного) времени.

Истоки формирования идеи субъективного времени обнаруживаются в философии Аврелия Августина [1]. Он первым в истории философии обозначил проблему имманентного времени: существует ли время безотносительно к считающей мгновения душе? Мыслитель акцентирует внимание на духовном аспекте восприятия времени, полагая его существующим лишь в духовном мире человека, который склонен разделять время на прошлое, настоящее и будущее. Августин отмечает, что в собственном смысле правильнее было бы вести речь о трех временах: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – это ожидание [1, с. 265]. Время связано с движением, но не совпадает с ним; оно принадлежит душе, поскольку неотделимо от памяти и ожидания. Хотя Аврелия Августина и принято считать пионером в изучении субъективного времени, все-таки следует отметить, что время в его концепции объективировалось вместе с душой человека, которая трактовалась им как частица высшей божественной субстанции. Более чёткое осознание того факта, что знания об окружающей действительности даны нам не напрямую, а сквозь призму субъективной реальности нашего сознания, связано с именами Джорджа Беркли [3] и Иммануила Канта [6].

Согласно философу-эмпирику Беркли, идея времени, как и все идеи вообще, возникает из чувственного опыта, а именно из наблюдения последовательности состояний, сменяющих друг друга в душе [3, с. 371]. И. Кант отвергает подобное истолкование времени, указывая на то, что последовательность идей в душе не порождает понятия времени, а только указывает на него. «Одновременность и последовательность даже не воспринимались бы, если бы в основе не лежало априорное представление о времени. Только при этом условии можно представить себе, что события происходят в одно и то же время (вместе) или в различное время (последовательно)» [6, с. 71]. По Канту получается, что

время «не есть эмпирическое понятие, выводимое из какого-либо опыта» [6, с. 71].

Отвергая эмпирико-психологическую концепцию времени, Кант не принимает и ньютоновского (механистического) обоснования, согласно которому время – это реальное условие существования объектов. Мыслитель возражает против трактовки реальности времени в смысле его принципиальной независимости от деятельности сознания. Предмет, вещь, если подвергнуть представление о вещи специфическому исследованию под углом деятельности сознания, обнаружит свою зависимость от последнего. Подобно этому и время не есть нечто независимое от сознания, а составляет способ его синтезирующей активности. Попытка трактовать реальность времени в смысле его самостоятельного существования ведёт, с точки зрения Канта, к явным нелепостям. «Те, кто признаёт абсолютную реальность пространства и времени, ...должны признать наличие двух вечных и бесконечных, обладающих самостоятельным бытием нелепостей пространства и времени, которые существуют только для того, чтобы охватить собой всё действительное» [32, с. 78].

В противовес вышеназванным концепциям времени, Кант выдвигает идею его априорности и предлагает определять время как форму упорядочивания впечатлений, которой обладает субъект. Время, наряду с пространством, существует только в разуме как врождённая (априорная) структура ума. Благодаря наличию такой предварительной формы организации чувственного опыта, получаемые нами впечатления, не сливаются в неразличимый хаос, а располагаются в определённой последовательности. Тем самым время в концепции Канта оказывается присуще не самим предметам, а субъекту, который их созерцает. «Если бы мы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не сами по себе. Каковы предметы сами по себе и обособленно от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно» [32, с. 80].

Итак, Кант, разрабатывая свою концепцию времени, не склоняется ни к тем, кто полагает, что оно возникает из чувственного опыта, ни к тем, кто признает его абсолютную реальность. С точки зрения мыслителя, время – это человеческий способ структурирования информации, идущей от органов чувств, субъективная форма, организующая внешний опыт. Однако время в учении Канта не есть изначальный предмет исследования. Мыслителя интересует лишь то, какие функции выполняет время в структуре познавательной способности. Тем не менее, выступая против превращения времени в некую действительную сущность, обладающую самостоятельной реальностью, Кант закладывает основы философского анализа проблемы субъективного времени.

В определенном смысле продолжателем кантовской концепции субъективного времени можно считать выдающегося французского мыслителя Анри Бергсона [2]. Ведя полемику с Кантом, он одновременно отмечает значимость кантовской концепции и обращает особое внимание на идею Канта о связи субъективности, внутреннего чувства со временем. Но если у Канта время было априорной формой внутреннего созерцания, то у Бергсона оно превращается в непосредственный факт сознания, постигаемый внутренним чувством. Исследовательница творчества французского философа, И.И. Блауберг [4] справедливо полагает, что именно А. Бергсона следует по праву считать первооткрывателем внутреннего времени или «дления», «длительности» [4, с. 201].

Также как и И. Кант, А. Бергсон начинает выстраивать свою концепцию с критики механистического понимания времени. Объективное время физики он называет «опространственным» и определяет его как некую однородную среду, которая не течет, не изменяется и не длится. С этих же позиций французский философ критикует и Канта, у которого пространство и время принимаются за понятия одного порядка. Согласно Бергсону, в механике используется модель во многом ограниченного времени, которое рассматривается как серия следующих друг за другом равнозначных моментов. Понимаемое подобным образом время не имеет никакого отношения

к фиксированию качественных жизненных переживаний. Однако сразу следует оговориться, что Бергсон вовсе не отрицает научной (объективной) модели времени, как это делает И. Кант. В его рассуждениях фиксируется идея о неправомочности сведения времени только к физическому пониманию. Модель пространственного (механистического) времени вполне функциональна в рамках решения практических задач науки, но очевидна ее неадекватность для анализа данных сознания и его различных проявлений.

А. Бергсон доказывает, что время, воспринимаемое живым организмом, является качественным, изменчивым и динамическим. Он предлагает определять такое время как процесс непрерывного становления, как длительность, а не как совершившийся факт, не как результат, выраженный математическим уравнением. В ходе своих рассуждений мыслитель нередко обращается к сравнениям и аналогиям, для того, чтобы сделать более доступными и наглядными те понятия, с которыми он работает. Он показывает, что поток времени можно сопоставить как с ожерельем, так и с клубком ниток. Первая модель иллюстрирует объективное время физики, все его моменты обладают относительной самостоятельностью, их можно сосчитать. Во втором случае моменты времени оказываются неразрывно взаимосвязанными. Клубок ниток – это специфическая модель такого метрического свойства как длительность. Главный атрибут времени как длительности – это целостность и неделимость, оно предполагает постоянное взаимопроникновение прошлого и настоящего. «Наше прошедшее следует за нами постоянно; всё, что мы слышали, обдумали, желали с самого детства, склоняется над настоящим, впитывающим в себя прошлое, которое так и бьётся в двери нашего сознания» [2, с. 23]. Длительность невозможно раздробить на части подобно тому, как нельзя огонь рассеять лезвием ножа. Созидающие его события уникальны и неповторимы, они обладают непрерывностью, направлены в будущее. Время как длительность содержит в себе развитие, представляя собой жизненный поток с элементами новизны в каждом из мгновений.

Субъективное время в варианте Бергсона – это чистая длительность потока сознания, вне которого прошлого нет, а будущее не настанет. Сознание скрепляет прошлое и будущее настоящим. Количественная различимость моментов чужда сознанию, для которого один миг может длиться вечно. «Рассматриваемые сами по себе, глубинные состояния сознания не имеют ничего общего с количеством; они являются чистым качеством. Они настолько сливаются между собой, что нельзя сказать, составляют ли они одни или многие состояния. Их нельзя даже исследовать с этой точки зрения, тотчас не искажая их. Длительность, порождаемая ими, есть длительность, моменты которой не образуют числовой множественности; охарактеризовать эти моменты, сказав, что они охватывают друг друга, – значит уже их различить» [2, с. 109]. Рационалистическая философия, по мнению Бергсона, упускала из виду уникальность сознания, его неповторимые характерные особенности у каждого индивида. В классическом рационализме сознание выступало, прежде всего, как познающее, разумное и теоретическое. У Бергсона в рассмотрение вводится более широкая область сознания, включающая в себя разные слои, и где основная роль отводится не верхнему интеллектуальному слою, а сфере длительности, т.е. глубинным уровням, выражающим личность в целом и постигаемым только путём внутреннего опыта.

Итак, Бергсон выступает с критикой механистического понимания времени, однако подобно Канту, вовсе не отрицает его существования. «Опространственное» (объективное) время остается вполне пригодным в рамках практических задач науки, однако демонстрирует свою неадекватность при попытке объяснения человека и его сознания. В учении французского мыслителя отчетливо фиксируется факт, что субъективное время – это иная реальность, описываемая другими методами, нежели реальность физическая. Времени физики Бергсон противопоставляет своё понимание времени как чистой длительности потока сознания. Это внутреннее эмоционально окрашенное время личности, которое не может быть измерено ни одним хронометром.

Оригинальная концепция субъективного времени предлагается и в феноменологии Э. Гуссерля [5], который, подобно А. Бергсону, также полагает, что «во внутреннем времени нет ни секунд, ни тысячелетий» [5, с. 13]. Хотя феноменологическая трактовка одна из возможных в ряду философских трактовок времени, тем не менее, она характеризуется особым статусом в рамках философии времени. Дело в том, что феноменологическая концепция пытается объяснить то, что большинство концепций времени оставляют в стороне от предмета своего рассмотрения: она пытается ответить на вопрос о том, каким образом конституируется время. С нашей точки зрения, данная задача выходит далеко за пределы феноменологии и представляет особый интерес для современных исследований времени.

Анализируя феномен времени, Гуссерль ставит перед собой следующую задачу: объяснить то, каким образом конституируется ощущение последовательности, понимание объекта как временного. Для решения поставленной задачи философ обращается к феноменологической редукции, которая предполагает «заклучение в скобки» всего реального мира. В отношении изучения времени данная процедура предполагает «полное исключение каких бы то ни было допущений, установлений и убеждений относительно объективного времени» [5, с. 6]. При этом сразу следует оговориться, что мыслитель вовсе не отрицает существования объективного времени (времени мира, природы) и необходимости его изучения, а просто ставит вопрос о строгом различии объективного времени существования реальных предметов и имманентного времени сознания. К подобному же различению приходит и А. Бергсон, разграничивая между собой время как длительность и «опространственное» время, но, вовсе не отрицая существования последнего.

Анализируя конституирование имманентного времени в феноменологии Гуссерля, мы выяснили, что для собственного анализа сознания времени Гуссерль использует следующие три понятия: 1. Теперь; 2. Ретенция; 3. Протенция. Начальной позицией сознания–времени является точка Теперь (актуальное настоящее или первичное впечатление в восприятии), которая всегда дана в связи

с целым всего сознания, т.е. в преданных горизонтах прошлого и будущего. Каждая актуальная фаза переживания несет с собой «шлейф» бывших фаз переживания и предвосхищает будущее. Причем в этом временном потоке постоянно происходят модификации. Теперь мгновенно переходит в более-не-Теперь, а еще-не-Теперь занимает место Теперь. Неизменной остается только сама формальная структура потока: ретенция – Теперь – протенция. Ретенция в феноменологическом учении о времени Э. Гуссерля – это первичная память, удерживаемая в настоящем. В узком смысле ретенция представляет собой мгновенное сознание только что истекшей фазы, «живой горизонт Теперь», но в то же время она «несет в себе наследие прошлого», т.е. подразумевает весь континуальный ряд отодвигаемых в прошлое моментов актуального Теперь, который подобно хвосту кометы, постепенно ослабевает, теряя ясность и отчетливость. Протенция, по мнению Гуссерля, – это первичное ожидание, предвосхищение будущего в настоящем. Если в ретенциальном сознании возможно проследить путь от настоящего к прошедшему, то осуществление протенций ведет от прошлого к «живущему настоящему». Благодаря постоянному соединению теперь-момента, ретенции и протенции возникает временной ряд. Таким образом, удержание теперь-точки в постоянно изменяющемся континууме, ретенция и протенция являются первичными актами сознания, благодаря которым конституруется время.

С нашей точки зрения, Гуссерль, рассматривая время как конструкт сознания, в значительной мере способствовал проблематизации идеи объективного времени. Конечно же, подобную проблематизацию можно обнаружить в трудах И. Канта и А. Бергсона, однако нам представляется, что анализ внутреннего сознания времени, проведенный Э. Гуссерлем, отличается большей разработанностью, поскольку Гуссерль стремится к обнаружению и детальному описанию тех актов, при помощи которых наше сознание конституирует время «внутри себя». У Канта идея о том, что время раскрывается через определенные функции сознания только намечается, но не получает детальной проработки.

Что касается А. Бергсона, то он, пытаясь выявить сущность времени как длительности, практически не затрагивает вопроса о том, благодаря каким актам нашего сознания мы переживаем время. По Гуссерлю же, только «переживания времени» способны ответить на вопрос о сущности времени посредством анализа таких переживаний. Итак, тесная взаимосвязь времени и сознания в феноменологии Гуссерля, создала основу для переоценки значимости объективного времени и превращения его в антропологическую категорию.

Сам же Гуссерль, рассматривая способы конституирования времени, не ограничивался лишь исследованием последнего. У Гуссерля речь идет, прежде всего, о сознании, конституирующем время, о сознании, которое затем само раскрывается как временное. Анализ времени, предпринятый мыслителем, оказывается наиболее разработанным в его учении способом описания сознания. Таким образом, концепция времени Э. Гуссерля обладает большой теоретической значимостью для исследований, посвященных проблеме сознания и проблеме взаимосвязи времени и сознания.

Но если для Гуссерля поворот от объективного времени к имманентному времени сознания дает возможность постичь сам поток сознания, то для М. Хайдеггера – это поворот к экзистенциальной временности. Мыслитель считает, что смысл человеческому существованию придает только его временность, конечность, в силу чего время рассматривается им как самая значительная характеристика человеческого бытия.

По Хайдеггеру, человека, единственного из всех существ можно назвать «смертным», поскольку он знает, что умрет [9]. Мы переживаем свою смерть каждое мгновение жизни, и в этом плане, наш человеческий страх смерти отличается от животного, ведь животные боятся только в случае актуальной опасности. Мы знаем, что смерть угрожает нашей жизни, но это тягостное переживание, поэтому большинство людей гонит его от себя, стараясь не думать о ней. Порой мы прячем страх смерти так глубоко, что он в явном виде перестает быть заметным. Но это сокрытие делает наше существование неподлинным. Отдающее себе отчет в факте своей собственной конечности существование Хайдеггер называет «бытием-

к-смерти», и это бытие-к-смерти – критерий подлинности человеческой экзистенции. Поскольку ничто сущее, кроме человека, не знает о своей конечности, то значит только ему ведома временность. Тем самым, сущность времени раскрывается лишь в его отношении к человеку.

Время, относимое к человеку, Хайдеггер называет «первоначальным», а время, не связанное непосредственно с человеком, – «производным». Подобное деление соответствует различению субъективного, переживаемого человеком времени, и объективного, физического времени.

Время, переживаемое человеком, Хайдеггер называет «временностью». Оно имеет свой источник в конечности человека, жизнь которого заключена между рождением и смертью. В связи с этим, временность всегда «наша», и «в нас», благодаря временности, раскрывается бытие.

Хайдеггер считает, что европейская философия абсолютизирует один из модусов времени – настоящее. Однако только сосредоточенность на будущем дает личности подлинное существование. Перевес настоящего приводит к тому, что мир повседневности заслоняет для человека его конечность.

Особое внимание проблеме времени уделяет и другой философ-экзистенциалист XX века – Ж.П. Сартр [7]. Время в его концепции также лишено объективности, поскольку полагается человеческим «Я». Он отвергает трактовку времени как последовательности «временных атомов» и рассматривает его как структуру «бытия-для-себя», т.е., по сути, говорит о субъективном времени. С его точки зрения, оно возникает в процессе постоянного ускользания сознания от тождества с самим собой. «Бытие-для-себя» существует в форме трех временных состояний: прошлого, настоящего и будущего, которые существуют как разделенные моменты изначального синтеза, осуществляемого субъектом.

Особое значение Сартр придает анализу соотношения временных модусов. Констатируя органическую связь прошлого и настоящего, мыслитель отмечает, что прошлое существует только для тех, кто ставит вопрос о своем прошлом. Для мира вещей и событий

никакого прошлого нет, поскольку оно приходит к ним только через человека. «Прошлое есть только для настоящего, которое не может существовать, не будучи там, позади себя, своим прошлым, то есть лишь те существа имеют прошлое, в бытии которых ставится вопрос об их прошлом бытии, которые имеют в бытии свое прошлое» [7, с. 143]. Таково существование только человека, и потому только для человеческой реальности обнаруживается существование прошлого.

Настоящее противопоставляется Сартром прошлому, которым оно больше не является, и будущему, которым оно еще не является. Настоящее существует в форме «не есть»: оно есть всегда позади себя в прошлом и впереди себя в будущем. Человек никогда не ограничивается и не сводится к своему прошлому. Поскольку прошлое является чужеродной формой для настоящего, смысл настоящего надо искать в будущем: «будущее конституирует смысл моего настоящего» [7, с. 171].

Будущее – это то, чего еще нет. Для человека характерны жажда нового, неудовлетворенность, вечный поиск, в виду чего он постоянно «ускользает» из настоящего и проектирует себя в будущее. Таким образом, не настоящее порождается прошлым, а прошлое – настоящим, и настоящее – будущим.

По Сартру, «будущее есть детерминирующее бытие» [7, с. 169]. Он отрицает зависимость настоящего и будущего от прошлого, что является аргументом против психоанализа, в котором понятие «бессознательного» оказывается тесно связанным с прошлым (периодом раннего детства), определяющим последующую жизнь человека. Главного «врага» человеческой свободы Сартр усматривает в каузальной связи прошлого и настоящего. Как и другие экзистенциалисты, он предлагает понимать человека не как действительность, а как возможность. Вслед за Хайдеггером, он считает, что человеческое бытие богаче того, каковым оно является в настоящий момент. Человек является не столько тем, кто он есть и кем он был, а сколько тем, кем он будет. По Сартру, у человека нет раз и навсегда данной сущности. «У труса всегда есть возможность не быть больше трусом, а у героя – перестать

быть героем» [8, с. 327]. Таким образом, проблема времени в экзистенциализме Сартра оказывается тесно связанной с темой свободы, позволяя понять человека как проект, как возможность, как устремленность в будущее (он никогда до конца не определен, его «существование предшествует сущности» [8, с. 320].

Итак, на протяжении всей истории философии некоторыми мыслителями отрицалась объективность времени. Среди философов, которые в своем творчестве уделяли значительное внимание разработке проблемы субъективного времени, И. Кант, А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и Ж.П. Сартр занимают особое место. Кант полагал, что время, наряду с пространством, находится не в природе, а в сознании человека. Они представляют собой результат особой допытной способности нашего ума приводить в порядок поступающие извне ощущения. В области существующих независимо от человека вещей времени нет, оно имеется лишь в области того, что Кант называл явлениями и относил к субъективной сфере. Намечившаяся в концепции И. Канта идея о том, что время раскрывается через определенные функции сознания, получает свою дальнейшую разработку в феноменологическом анализе внутреннего сознания времени Э. Гуссерля.

Полемизуя с Кантом, Бергсон вдохновляется его идеями о времени как внутреннем чувстве, о связи с ним субъективности. Однако время у А. Бергсона уже не допытная форма внутреннего созерцания, а непосредственный факт сознания, постигаемый внутренним опытом. Французского мыслителя можно по праву считать первооткрывателем внутреннего времени или «дления», «длительности». Что это означает? Время как длительность – это качественное эмоционально окрашенное время, своего рода, органический синтез состояний сознания, которые не рядопологаются, а проникают друг в друга. Время в концепции А. Бергсона предстает как неделимое и целостное, предполагающее взаимопроникновение прошлого и настоящего, творчество новых форм, развитие. Время как длительность – это непрерывное развитие прошлого, вбирающего в себя

будущее и разбухающего по мере движения вперед. В силу того, что прошлое благодаря памяти сохраняется в настоящем, время как длительность необратимо, ведь прошлое постоянно по-новому взаимодействует с настоящим.

Рассуждения Бергсона о модели времени, с которой работает наука, и выдвижение им собственного представления о времени как о чистой длительности потока сознания фактически означало пересмотр прежней рациональности, строившийся на математизированном видении мира и не способной объяснить человека и его сознание. Мыслитель осознает тот факт, что время как элемент физического описания реальности и время как определенного рода величина и мера человеческой жизни – это различные реальности, которые должны исследоваться на разных теоретических уровнях и разными методами. Бергсон, вероятно, первым столь решительно разводит эти формы времени. Однако в его наследии фиксируется факт возможности их сосуществования. Развивая последнюю мысль можно сказать, что человек живет в нескольких временных мирах одновременно, как в объективном времени физического мира, так и в своем внутреннем эмоционально окрашенном времени, зависимом от его сознания.

Э. Гуссерль, также как и А. Бергсон, проводя редукцию в отношении объективного времени, вовсе не отрицает существования последнего, что свидетельствует в пользу схожести обеих концепций. Однако Бергсон, разрабатывая свою концепцию времени как длительности, практически не касался вопроса о том, благодаря каким актам нашего сознания конституируется время, для Гуссерля же это вопрос первостепенной важности. Мыслитель не просто ставит вопрос о различении объективного и субъективного времени, но и пытается понять, благодаря каким актам нашего сознания мы переживаем время. В целом, он продолжает традицию И. Канта и А. Бергсона, связывая проблему времени с проблемой субъективности и сознания, однако продвигается дальше за счет феноменологической редукции, подробно рассматривая те акты сознания, при помощи которых конституируется время. Специфика феноменологического подхода к изучению времени состоит в том, что

Гуссерль, при помощи разработанной им методологии конкретизирует имманентное время сознания, выделяя первичные акты его конституирования, такие как удержание точки-теперь в постоянно изменяющемся континууме, ретенцию, – первичную память, удерживаемую в настоящем, и протенцию, – первичное ожидание, предвосхищение будущего в настоящем.

Критически переосмысливая феноменологию Гуссерля, философы-экзистенциалисты переводят проблему времени в сферу индивидуального человеческого бытия. Они говорят о временности человеческого существования, которая понимается ими как переживание человеком времени, окрашенное в эмоциональные, трагические тона, поскольку существование простирается между рождением и смертью. Время в экзистенциализме носит личностный характер, его нельзя абстрагировать от человеческих переживаний, поскольку его восприятие целиком зависит от субъекта. Поэтому экзистенциалисты отличают подлинную экзистенциальную временность от физического времени мира, которое производно от нее. Согласно Хайдеггеру, подлинное («первоначальное») время – это время, соотносимое с человеком. Неподлинное («производное») время – это время объективное, которое человек не переживает и которого не содержит его экзистенция. Поскольку время есть основная характеристика человеческого бытия, то и само человеческое бытие также может быть подлинным и неподлинным. Подлинное бытие содержит в себе подлинное время, которое понимается как внутреннее переживание человеком своего будущего. Неподлинное бытие остается как бы застывшим в объективном физическом времени настоящего. Внутреннее переживание будущего есть не что иное, как осознание человеком своей конечности. Следовательно, чтобы постичь подлинное бытие и его смысл, человек должен осознать свою смертность, именно тогда он будет в состоянии освободиться от скрывающих истину нагроможденных целей повседневной жизни.

По Сартру, время приходит в мир через человека как одно из его переживаний. Вслед за Хайдеггером, он подчеркивает определяющее значение будущего в феномене вре-

мени, однако продвигается дальше, утверждая логику его «обратной каузальности». Иными словами, не прошлое определяет настоящее и будущее, а наоборот, истинный смысл прошлого и настоящего можно понять только с позиции будущего. Подобное понимание времени позволяет взглянуть на человека как на устремленность в будущее, как на сумму возможностей, реализуемых посредством выбора. Таким образом, тема субъективного времени в философии Сартра оказывается тесно связанной с темой человеческой свободы.

В целом, следует констатировать сложность изучения феномена субъективного времени, которая, с нашей точки зрения, обусловлена тем, что данная «разновидность» времени тесно связана с субъективной реальностью человеческого сознания. В этом плане, оно превращается в труднодоступный объект исследования. Вплоть до XX века проблема имманентного времени вообще не была предметом серьезного рассмотрения ни со стороны ученых, ни со стороны философов. Исключения составляют, пожалуй, концепция И. Канта, и отчасти учение о времени А. Августина. Однако, как справедливо полагал еще А. Бергсон, у Канта пространство и время принимались за понятия одного порядка, тем самым, им не учитывался качественный характер субъективного времени. Мыслители XX века по-разному понимают данный феномен, раскрывая, тем самым, его различные грани. Однако в их подходах к субъективному времени прослеживается некая преемственность, все они, так или иначе, сходятся в некоторых общих моментах. Анализ понятия субъективного времени в истории философии, позволил определить его специфику. Во-первых, субъективное время тесно связано с человеческим сознанием, им конституируемым и обусловленным. Превращаясь в конструкт нашего сознания, оно должно исследоваться и описываться иными методами, нежели время физического мира. Во-вторых, субъективное время оказывается как бы одним из источников нашего познания, поскольку знания, получаемые нами, пропускаются сквозь субъективную реальность нашего сознания. В-третьих, свойства субъективного времени отличаются от свойств времени объективного. Оно является

событийным, зависит от индивидуального человеческого опыта, для него один миг может длиться целую вечность, и в этом плане, оно не может быть измерено хронометрами. Каждый из своего опыта знает, что длина переживаемых временных отрезков зависит от оценки происходящих событий, от отношения к ним, что «время печали» длиннее «времени радости», что ход времени может как бы вообще не замечаться нами в процессе занятия различной творческой деятельностью. Субъективное время – это личностное эмоционально окрашенное время человека, в нем различные модусы существуют в неразрывном единстве, взаимно проникая друг в друга. В-четвертых, имманентное время нашего сознания является первичным («первоначальным» – в терминологии Хайдеггера) по отношению к объективному времени материальных предметов, которое мыслится как производное от него. В-пятых, выявление специфики субъективного времени позволяет лучше понять человека и его сознание. В заключение добавим, что понимание имманентного времени в философии XX века настолько многогранно, что, возможно, следует различить его формы, например, выделить субъективное пе-

реживание объективного времени материального мира и внутреннее время потока сознания, но подобное различие – уже дальнейшая перспектива исследования.

На сегодняшний день тема времени привлекает внимание не только философов, но и специалистов самых различных областей знания, что связано с процессом дифференциации познавательной деятельности. Время, становясь предметом междисциплинарных исследований, требует расширения границ его физического понимания и преодоления упрощенных, наивно-реалистичных взглядов о его сущности. В этом отношении учения о времени вышеназванных мыслителей могут служить неисчерпаемым источником новаций в сфере тех подходов, которые используются для постижения сути данного феномена. Благодаря работам И. Канта, А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и их последователей накоплен богатый теоретический материал, который может быть использован в различных областях человеческого знания, исследующих феномен времени.

Вознюк Елена Борисовна – кандидат социологических наук, доцент

Список литературы

1. Августин, А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергиенко; общ. ред. и ст. А.А. Столярова. – М.: Канон+ОИ: «Реабилитация», 2000. – 464 с.
2. Бергсон, А. Творческая эволюция. – М.: Терра – Книжный клуб; Канон-Пресс, 2001. – 384 с.
3. Беркли, Дж. Сочинения / Сост., общ. ред. и вступит. статья Н.С. Нарского. – М.: "Мысль", 1978. – 556 с.
4. Блауберг, И.И. Анри Бергсон. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 672 с.
5. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. Э. Гуссерль; составл., вступ. статья, перевод В.И. Молчанова. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 192 с.
6. Кант, И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 736 с.
7. Сартр, Ж.-Поль. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В.И. Колядко]. – М.: АСТ, 2015. – 925 с.
8. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
9. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998. – 383 с.
10. Хасанов, И.А. Феномен времени. Часть II. Субъективное время. Выпуск 1. Две гносеологические позиции в философии. Субъективное пространство и субъективное время как атрибуты сознания. – М.: ИПКгосслужбы, 2004. – 99 с.

HISTORICAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE IDEA OF SUBJECTIVE TIME

E.B. Vosnyuk

Polsunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The historical-philosophical analysis of philosophical doctrines, in which subjective time finds its reflection, is represented in the article. The author considers different theoretical and methodological approaches to understanding the essence of this phenomenon, traces the history of the formation of views on subjective time in philosophy, and analyzes the development of the idea of inner time and the features of its transformation.

Keywords:

subjective time, immanent time, consciousness, objective time.

References:

1. Avgustin, A. Ispoved' / Per. s lat. M.E. Sergienko; obshch. red. i st. A.A. Stolyarova. – M.: Ka-non+OI: «Reabilitaciya», 2000. – 464 s.
2. Bergson, A. Tvorcheskaya evolyuciya. – M.: Terra – Knizhnyj klub; Kanon-Press, 2001. – 384 s.
3. Berkli, Dzh. Sochineniya / Sost., obshch. red. i vstupit. stat'ya N.S. Narskogo. – M.: "Mysl", 1978. – 556 s.
4. Blauberg, I.I. Anri Bergson. – M.: Progress–Tradiciya, 2003. – 672 s.
5. Gusserl', E. Sobranie sochinenij. T. I. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni / Per. s nem. E. Gusserl'; costavl., vstup. stat'ya, perevod V.I. Molchanova. – M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. – 192 s.
6. Kant, I. Kritika chistogo razuma / Per. s nem. N. Losskogo, sveren i otredaktirovan C.G. Arzaka-nyanom i M.I. Itkinym; primech. C.G. Arzakanyana. – M.: Izd-vo Eksmo, 2006. – 736 s.
7. Sartr, Zh.-Pol'. Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii / Per. s fr. V.I. Kolyadko]. – M.: AST, 2015. – 925 s.
8. Sartr, Zh.-P. Ekzistencializm – eto gumanizm // Sumerki bogov. – M.: Politizdat, 1989. – S. 319–344.
9. Hajdegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. – Tomsk: Vodolej, 1998. – 383 s.
10. Hasanov, I.A. Fenomen vremeni. Chast' II. Sub"ektivnoe vremya. Vypusk 1. Dve gnoseologicheskie pozicii v filosofii. Sub"ektivnoe prostranstvo i sub"ektivnoe vremya kak atributy soznaniya. – M.: IPKgossluzhby, 2004. – 99 s.

ИЗ ИСТОРИИ РЕКЛАМЫ НА АЛТАЕ: О ТВОРЧЕСТВЕ РЕЖИССЕРА АЛЕКСАНДРА БЫКОВА

Н.В. Вохменцева

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Статья посвящена творчеству одному из самых значительных режиссеров телевизионной рекламы на Алтае Александру Быкову. Разносторонне исследованы творческие идеи и практические решения рекламы. В статье отражены своеобразие драматургии и режиссуры телерекламы А. Быкова.

Ключевые слова:

реклама, ролик, режиссура, мизансцена, сюжет, архетип, образ, персонаж, драма, атмосфера, аттракцион, ремейк.

Политические, экономические и духовные перемены в России в 90-е годы XX в. существенно отразились на деятельности всех средств массовой информации, в том числе и телевидении, освободившемся от идеологического прессинга: происходят радикальные изменения в структуре и функционировании отрасли. Новая журналистика, новые передачи и новые жанры делают телевидение все более и более привлекательным для зрителя, оказавшегося в новом социально-культурном пространстве.

Имманентной составляющей телеэфира становится реклама, которая уже с 30-х гг. XX в. признается «американской формой искусства», значимой частью жизни западного общества. Стремительными темпами телереклама расширяет границы своего влияния на все сферы жизни человека: работа, семья, отдых, быт, образование, приобретения любого характера. Более того, она заявляет о себе как мощный фактор воздействия на сознание людей, на их привычки, ценностные ориентиры, поведение, интересы и вкусы.

В короткие сроки идет преобразование и самой рекламы, превратившейся в отдельный вид деятельности – рекламный бизнес. Преодолевая этап подражания западным образцам, отечественная реклама все более чет-

ко обретает свой национальный облик, язык и характер, адресно рассчитанные на восприятие отечественного потребителя. С самого начала, выполняя коммерческие задачи, она является своего рода двуликим Янусом, отражая светлые и темные стороны общества.

Почти три десятилетия отделяют нас от истоков возникновения отечественной телерекламы, преодолевшей за это время эволюцию в разных отношениях – форматов и жанров, приемов демонстрации и построения образов, методов и приемов съемки, драматургии и режиссуры. Процесс развития телевизионной рекламы на федеральном уровне и в регионах шел параллельно, имея много общего, но и особенного.

Производство рекламной телепродукции в регионах отличало незначительное вложение средств рекламодателей в творческие проекты, дефицит профессиональной технической базы, а также специалистов в области телевизионной рекламы. Эти факторы во многом обусловили возникновение феномена авторской телерекламы, за созданием которой стояли конкретные режиссеры, выполнявшие в одном лице функции целой творческой группы – оператора, звукорежиссера, монтажера, копирайтера, осветителя и др.

В Алтайском крае в 1990-е гг. годы появляется плеяда молодых талантливых режиссеров – Сергей Литовкин, Михаил Гусев, Игорь Холодков, Игорь Голованов, Евгений Платонов, Константин Зайвий, Валерий Копнинов, Алексей Тетерятник, Евгений Куртуков. Большинство начинающих режиссеров в сферу рекламного бизнеса пришли, имея опыт в журналистике или театральной режиссуре. Однако с самого начала их деятельность отличается напряженный поиск в создании ярких и убедительных образов, интересных сюжетов, разнообразие приемов демонстрации товаров и услуг, неожиданных режиссерских ходов, методов и приемов съемки. Каждый из режиссеров имеет свой почерк, свой стиль, проявляет в рекламном творчестве не только профессиональные навыки и художественные предпочтения, но и личную культуру, эстетические вкусы, жизненные принципы и идеалы.

На счету первых мастеров телевизионной рекламы Алтая сотни роликов, многие из которых без преувеличения можно назвать шедеврами. Изучение опыта «пионеров» телевизионной рекламы на Алтае убеждает в том, что они создали профессиональную и нравственную платформу для дальнейшего развития жизнеспособной и эффективной экранной рекламы, а также ответственного отношения режиссеров последующих поколений к деятельности в этой сфере. Эта реклама не только предлагала приобретение товаров и услуг, выполняя тем самым чисто маркетинговые задачи, но и прямо или образно представляла свой гуманистический идеал жизни отдельного человека и общества, проявляя личностные качества ее создателей. Рекламное наследие режиссеров телевизионной рекламы можно с полным основанием считать яркой, ценной и значимой частью культуры и истории Алтая. Одним из самых первых и значительных режиссеров телевизионной рекламы на Алтае по праву считается Александр Юрьевич Быков.

Творческая биография режиссера Александра Быкова начиналась в непростые 90-е гг. XX в. в Новосибирском отделении молодых авторов телевидения и кино («НОМАТИК»), когда студент Алтайского государственного медицинского института Александр Быков ради рекламы пожертвовал карьерой врача.

Рисунок 1 – Режиссер А.Ю. Быков

В Новосибирске он моментально очутился в водовороте нового телевидения. Начинающий режиссер был из тех, кто только начинал осваивать трехмерную компьютерную графику. На базе «НОМАТИКа» именно Александром Быковым и еще одним режиссером Михаилом Гусевым (в дальнейшем создателем легендарной компании «АТН» на Алтае) были созданы первые ролики в трехмерной компьютерной графике. В день приходилось снимать порой 2–3 ролика. Жесткий рабочий режим, который для себя определил Александр Быков в начале творческого пути, позволил ему достичь значительных результатов уже в 90-е гг. В период с 1995 по 1998 годы он трижды участвовал в фестивалях рекламных фильмов и трижды побеждал (дважды получал Гран-при и один раз – первое место в номинации «режиссер»). Среди его наиболее известных работ – музыкальный клип «16 тонн» (2002), экспериментальный фильм «Моно» – участник внеконкурсной программы Международного фестиваля в Будапеште (2004), короткометражный игровой фильм «Оттенки пестрого» – первый игровой фильм, снятый в Барнауле с привлечением профессиональных актеров (2007). Сегодня на счету

ИЗ ИСТОРИИ РЕКЛАМЫ НА АЛТАЕ: О ТВОРЧЕСТВЕ РЕЖИССЕРА АЛЕКСАНДРА БЫКОВА

режиссера Александра Быкова рекордно снятое количество рекламы – свыше 800 роликов, видеоклипов, рекламных фильмов. Заказы на рекламу приходили и приходят со всех концов страны, неоднократно были предложения контрактов из Англии, Болгарии, Кипра, несколько роликов сняты для США. Истинный мастер всегда работал с энтузиазмом, с увлечением, с полной самоотдачей.

Большой блок информационных роликов Александра Быкова на редкость разнообразен формами демонстрации товара. Чаще всего – «демонстрация» с комментарием ведущего (серия роликов бытовой техники «MOULINEX», «Демо», фирма «Профи», Федеральная сотовая связь «Сотел» и др.), «жизненная ситуация» (продукция «Тайны океана»), «рекомендация знаменитости» (компания «Энергосбыт»), «мнение специалиста» (аптечная сеть «Губернский лекарь»), ролики репортерского типа (страховая компания «Росэнерго»). Значительное место в творчестве Александра Быкова занимает музыкальная реклама (газета «Свободный курс», фирма «GALEX», сеть магазинов компьютерной техники «Байт», фирма «Профи» и др.). «Приятно ласкающий ухо музыкальный клип вызывает благожелательное отношение к товару, создает ему определенный имидж...» [4, с. 60]. Музыкальная реклама «Танцуем Барнаул!» (2016 г.), посвященная туризму на Алтае, не только ласкает слух, но и, создавая имидж г. Барнаула, доставляет визуальное наслаждение.

Рисунок 2 – Реклама бильярдного клуба «Колизей»

Автору удалось передать как привлекательность исторически значимых мест города, так и его грациозную молодость, элегантно соединив их в музыке и танце. Безусловно, в полной мере А. Быков раскрывает свое режиссерское дарование, обращаясь к костюмированной драме.

Это реклама бильярдного клуба «Колизей», аптечной сети «Губернский лекарь», ресторана «VELVET», сотовой сети «Юнисел», рекламный сериал ОАО «Алтайэнерго» с историческими персонажами (Антони ван Левенгук, Михаил Ломоносов, Зигмунд Фрейд). Характерные и убедительные образы надолго остаются в памяти зрителя. Музыка безупречно работает на идею каждого произведения. Постановочные ролики автора виртуозны с игрой во времени и пространстве. Атмосфера, окрашенная мягкой ностальгией, соткана из множества точных и эстетичных деталей, одной из которых является образительная цитата (включение в рекламу кадров-цитат, отражающих известные произведения изобразительных искусств, в данном случае – живописи). Именно в этой категории рекламы Александр Быков проявляет себя как непревзойденный мастер мизансцены, в которой передается не только суть происходящего в эпизоде, но и эмоциональное содержание в действенной эстетической форме.

Юмор – неизменный спутник творчества Александра Быкова, даже, казалось бы, необычных объектов рекламирования для такого подхода. Это, например, реклама «Справочной службы 007», газеты «Алтайская неделя», магазина компьютерной техники «GALEX», реклама сети магазинов компьютерной техники «Байт», снятая в жанре боевика (в содружестве со сценаристом и продюсером Владимиром Плахиным, в свое время редактором газеты «Вестник АТН»). Кстати, для компании «Байт» ролики снимал и еще один талантливый режиссер – Владимир Моисеенко. Конечно, нельзя не упомянуть рекламу компании «Грин Сервис», в которой блистательно обыгрываются мотивы фильма «Семнадцать мгновений весны» с неподражаемыми образами Штирлица и партизан. Клипы «Грин Сервис» – редкий пример рекламного ремейка на региональном экране. Из юмористических приемов в рек-

ламе самым надежным является прием «эффект неожиданности». И этот прием самый распространенный в комедийных телепроизведениях Александра Быкова. Высокий профессионализм и тонкий вкус режиссера в создании юмористических персонажей и сюжетов по праву позволяет отнести их к аттракционам – техникам, рассчитанным на сильное эмоциональное потрясение зрителя.

Рисунок 3 – Реклама «Справочной службы 007»

Рисунок 4 – Реклама компании «Грин-Сервис»

Александр Быков явился одним из первых режиссеров телерекламы на Алтае, который в поиске эффективных приемов в свой творческий арсенал стал включать выдающиеся достижения режиссуры, обращаясь к традиционным средствам художественной выразительности, используемым, прежде всего, в кинематографе. В числе таких средств является техника аттракциона,

обоснование эффективности которой применительно к экранному творчеству, было дано С.М. Эйзенштейном в его знаменитой статье «Монтаж аттракционов». Аттракцион определяется выдающимся режиссером, как элемент произведения, способный интенсивно воздействовать на зрителя, вызывая у него ту или иную, планируемую автором эмоцию.

Чрезвычайно важным применительно к рекламному творчеству является утверждение Сергея Эйзенштейна об «общности (однородности)» для кинематографа и для театра «основного материала – зрителя и... целевой установки – обработки этого зрителя в желаемом направлении через ряд нажимов на психику» [7, с. 167]. Данный тезис фигурирует в качестве базового в психологии рекламы, является своего рода аксиомой рекламного творчества.

В работе «Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона» А.И. Липков, классифицируя аттракционы в практике разных видов искусства по содержанию, выделяет такие его версии, как неожиданность, рекорд, красота, уродство, диковина, чудо, казус, тайна, запрет, скандал, риск, смерть, жестокость, катастрофа, также выделяется, как аттракцион, область игр [10, с. 37]. «...В принципе любой аттракцион ориентирован на достижение вполне определенной реакции», – пишет А.И. Липков [10, с. 37]. Автор уточняет: «Аттракционы могут быть самыми разными – вызывающими смех, удивление, жалость, испуг, ужас. Аттракцион может быть рассчитан не только на благоприятную эмоцию зрителя, но и на резко отрицательную» [10, с. 24]. Фактически все виды упомянутых аттракционов нашли свое место в рекламном творчестве Александра Быкова.

Как правило, сериальные ролики режиссера Быкова опираются на сквозные ситуации, сквозных персонажей и сквозную идею. Сюжеты столь разнообразны, что трудно утверждать о предпочтениях автора: и лирические (магазин «Обувь», газета «Свободный курс»), и фольклорные (реклама продукции «Поликорн»), и шоковые (реклама магазина «Капелла Электроникс», сеть компьютерных магазинов «Байт»),

ИЗ ИСТОРИИ РЕКЛАМЫ НА АЛТАЕ: О ТВОРЧЕСТВЕ РЕЖИССЕРА АЛЕКСАНДРА БЫКОВА

и сентиментальные (реклама в стиле ретро бильярдного клуба «Колизей»). При этом хочется подчеркнуть, что Александр Быков стороной интеллигентно обходит эротические сюжеты и мотивы, которые некорректно используют от истоков возникновения рекламы и до сегодняшнего её дня многие режиссеры телерекламы.

Вне всяких сомнений, экранные шедевры Александра Быкова отвечают главным критериям эффективной рекламы: они привлекают внимание, интересны и увлекательны по сюжету, ясны и убедительны по форме и языку подачи, большей частью лаконичны (ни одной лишней детали, ни в одном ролике мастера, в этом смысле они, можно сказать, ювелирны). Каждый ролик ненавязчиво, легко и играючи несет коммерческое предложение. В целом реклама передает мягкость, изящество стиля, артистизм, аристократизм личности самого режиссера.

*Рисунок 5 – Реклама магазина
«Капелла Электроникс»*

Эффективность произведений Александра Быкова во многом объясняется профессиональным использованием режиссером архетипических образов. В соответствии с теорией швейцарского психолога Карла Юнга, в душе человека присутствует загадочная область, объединяющая всех людей, – коллективное бессознательное. Именно этой части психики принадлежит решающая роль в регуляции поведения человека. Коллективное бессознательное – в отличие от индивидуального – идентично у всех людей. Юнг рассматривает этот глу-

бинный уровень психики и как результат предшествующего филогенетического опыта, и как априорные формы психики, и как совокупность идей, образов, представлений человечества. Иными словами, это наследственная память закрепленных многими тысячелетиями психической эволюции символов и образов (архетипов), обращение к которым, как показывают психологические исследования, вызывает у людей одни и те же неосознаваемые ассоциации. Грамотно включая их в образное и текстовое рекламное обращение, можно добиться высокого психологического влияния на адресата рекламы.

В творчестве Александра Быкова, имеющего обширные знания в области психологии, пожалуй, в большей степени, чем у других режиссеров телерекламы Алтая, встречаются многочисленные архетипические символы, такие, как круг, свеча, крест, путешествие, огонь, колдовство, архитектура, башня, стена, собака, тайна, игра, театр, шлем, меч, колдовство, вращение, ребенок и др. Круг значений каждого их архетипов может быть достаточно широким. К примеру, «башня» – высота, возвышение над обычным уровнем повседневной жизни и над окружающими, символ восхождения, возможность уединения, покой, дальновидность и предсказательный дар, особая защищенность, прямая связь с небом, явно вертикальная (духовная) ориентация.

«Крест» – это мистический центр мира, лестница в небо, огонь жертвы, символ вечной жизни, страдание во имя идеи, напоминание о вере и спасении, агония и боль будничной суеты. «Огонь» символизирует жизненную силу, здоровье, чистоту, тепло, сердечность, энтузиазм, духовную энергию, превращение, плодovitость, благополучие, победу над злом, совесть, возвышение мыслей, энергию творчества, центральную силу, выход за пределы.

Подчеркнем, что приведенные описания соответствуют представителям современной цивилизации Европы. Архетипические символы в рекламе Александра Быкова, выполняя сложные психологические задачи, добавляют зрелищности его клипам, делают их рекламными спектаклями, доставляющи-

ми зрителю эстетическое и интеллектуальное удовольствие.

Заслугой режиссера можно по праву считать значительный цикл социальной рекламы, в которой он выражает свое отношение к актуальным проблемам общества: внимание к детям, забота о городской культуре, отвращение к бюрократическому подходу к человеку со стороны чиновников.

Творческая биография Александра Быкова богата совместными проектами с другими режиссерами, в частности, с Сергеем Литовкиным, Игорем Холодковым, Михаилом Гусевым, Валерием Золотухиным (киноспектакль «Праздники детства»).

Сегодня в творческом багаже А. Быкова большое количество телевизионных версий спектаклей театров краевого центра. Многогранный талант и неиссякаемая энергия Александра Быкова сосредоточены также на создании артпроектов, музыкальных клипов, многочисленных документальных и корпоративных фильмов, где с успехом использу-

ется накопленный режиссером в рекламном творчестве бесценный опыт.

*Рисунок 6 – Александр Быков.
Рабочий момент съемок*

Вохменцева Наталья Владимировна – кандидат философских наук, доцент

Список литературы

1. Акиньшина, К.Ю. Трансформация художественного образа в массовом искусстве как творческий процесс (на примере рекламы): дисс. ... канд. филос. наук / К.Ю. Акиньшина. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. – 193 с.
2. Анатомия рекламного образа / под общ. ред. А.В. Овруцкого. – СПб : Питер, 2004. – 224 с. : ил.
3. Брабандер, Люк де. Думай в других форматах. – М.: Эксмо, 2015. – 384 с.
4. Голядкин, Н.А. Творческая телереклама : учеб. пособие для студентов вузов / Н.А. Голядкин. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 172 с.
5. Гребенкин, Ю.Ю. Психотехнологии в рекламе. – Новосибирск: Риф-плюс, 2000. – 214 с.
6. Дули, Р. Нейромаркетинг. Как влиять на подсознание потребителя. – Минск : Попурри, 2013. – 336 с.
7. Из творческого наследия С.М. Эйзенштейна : материалы и сообщения: сб. науч. тр. / Гос. комитет СССР по кинематографии, Всесоюз. НИИ киноискусства ; отв. ред. Л. К. Козлов. – М.: ВНИИК, 1985. – 118 с. – (Кино: история, теория, критика).
8. Каплунов, Д. Контент, маркетинг и рок-н-ролл. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 496 с.
9. Лебедев-Любимов, А.Н. Психология рекламы. – СПб : Питер, 2004. – 368 с. : ил. – (Серия «Мастера психологии»).
10. Липков, А.И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона. – М. : Наука, 1990. – 240 с.
11. Эйзенштейн, С.М. Монтаж аттракционов // Избранные произведения : в 6 т. Т. 2. – М. : Искусство, 1964. – С. 269–273.

FROM THE HISTORY OF ADVERTISING ON ALTAI: ABOUT CREATIVE WORK OF THE DIRECTOR ALEXANDER BYKOV

N.V. Vohmenceva

PolzunovAltai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article is devoted to one of the most significant television advertising directors on Altai, Alexander Bykov. The creative ideas and practical solutions in advertising are widely researched. The article reflects the originality of the dramaturgy and direction of television advertisements created by Alexander Bykov.

Keywords:

advertisement, movie, direction, mise en scene, plot, archetype, image, character, drama, atmosphere, attraction, remake.

References:

1. Akin'shina, K.Yu. Transformatsiya hudozhestvennogo obraza v massovom iskusstve kak tvorcheskij process (na primere reklamy): diss. ... kand. filos. nauk / K.Yu. Akin'shina. – Barnaul: Izd-vo AGU, 2006. – 193 s.
2. Anatsomiya reklamnogo obraza / pod obshch. red. A.V. Ovruckogo. – SPb : Piter, 2004. – 224 s. : il.
3. Brabander, Lyuk de. Dumaj v drugih formatah. – M.: Eksmo, 2015. – 384 s.
4. Golyadkin, N.A. Tvorcheskaya telereklama : ucheb. posobie dlya studentov vuzov / N.A. Golyadkin. – M.: Aspekt Press, 2005. – 172 s.
5. Grebenkin, Yu.Yu. Psihotekhnologii v reklame. – Novosibirsk: Rif-plyus, 2000. – 214 s.
6. Duli, R. Nejromarketing. Kak vliyat' na podsoznanie potrebitelya. – Minsk : Popurri, 2013. – 336 s.
7. Iz tvorcheskogo naslediya S.M. Ejzenshtejna : materialy i soobshcheniya: sb. nauch. tr. / Gos. komi-tet SSSR po kinematografii, Vsesoyuz. NII kinoiskusstva ; otv. red. L. K. Kozlov. – M.: VNIIC, 1985. – 118 s. – (Kino: istoriya, teoriya, kritika).
8. Kaplunov, D. Kontent, marketing i rok-n-roll. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. – 496 s.
9. Lebedev-Lyubimov, A.N. Psihologiya reklamy. – SPb : Piter, 2004. – 368 s. : il. – (Seriya «Ma-stera psihologii»).
10. Lipkov, A.I. Problemy hudozhestvennogo vozdejstviya: princip attraktsiona. – M. : Nauka, 1990. – 240 s.
11. Ejzenshtejn, S.M. Montazh attraktsionov // Izbrannye proizvedeniya : v 6 t. T. 2. – M. : Iskustvo, 1964. – S. 269–273.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ О ВВЕДЕНИИ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»)

Т.А. Голуенко, О.Н. Жердева

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия
Барнаульский филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье в рамках общей темы отношений государства и церкви в России на современном этапе исследуется тема введения в школьную программу курса «Основы религиозной культуры и светской этики», приводятся результаты опроса школьников и родителей в Алтайском крае о необходимости введения в школьную программу и пользе данного курса.

Ключевые слова:

взаимоотношения государства и церкви в России, социологический опрос, религия и школа.

Вопрос взаимоотношений государства и церкви, государства и религиозных конфессий является одним из интересных аспектов для исследования. Религия играла и продолжает играть важную роль в общественно-политической и культурной жизни современных государств.

Во многих конституциях закреплён статус государственной религии (Великобритания, страны Ближнего и Среднего Востока), однако, в большинстве государств действует светская модель государственно-церковных отношений (США, Италия, Франция, Россия). В настоящее время можно говорить о двухосновных разновидностях светской модели государственно-церковных отношений: сепарационной (Франция) и кооперационной (Германия).

Нам показалось интересным посмотреть, каковы сегодня отношения государства и церкви в России, поскольку в последнее

десятилетие наблюдается очевидное сближение этих двух институтов.

Согласно Конституции Российская Федерация является светским государством, признающим равенство всех религий и конфессий [1]. Однако в преамбуле Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» признаётся особая роль православия «в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [2].

Сближение государства и православной церкви порождает предположение о формировании в России кооперационной модели государственно-церковных отношений.

Спецификой кооперационной модели является, с одной стороны, гарантия религиозной свободы и мировоззренческого нейтралитета, а с другой стороны, разностороннее сотрудничество государства и ведущих религиозных конфессий в ряде областей, прежде всего в социальной сфере.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ О ВВЕДЕНИИ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»)

Репрезентативной страной, в которой существует кооперационная модель взаимоотношений государства и церкви и с точки зрения авторитетных политологов (например, Потанина С.В. и Иерусалимского В.П.) является успешной, считается Германия [3, 4]. Конституция Германии гарантирует свободу религиозного мировоззрения [5].

Другими словами, как справедливо отмечают в своем исследовании Голуенко Т.А. и Жердева О.Н., «отношения между церковью и государством в Германии основываются на принципе правового отделения церкви от государства и принципе государственного нейтралитета, включающего в себя невмешательство государства в дела церкви и равенство всех религиозных конфессий» [6]. Государство признает привилегированное положение за тремя традиционными религиозными конфессиями: католической, лютеранской и ортодоксально-иудейской, и наделяет их статусом корпорации публичного права. Основной Закон ФРГ 1949 г. гарантирует религиозную свободу и мировоззренческий нейтралитет и разностороннее сотрудничество государства и ведущих религиозных конфессий в ряде областей [5].

В данном контексте интересным представляется вопрос о религиозном образова-

нии в германском обществе. Согласно статье 7 (п. 3) Основного Закона ФРГ «преподавание религии в публичных школах является обязательным» [5], но учитель вправе сам решать, будет ли он преподавать религию, а посещение уроков религии осуществляется на добровольной основе.

Таким образом, можно говорить о достаточно тесном сотрудничестве в германском обществе государства и религиозных конфессий в социальной сфере, прежде всего в вопросах образования и воспитания.

В 2012 году в России в школьную программу был введен новый курс «Основы религиозной культуры и светской этики». Нам показалось любопытным исследовать этот аспект в контексте заявленной нами гипотезы о формировании кооперационной модели государственно-церковных отношений.

Мы проследили этапы интеграции данного курса в школьную программу. Впервые о введении данного курса в школьную программу было объявлено в 2009 году. В Алтайском крае был проведен предварительный опрос родителей о необходимости введения данного курса. Большинство опрошенных (69 %) дали положительный ответ (см. рис. 1) [7].

Рисунок 1 – Как Вы относитесь к плану введения в школах предмета ОПК?

В 2010 году экспериментально данный курс был введен в следующих регионах страны (см. таблицу 1) [8].

Таблица 1 – Введение курса «Основы религиозной культуры и светской этики» в регионах РФ (данные 2010 г.)

Округ	Область
Центральный федеральный округ	Тамбовская область
	Тверская область
	Костромская область
Северо-Западный федеральный округ	Вологодская область
	Калининградская область
Сибирский федеральный округ	Красноярский край
	Новосибирская область
	Томская область
Дальневосточный федеральный округ	Еврейская автономная область
	Камчатский край
Уральский федеральный округ	Курганская область
	Свердловская область
Приволжский федеральный округ	Пензенская область
	Удмуртская Республика
	Чувашская Республика
Южный федеральный округ	Чечня
	Карачаево-Черкесия
	Республика Калмыкия
	Ставропольский край

С 2012 года Министерство образования рекомендовало данный курс, но окончательное решение остается за руководством школы, которое опирается на мнение родителей.

18 августа 2012 года были опубликованы данные опроса родителей в нашем крае с целью возможности ведения данного курса в школьную программу [9] (таблица 2):

Таблица 2 – Опрос родителей в Алтайской крае о возможности введения курса «Основы религиозной культуры и светской этики» в школы региона (данные 2012 г.)

Нужно ли в школах преподавать основы религиозной культуры?	Кол-во человек, %
Да	674 чел. (36 %)
Нет	974 чел. (53 %)
Религия и школа несовместимы	175 чел. (9 %)
Затрудняюсь ответить	25 чел. (2 %)
Всего проголосовало: 1 848 чел.	100 %

Нам показалось интересным провести опрос родителей и школьников спустя шесть лет после введения данного курса. Опрос проводился в городе Барнауле в МБОУ "СОШ № 60 имени Владимира Завьялова", где этот предмет был введен в 2012 году. Мы не случайно взяли для опроса именно эту школу, поскольку она находится в «неблагополучном» районе, где, по данным учителей школы, проживает много людей, которые относятся к разным диаспорам.

Возраст респондентов составил 14–17 лет (8–11 классы), это дети, которые уже прошли курс «Основы религиозной культуры и светской этики» в 4–5 классах. Мы намеренно опрашивали детей, которые уже прошли этот курс и могут, на наш взгляд, объективно оценить его. Всего было опрошено 60 школьников. На вопрос, был ли полезен данный предмет, 70 % респондентов ответили, что он не принес им никакой пользы, 10 % не смогли разобраться в своих взглядах и лишь 20 % ска-

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ О ВВЕДЕНИИ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»)

зали, что этот предмет был для них интерес- ным и нужным (см. рис. 2).

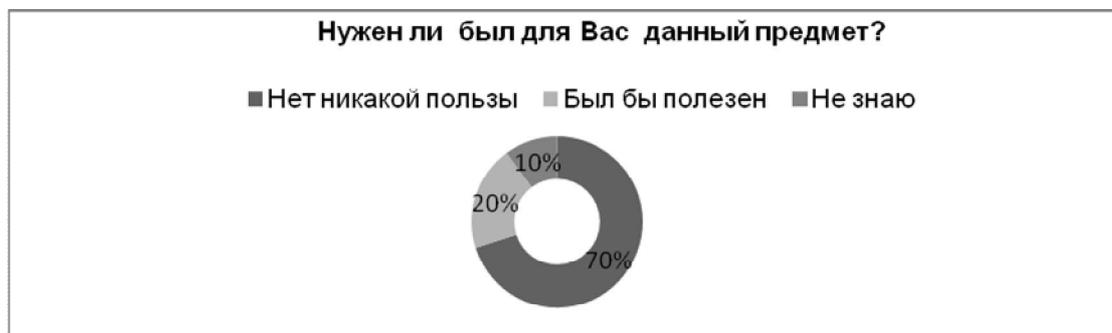

Рисунок 2 – Нужен ли был для Вас данный предмет?

На вопрос «Нравится ли вам предмет Основы религиозной культуры»,?» 80 % ответили «Нет», 16 % ответили, что им нравит-

ся предмет» и 4 % затруднились ответить или ответили, что им «все равно» (см. рис. 3).

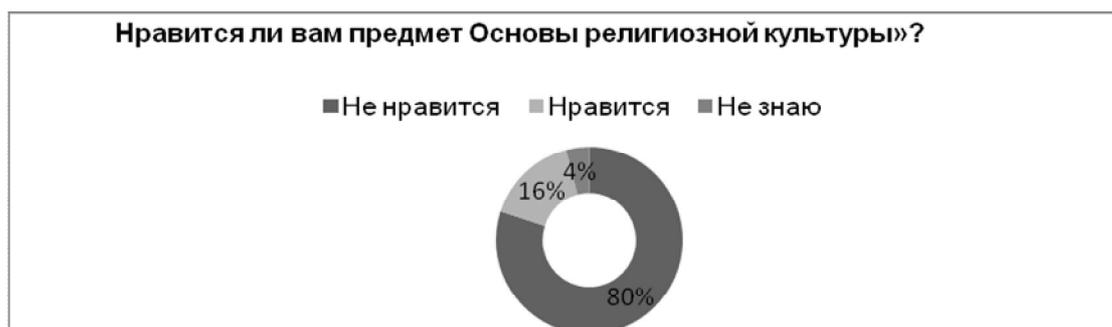

Рисунок 3 – Нравится ли Вам предмет Основы религиозной культуры?

Так как все респонденты уже закончили изучать данный курс, интересно было проверить, знают ли они мировые религии: 55 % не смогли назвать правильно ни одной религии, 28 % назвали три религии и лишь 17 % дали правильный ответ. Некоторые респонденты дали такие нелепые ответы как «Христианство», «Мусульманство». На вопрос «Отмечаете ли Вы религиозные праздники» у 71 % опрошенных религиозные праздники отмечаются в семье «от случая к случаю», у 17 % отмечаются «всегда», у 8 % «если они совпадают со светскими» и лишь у 20 % не отмечаются в семье религиозные

праздники. Нам показалось логичным задать вопрос и о толерантности школьников к другим конфессиям: «Если Ваш друг будет исповедовать другую религию, как Вы к этому относитесь, будете ли Вы с ним дружить?». 97 % ответили, что дружили бы, а 3 % не хотели бы дружить с человеком, который исповедует отличную от их религию. Ответы были такие: мне без разницы; в этом нет ничего плохого, хорошо, религия не имеет значения, главное, чтобы друг хороший был; хорошо, потому что люди разные; непринципиально; положительно; нейтрально; никак; это дело друга) (см. рис. 4).

Рисунок 4 – Если Ваш друг будет исповедовать другую религию, как Вы к этому отнесетесь, будете ли Вы с ним дружить?

На вопрос «Исповедуете ли Вы какую-либо религию» 51 % респондентов ответили «нет», 39 % «да», 10 % не смогли определиться. На вопрос «Какую религию вы исповедуете?» большинство респондентов ответили «православие», но были и единичные ответы: ислам.

Также, мы решили провести опрос среди родителей учеников. Всего в опросе прини-

мало участие 86 респондентов в возрасте 26–60 лет. На вопрос «Говорите ли вы на религиозные темы со своим ребенком?» 56 % ответили «да», 43 % «нет» и 1 % «иногда».

На вопрос «Хотите ли Вы углубить знания ребенка в этой области?» 51 % ответили «да», 47 % «нет» и затруднились с ответом 2 % (см. рис. 5).

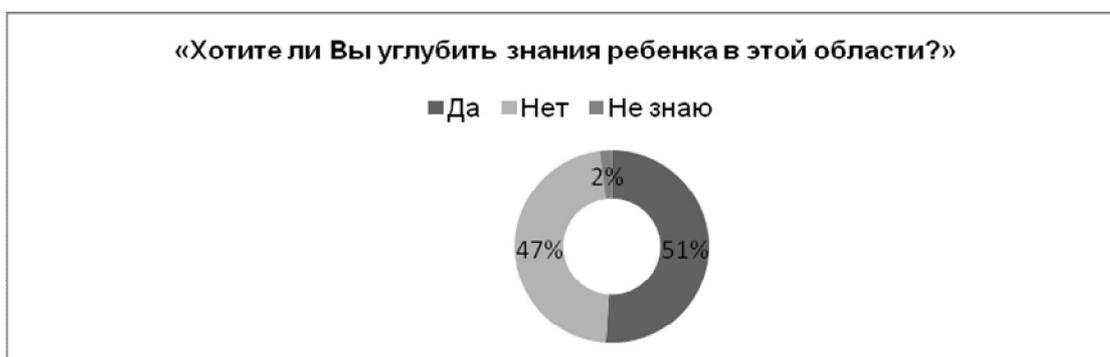

Рисунок 5 – Хотите ли Вы углубить знания ребенка в этой области?

На основной вопрос «Поддерживаете ли Вы введение в школьную программу религиозного курса?» 46 % ответили, что поддерживают и обосновывали свой ответ так: для общего развития; для будущей страны; для

развития ребенка; для воспитания человека. 36 % ответили, что не поддерживают введение данного курса, затруднились с ответом 14 % и 4 % считают, что данный курс не обязателен в школьной программе (см. рис.6).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ О ВВЕДЕНИИ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ КУРСА
«ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»)

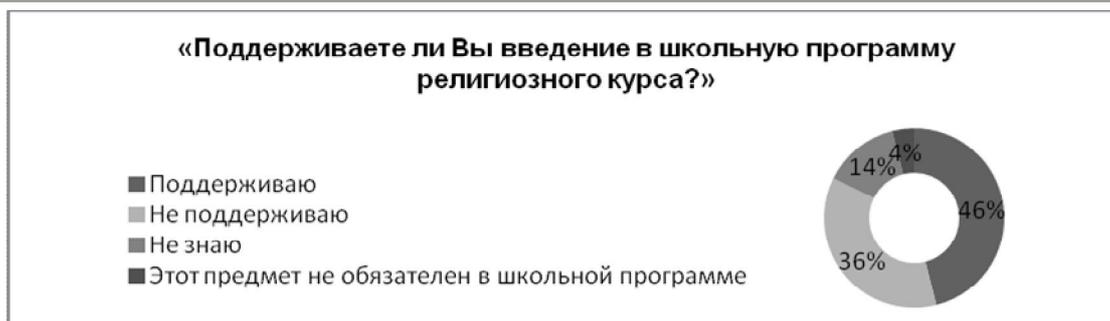

Рисунок 6 – Поддерживаете ли Вы введение в школьную программу религиозного курса?

Нам показалось интересным узнать, каково должно быть содержание данного курса с точки зрения родителей: 43 % опрошенных ответили, что содержание курса должно быть направлено только на формирование знаний

в области православной культуры, свои варианты предложили 5 % опрошенных (содержание курса должно быть светское; общие знания о разных религиях) и 52 % затруднились с ответом (см. рис.7).

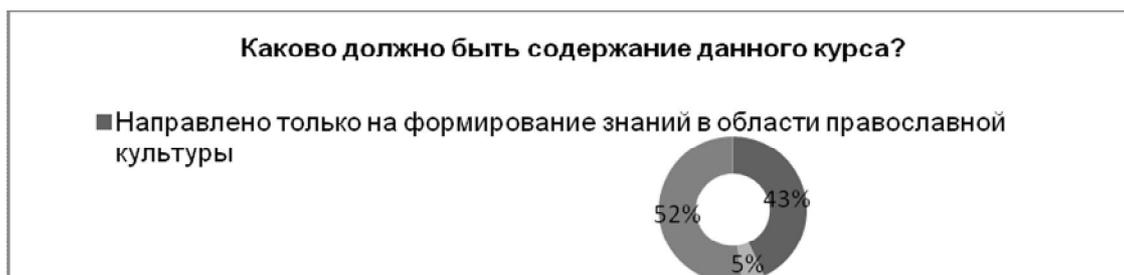

Рисунок 7 – Каково должно быть содержание данного курса?

На вопрос «Отмечаются ли религиозные праздники в вашей семье?» 34 % опрошенных ответили «обязательно и всегда», 19 % «от случая к случаю», 8 % «да, если они совпадают со светскими» и 33 % ответили «нет».

На вопрос «Верующий ли Вы человек?» 30 % респондентов ответили «нет», 55 % «да», 12 % «не знаю» (не смогли определиться) (см. рис.8, 9).

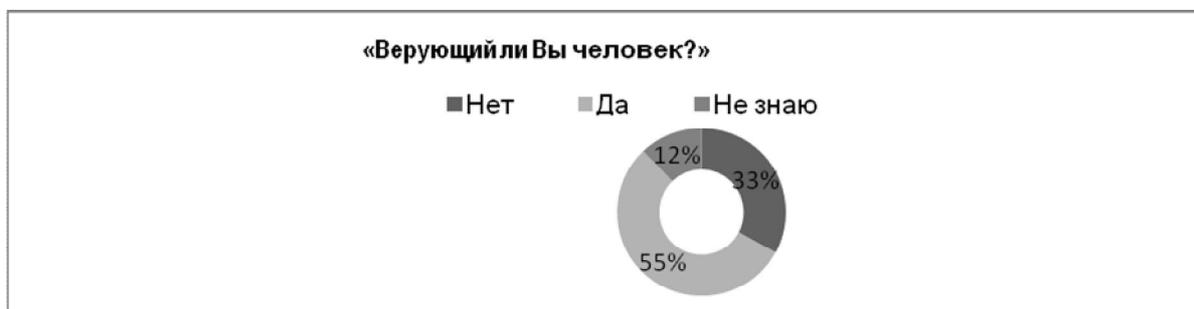

Рисунок 8 – Верующий ли Вы человек?

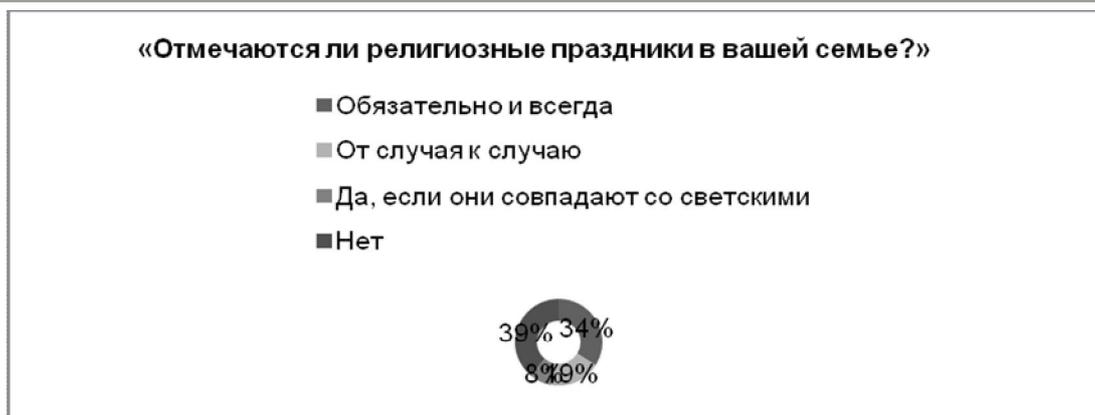

Рисунок 9 – Отмечаются ли религиозные праздники в вашей семье?

Заключительный вопрос звучал так: «Кто, по вашему мнению, должен отвечать за нравственное воспитание вашего ребенка?» вариант ответа «школа» выбрало 6 % респон-

дентов, «семья» 28 %, «совместные усилия» 51 %, «быть нравственным сегодня не выгодно» 15 % и вариант ответа «церковь» ни один из респондентов не выбрал (см. рис. 10).

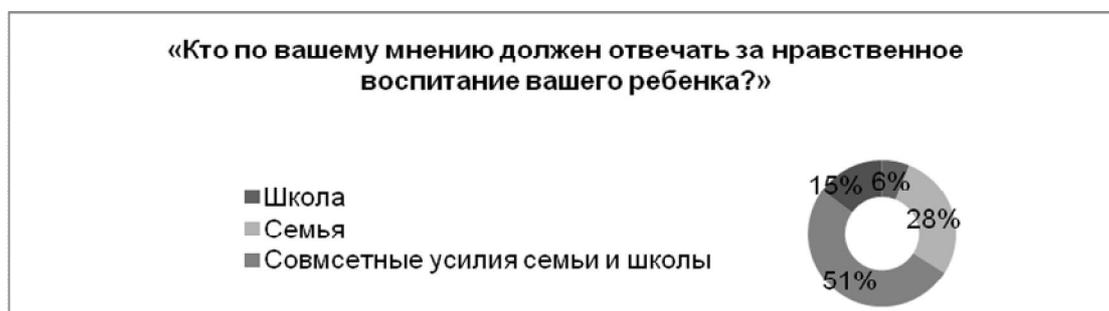

Рисунок 10 – Кто, по вашему мнению, должен отвечать за нравственное воспитание вашего ребенка?

Мы провели опрос также среди студентов Барнаульского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (2, 3 курс), средний возраст респондентов – 20 лет. В опросе участвовали 43 человека. Результаты опроса позволяют нам сделать вывод о том, какое мнение по этому вопросу молодых людей, у которых уже сформировалось свое мировоззрение и которые, в отличие от родителей школьников, выросли в то время, когда атеизм, свойственный поколению родителей, потерял свои позиции в об-

ществе, с одной стороны, а интерес к религии только начинал закрепляться в обществе после многолетнего перерыва (период советской власти), с другой стороны.

80 % опрошенных не хотели бы изучать данный предмет, обосновывая это тем, что они атеисты. 18 % предпочли бы изучать этот предмет, так как это интересно и способствует расширению кругозора. 2 % респондентов не смогли определиться со своими предпочтениями (см. рис. 11).

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ О ВВЕДЕНИИ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ КУРСА
«ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»)**

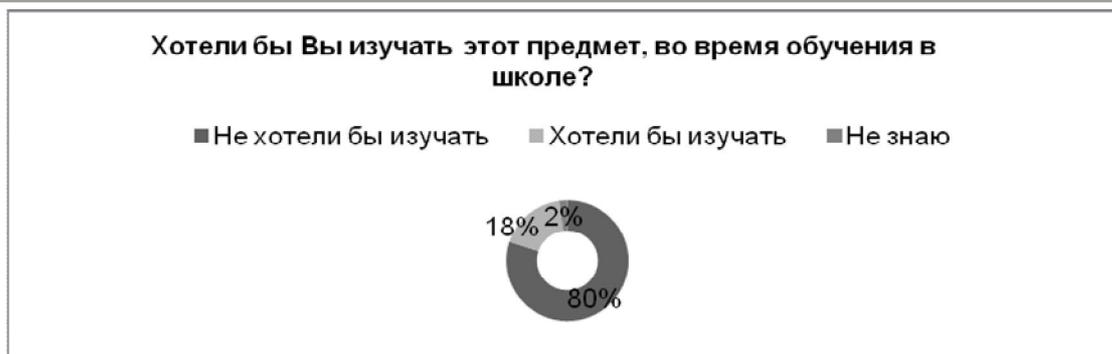

Рисунок 11 – Хотели бы Вы изучать этот предмет, во время обучения в школе?

Так что же несет в себе новый предмет? Каковы его задачи? Можно отметить два полярных направления общественного мнения: одни называют факт введения «Основ религии» в школьную программу протаскиванием религиозной пропаганды в школу, другие – спасением от наступающей нравственной катастрофы.

Возвращаясь к вопросу о формировании кооперационной модели взаимоотношений государства и церкви, правомерным становится вопрос, не является ли «сотрудничество» государства и РПЦ сегодня «симфонией властей»?

Напомним, что «симфония властей» (союз государства и церкви) возникает, как правило, в кризисные моменты развития общества, когда нужно решать насущные проблемы, которые связаны с духовностью, патриотизмом и нравственной составляющей общества.

Голуенко Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент

Жердева Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент

Список литературы:

1. Конституция РФ. Герб. Гимн. Флаг: с последними изменениями на 2016 год. – М.: Эксмо, 2016. – 64 с.
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359.
3. Иерусалимский, В.П. Церкви Германии перед вызовом секуляризации // Современная Европа. – 2006. – № 4. – С. 94–109.
4. Потанина, С.В. Некоторые аспекты взаимоотношений государства и религии за рубежом // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 105–112.
5. Основной Закон ФРГ 1949 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation.
6. Goluenko, T.A., Zherdeva, O.N. Religiose Situation in Deutschland: Geschichte und Gegenwart // Язык, культура, образование. Проблемы современной коммуникации: сборник научных трудов / Отв. ред. О.М. Казакова. – Барнаул, 2016. – С. 58–62.
7. МАОУ "СОШ № 98» г. Челябинска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.school98.info/netcat_files/userfiles/mo/sovr_model.pp.
8. Основы православной культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
9. Большинство алтайских школьников будут изучать «Основы светской этики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.amic.ru/news/181946/
10. Конституция РФ. Герб. Гимн. Флаг: с последними изменениями на 2016 год. – М.: Эксмо, 2016. – 64 с.

-
11. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359.
 12. Иерусалимский, В.П. Церкви Германии перед вызовом секуляризации // Современная Европа. – 2006. – № 4. – С. 94–109.
 13. Потанина, С.В. Некоторые аспекты взаимоотношений государства и религии за рубежом // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 105–112.
 14. Основной Закон ФРГ 1949 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation.
 15. Goluenko, T.A., Zherdeva, O.N. Religiose Situation in Deutschland: Geschichte und Gegenwart // Язык, культура, образование. Проблемы современной коммуникации: сборник научных трудов / Отв. ред. О.М. Казакова. – Барнаул, 2016. – С. 58–62.
 16. МАОУ "СОШ № 98» г. Челябинска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.school98.info/netcat_files/userfiles/mo/sovz_model.pp.
 17. Основы православной культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
 18. Большинство алтайских школьников будут изучать «Основы светской этики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.amic.ru/news/181946/

RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE AND THE CHURCH IN RUSSIA (SCHOOL COURSE «BASICS OF RELIGIOUS CULTURE AND SECULAR ETHICS»)

T.A. Goluenko, O.N. Zherdeva

Polzunov Altai State Technical University

Barnaul, Russia

Financial University under the Government of the Russian Federation, Barnaul branch

Barnaul, Russia

Abstract

The article in the framework of the general theme of relations between the state and the Church in Russia at the present stage examines the introduction of the course "Basics of religious culture and secular ethics" in the school curriculum, the results of a survey of schoolchildren and parents in the Altai region on the need to introduce the course in the school curriculum and the benefits of this course.

Keywords:

relations between the state and the Church in Russia, sociological survey, religion and school.

References:

1. Konstituciya RF. Gerb. Gimn. Flag: s poslednimi izmeneniyami na 2016 god. – M.: Eksmo, 2016. – 64 s.
2. Federal'nyj zakon ot 26 sentyabrya 1997 g. N 125-FZ «O svobode sovesti i religioznyh ob"edi-neniyah» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359.
3. Ierusalimskij, V.P. Cerkvi Germanii pered vyzovom sekulyarizacii // *Sovremennaya Evropa*. – 2006. – № 4. – S. 94–109.
4. Potanina, S.V. Nekotorye aspekty vzaimootnoshenij gosudarstva i religii za rubezhom // *Zhurnal rossijskogo prava*. – 2001. – № 4. – S. 105–112.
5. Osnovnoj Zakon FRG 1949 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation.
6. Goluenko, T.A., Zherdeva, O.N. Religioze Situation in Deutschland: Geschichte und Gegenwart // *Yazyk, kul'tura, obrazovanie. Problemy sovremennoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. O.M. Kazakova*. – Barnaul, 2016. – S. 58–62.
7. MAOU «SOSh № 98» g. Chelyabinska [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.school98.info/netcat_files/userfiles/mo/sovr_model.pp.
8. Osnovy pravoslavnoj kul'tur [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipe-dia.org/wiki/>
9. Bol'shinstvo altajskih shkol'nikov budut izuchat' «Osnovy svetskoj etiki» [Elektronnyj re-surs]. – Rezhim dostupa: www.amic.ru/news/181946/
10. Konstituciya RF. Gerb. Gimn. Flag: s poslednimi izmeneniyami na 2016 god. – M.: Eksmo, 2016. – 64 s.
11. Federal'nyj zakon ot 26 sentyabrya 1997 g. N 125-FZ «O svobode sovesti i religioznyh ob"edineniyah» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359.
12. Ierusalimskij, V.P. Cerkvi Germanii pered vyzovom sekulyarizacii // *Sovremennaya Evropa*. – 2006. – № 4. – S. 94–109.
13. Potanina, S.V. Nekotorye aspekty vzaimootnoshenij gosudarstva i religii za rubezhom // *Zhurnal rossijskogo prava*. – 2001. – № 4. – S. 105–112.
14. Osnovnoj Zakon FRG 1949 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation.
15. Goluenko, T.A., Zherdeva, O.N. Religioze Situation in Deutschland: Geschichte und Gegenwart // *Yazyk, kul'tura, obrazovanie. Problemy sovremennoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. O.M. Kazakova*. – Barnaul, 2016. – S. 58–62.
16. MAOU «SOSh № 98» g. Chelyabinska [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.school98.info/netcat_files/userfiles/mo/sovr_model.pp.
17. Osnovy pravoslavnoj kul'tur [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wik-ipedia.org/wiki/>
18. Bol'shinstvo altajskih shkol'nikov budut izuchat' «Osnovy svetskoj etiki» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.amic.ru/news/181946/

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АНДРЕЯ ВИКТОРОВИЧА ПОТАПОВА ОБ УЧАСТИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.

И.В. Дурново

КГКП «Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник»
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Резюме

Статья посвящена участнику Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., историку, преподавателю Усть-Каменогорского педагогического института Потапову Андрею Викторовичу.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, воспоминания, связь, наступление, награда.

*Оглядываясь назад, мы всегда будем
помнить тех, кто не щадил себя для победы
над врагом нашей Родины
Георгий Жуков*

23 августа 2018 года Андрею Викторовичу Потапову исполнилось бы 95 лет.

С ним я познакомилась во время учебы на историческом факультете Усть-Каменогорского педагогического института. Андрей Викторович преподавал историю КПСС студентам-историкам первого курса. Внешне неприметный, он был профессионалом своего дела, мастерски читал лекции, его любимым «коньком» была история Великой Отечественной войны. Мне, молодой студентке, тогда было неизвестно, что все имеющиеся в Восточном Казахстане сведения по истории Великой Отечественной войны, о ветеранах войны, живших в нашей области были собраны при непосредственном участии Андрея Викторовича Потапова. Он проделал огромную работу по поиску и восстановлению сведений о Героях Советского Союза, полных Кавалерах Орденов Славы, нашел и описал интересные сведения об участии женщин в войне, о гвардейцах фронта и тыла. Ему одному из первых удалось поработать

с документами в архиве Министерства Обороны СССР в городе Подольске (в настоящее время Архив Министерства Обороны России – прим. автора).

Обо всем этом я узнала уже после смерти А.В. Потапова, когда мне как молодому сотруднику государственного архива Восточно-Казахстанской области пришлось разбирать оставшийся после него архив.

С тех пор прошло уже много лет, но я до сих пор не перестаю удивляться гражданскому подвигу этого человека. В своих воспоминаниях о войне Андрей Викторович писал: «Война застала нас на сенокосе. Только после обеда вышли в поле, как прискакал парнишка и известил, что всех зовут к правлению колхоза. Потянулись цепочками и группами в село. Состоялся митинг. Выступавшие говорили коротко, но страстно. Выражали гневные возмущения разбойничьим нападением фашистов на нашу Родину. Работали с еще большим подъемом. Тем более что началась мобилизация мужчин старших возрастов. Их надо было заменять. А по вечерам допризывники проходили курс военной подготовки по 110-ти часовой программе. Стрельба из боевой винтовки, учились бросать гранаты (пока деревянные), изучали пу-

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АНДРЕЯ ВИКТОРОВИЧА ПОТАПОВА ОБ УЧАСТИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.

леметы, зимой лыжные кроссы.

И вот, 5 августа 1942 года я получил повестку, а 8 августа должны явиться на станцию Защита.

Августовский день был жарким. После полудня из Усть-Каменогорска, куда мы с отцом и матерью приехали рано утром, чтобы проститься с родной сестрой, на станцию спешили деревенские телеги с призванными в Красную Армию. Я то и дело крутил головой, как будто хотел запечатлеть в памяти накатанную дорогу, чистенькие домики Долгой Деревни (так называлась тогда Заульбинка), высокие тополя, цветы в палисадниках. А отец солдат первой мировой войны, хмурился. Хотя лошадь и отдохнула три часа после двадцатипятикилометрового пути от Винного до Усть-Каменогорска, но ему казалось, что она бежит слишком медленно рысью. Отец понимал, что он должен вовремя доставить сына к эшелону. Однако волнение было напрасным. Приехали за час до отправки. На привокзальной площади собрались близкие и родные отъезжающих.

Митинг открыл секретарь горкома комсомола Николай Бурнашов. Он поздравил нас с вступлением в ряды защитников, пожелал военной удачи. Фронт был далеко, за несколько тысяч километров. Но он был близок каждому восточноказахстанцу. И вот протяжный гудок. Последние крепкие рукопожатия товарищей, поцелуи родных и близких. Посадка. Эшелон тронулся. Останавливались только на крупных станциях. И то ненадолго. Миновали Рубцовск и Барнаул, от Новосибирска до Барнаула на Запад. Стало ясно, что едем громить врага. Через десять дней оказались в военном городке в 12 км от станции Сурки, это не далеко от Мошкар-ола Марийской АССР. Здесь формировались резервные части для фронта. Я попал в 38-ю запасную роту связи, а в конце августа отправились на фронт. Путь лежал через Арзамас, Муром в направлении Калуги. Марш был нелегким. Здесь-то и сказалась и пригодилась привычка ходить пешком из села Винное до Усть-Каменогорска.

Наконец нас зачислили в 17-ю отдельную курсантскую стрелковую бригаду, которая находилась во втором эшелоне на переформировании. Со мной оказались Петр Га-

зин из Усть-Каменогорска, Андрей Коротков и Степан Гербушев из с. Винное, Алексей Тугарин из Шемонаихинского района, Азаров из Заульбинской МТС.

Спустя несколько дней пришел приказ о преобразовании бригады в 264 стрелковую дивизию. А в конце октября 1942 года дивизия была преобразована в 48 гвардейскую.

Когда началось контрнаступление под Сталинградом перешли в наступление и войска Воронежского фронта. Наша дивизия наступила на Ольховатку Воронежскую. Враг не выдержал и начал отступать. Это было мое боевое крещение. Связисты выдержали испытания. Страх отступил. А увиденные воочию зверства и издевательства оккупантов, сожженные села и деревни вызывали к ним жгучую ненависть.

Затем марш-бросок до г. Калач на Дону, форсирование Дона и вновь наступление на Запад. Освобождены крупные села: Контемировка, Новомарковка. В результате обходного маневра в районе села Варваровка, Марьяновка, Дмитриевка и Николаевка части дивизии отрезали путь отхода крупной вражеской автоколонне примерно 1,5 тысячи машин и тягачей.

Здесь мы увидели оккупантов как грабителей. Машины были нагружены одеялами, перинами, подушками, шубами, пальто, шалями, платьями, обувью.

Затем Старая и Новая Водолага, г. Валуйки (снова захвачены были богатые трофеи). Крупные села Мартовская, Хатомля, старый Салтов. И чем ближе подходили к Харькову, тем сопротивление врага нарастало. Днем и ночью вели бои части дивизии, в частности наш 138 гв. СП за ХТЗ.

После освобождения Харькова наступали на н. п. Высокое, Жихарев, Буды, Вишневок, Сухая и Мокрая Балка, с. Камышеватое ост. 1–2. За 3,5 месяца наступательных боев части дивизии нанесли значительный урон врагу. Но он не хотел смириться. Сделав перегруппировку своих сил и подтянув только, что прибывшую свежую итальянскую дивизию противник перешел в контрнаступление.

Наши части тоже понесли большие потери. Тылы отстали. В батальонах осталось по 100 активных штыков. Несколько дней подряд идут упорные бои. Сотни снарядов

и мин перепахали землю, казалось, не оставили на ней ничего живого. Но, когда немцы в девятый раз, поднявшись во весь рост, бросаются в атаку, их снова встречает дружный губительный огонь бойцов. Сотни вражеских тел устлали поле боя. Но редуют и ряды защитников. Их становится все меньше и меньше, а немцы, подтянув резервы, снова идут в наступление. Им удалось закрепиться не более, чем в четырехстах метрах от наших окопов. Еще один бросок, и они будут здесь, подавлять бойцов своей численностью. И тут на помощь прибыл взвод автоматчиков. Они скрытно зашли на фланг, наступающим, и стремительным броском ударили по ним с тыла. Атака была для немцев неожиданной, в их рядах возникло замешательство. Оставив десятки трупов, они бросились на соседнюю опушку леса.

В этой обстановке на отражение контратаки врага были мобилизованы все. Я только, что вернулся с линии связи, устранив очередной (сколько их было, не помню) порыв и по собственному желанию влился в свободную роту, которой командовал переводчик штаба полка лейтенант В.Д. Лопатин из Ленинграда. До войны кандидат биологических наук, доцент работал в ЛГУ. Первую атаку врага мы отбили и получили приказ самим перейти в контратаку. Сделав перебежку, я намеревался упасть. В этот миг фашисту удалось меня ранить в спину. Ослабли руки. Кое-как, опираясь на винтовку, дошел до медпункта, сделали перевязку. Отправиться в медсанбат отказался. Остался в строю. А враг наседал. Пришлось отступать и оставить Харьков. Оборону заняли по Северному Донцу.

За эти бои я был награжден медалью «За боевые заслуги», 23 марта 1943 года.

Четыре месяца находились в обороне, получили пополнение, новое снаряжение и обмундирование. Подвезли боеприпасы. И в начале августа 1943 года снова в бой. Наступали опять на Харьков, 23 августа враг был изгнан из города окончательно.

В тот же день командир полка, гвардии полковник Варыпаев, наградил меня медалью «За отвагу», «за то, – говорится в наградном листе, – что в период боев в составе Степного фронта не раз выдвигал вперед подразделения и заранее обеспечивал командование

полка связью с батальонами. 25 августа в боях за село Безлюдовка несколько раз под сильным огнем противника восстанавливал линию связи между командным пунктом и НП командира полка и тем обеспечил непрерывное управление боем».

В сентябре 1943 года части дивизии форсировали Днепр и вели бои по очищению от противника Борадаевских хуторов.

Чтобы управлять боем командир стрелкового полка должен иметь связь: телефонную и по радио. Для этого в каждом полку была рота связи. Вот и мне пришлось воевать телефонистом, дело это простое, да хлопотливое. Много беготни.

Едва стрелковые батальоны займут свои позиции, а мы уже их командиру связь дали. Рядом и свои окопы вырывали. Казалось бы, все, сижу теперь у аппарата, вызывай, кого надо, передавай сигналы, принимай сообщения. Но на войне, даже во время обороны, тихо бывает редко. То и дело фашисты делали артиллерийско-минометные огневые налеты. А раз рвутся снаряды и мины, то не раз порвется телефонная связь. И напарник уже бежит вдаль свяжет провода, ищет, где порыв. Нередко приходилось пробираться ползком. Вот и прикиньте винтовка или карабин (с конца 44 года стали выдавать автоматы). Не знаешь же, осколок ли пересек, словно перерезал провод или взрывом, вырвало десяток – два метров. Поэтому приходилось брать с собой полкатушки, да телефонный аппарат. Вот так «налегке» и стремглав вылетаешь на линию, иной день по несколько раз.

Положен был и противогаз. Но, честно признаться, банку вытаскивали, а сумку заполняли патронами и гранатами. И это тоже диктовала война. Бежишь ли или ползешь и смотришь в оба. Можно и в засаду попасть. Враг-то был не дурак, от него можно ждать любого коварства и хитрости. А наступление, пехота вперед и мы за нею. Отставать никак нельзя. Да еще надо успеть смотать телефонный провод. А если враг переходил в контратаку, и нам связистам приходилось катушку с аппаратом чуть в сторону и братья за винтовку и гранаты.

Опытный телефонист Коротков так говорил: «Провод – это самое важное. Что та-

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АНДРЕЯ ВИКТОРОВИЧА ПОТАПОВА ОБ УЧАСТИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.

кое телефон? Аппарат. Его надо беречь от повреждений и сырости. Но главное в нашем деле – провода. Ежели обрыв, то и самый лучший телефон – мертвая коробка, больше ничего. И тогда надо бежать на линию, устранять повреждение, рискуя жизнью, восстанавливать связь, бери трубку и слушай. Скажут «фиалка», значит, нас вызывают. Да не болтай по телефону лишнего, наш капитан страсть как не любит. Пустопорожние, а тем более «военные» разговоры. Однажды под Кривым Рогом наблюдательный пункт командира полка подвергся бомбежке. Тогда много было ранено, двое погибли. Нас с Петром Газиным засыпало землей. Хорошо товарищи откопали, но контуженные были оба. Лишь несколько часов спустя пришли в себя. Гвардии ефрейтор Потапов А.В. в боях с немецко-фашистскими захватчиками проявляют доблесть, мужество и отвагу — говорится в наградном листе. В период боев за освобождение г. Кривой Рог тов. Потапов А.В., работал старшим телефонистом, обеспечивая бесперебойную связь внутри полка. Он неоднократно под сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем, не взирая на опасность для своей жизни, устранял повреждения телефонной линии и восстанавливал нарушенную связь между командованием полка и батальонами, что давало возможность командиру полка вести управление боем и иметь сведения о боевой обстановке. 20 февраля 1944 года товарищ Потапов, отыскивая повреждение телефонной линии, которая проходила по сильно обстреливаемому противником участку, пробирался ползком и по-пластунски более 500 метров и, найдя повреждения, быстро устранил, их, через 15–20 минут восстановил связь, что способствовало успешному выполнению боевой задачи по овладению населенным пунктом на подступах к Кривому Рогу».

Приказ по 48 гв. от 1 марта 1944 года «награжден орденом «Славы III степени» роты связи гвардии ефрейтор Потапов А.В. награжден второй медалью «За отвагу», за то, что он во время боя за с. Тихий приют Днепропетровской области обеспечивал бесперебойной связью командование полка с батальонами, устранив за короткий промежуток времени, под сильным обстрелом противни-

ка, до 60 прорывов телефонной связи». 2 апреля 1944 года командир взвода связи гвардии лейтенант Мерзляков, придя на НП командира 3 батальона, сообщил, что приказом командира 138 гвардейского стрелкового полка назначен старшим телефонистом штабного взвода.

Летом 1944 года нашу дивизию перебросили в Белоруссию. Снова получили пополнение людьми, техникой, боеприпасами. Готовились к наступательным боям по осуществлению, как теперь известно, грандиозной операции под кодовым названием «Багратион». Дивизия входила в состав 1-го Белорусского фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского. Части дивизии заняли исходный рубеж на Бобруйском направлении. Оборона врага была сокрушена, и войска устремились на запад.

Следует отметить, что в 1944 году стрелковым подразделениям было гораздо легче. Их поддерживали артиллерийские, минометные части в том числе «катюши», танковые полки, штурмовая и бомбардировочная авиация. Мы связисты это особенно чувствовали. Бывало проложишь телефонную связь в батальоны, идешь ли на проверку или на устранение порыва, то и дело слышишь «стой, кто идет?» Бери вправо. Рядом с твоим проводом уже десятки проводов поддерживающих частей. Это осложняло нашу работу. Плотность огня постоянно возрастала. И хотя сопротивление врага было упорным, выдержать натиск гвардейских соединений он мог.

«14 июля 1944 года в бою за райцентр Иванцевича наши подразделения, форсировав реку Шаро, закрепились на западном берегу. Чтобы ликвидировать плацдарм, противник силами пехоты и танков бросился в контратаку. Артиллерийским огнем и огнем пулеметов была прорвана связь со стрелковыми подразделениями. Под сильным огнем контратакующего противника товарищ Потапов поочередно наладил связь, с батальонами устранив 20 порывов на линии.

Переправившись через реку в расположении 2-го стрелкового батальона, товарищ Потапов был ранен, но поля боя не покинул. Перевязав рану, снова вернулся в строй для устранения разрывов от КП к 3-му батальону.

Своевременно устранив порывы и восстановив связь, т. Потапов способствовал успешному отражению вражеской контратаки.

Приказом по войскам 28-й армии от 8 августа 1944 года награжден орденом Славы 2-й степени».

Ночи на фронте бывали разные, беспокойные, очень даже беспокойные и тихие. Порой не верилось, что идет война. Вот в последние ночи связистам была благодать. Пиши письма родным и знакомым. Горит в блиндаже лампа из снарядной гильзы. Свет так себе, но чтобы написать письмо вполне достаточный. Тесемка, держит трубку, чтобы в любую секунду отозваться. Пишешь и невольно вспоминаешь о прошлом, самом приятном. Но были и ночи жаркие, особенно когда велось ночное наступление. Прокладывать связь было очень трудно.

После освобождения Бреста, 48 гвардейская дивизия участвовала в боях на польской земле в составе 28-й армии генерал-лейтенанта А.А. Лучинского. Пришлось участвовать в боях за Бяла-Подляска, Серлеце, Минск-Мазевецки. Получил шесть благодарностей Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина. Уехал на Украину, в г. Марганец Днепропетровской области» [2].

Весной 2018 года, в очередной раз, разбирая научный архив своего отца Петрова Василия Игнатьевича, который был деканом исторического факультета УКПИ, мне в руки попал тетрадный листок бумаги, исписанный ровным каллиграфическим подчерком. Прочитав текст, я поняла, что это письмо от А.В. Потапова, относящееся к 1973 году. По содержанию текста письма я поняла, что автор в то время находился в Москве на обучении в ИПК (институт повышения квалификации при Московском университете им. М.В. Ломоносова). Обычное письмо организационного характера, отчет об обустройстве на 4-х месячных курсах повышения квалификации. Его определили в 6 группу, руководителем которой стал профессор Жибарев Павел Борисович

(специалист по электрификации) и так далее. Меня удивил порядок работы, где четко спланированы лекции по специальности и общеполитические теоритические лекции и далее: «несколько спецкурсов, но какие пока не сказали. Если будет по Великой Отеч. – запишусь. (50–60 часов дают) Мне предстоит подготовить лекцию и теоритический доклад. Потом обсуждение, в группе от 8 до 12 чел. Сам суди 15–23 материала на каждого. Вот тебе и три дня занятий». Как все слушатели курсов повышения квалификации Андрей Викторович в субботние и воскресные дни работал в Ленинке (Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина). И еще несколько слов из письма: «Да, вот теперь называется отдаленность. За 12 лет столько издано по Отеч. войне (так в документе), что к нам дошло видимо 1/10 часть. Придется перечитывать здесь». В конце письма обычные знаки внимания и приветы коллегам. Из письма следует, что основным предметом поиска информации для Потапова А.В. была Отечественная война 1941–1945 гг. и участие в ней казахстанцев на фронтах и в тылу.

В одном из последних разговоров с моим учителем, профессором Н.В. Алексеенко мы строили планы по сотрудничеству в издании книги о А.В. Потапове, но этим планам не суждено было исполниться [1].

Личный архив Андрея Викторовича уже давно стал частью ГАВКО. Он насчитывает 323 единицы хранения за 1937–1985 годы. Архивисты относятся к нему с большим вниманием, используя сведения о войне для подготовки различных публикаций и выставок.

Воспоминания Андрея Викторовича Потапова дают полное представление о его ратном подвиге солдата-связиста. Скромный по натуре человек, ровный в общении, талантливый исследователь, таким запомнился мне Андрей Викторович Потапов.

Дурново Ирина Васильевна – архивариус

Список литературы:

1. Текущий архив И.В. Дурново
2. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 2866-п, Оп. 1, Д. 723, Л. 1–5.

FROM THE MEMORIES OF ANDREY VIKTOROVICH POTAPOV ABOUT HIS PARTICIPATION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945

I.V. Durnovo

CSE “East-Kazakhstan Regional Architectural –Ethnological and Natural-Landscape museum and reserve”
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Abstract

The article is dedicated to the veteran of the Great Patriotic War 1941–1945., historian and professor of the Ust-Kamenogorsk pedagogical institute Potapov Andrey Viktorovich.

Keywords:

Great Patriotic War, memories communications, attack, award.

References:

1. Tekushchij arhiv I.V. Durnovo
2. Gosudarstvennyj arhiv Vostochno-Kazahstanskoj oblasti (GAVKO). F. 2866-p, Op. 1, D. 723, L. 1–5.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Д. Золотова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье рассматривается проблема объективности результатов исторического исследования. Основная идея статьи – структура познавательной активности субъекта влияет, но не абсолютно определяет результаты исторического исследования. Объект определяет активность субъекта исторического познания. Поэтому результаты исторического исследования не могут быть полностью субъективными и ложными.

Ключевые слова:

субъективное, объективное, объективность, объект, история, историк, историческое исследование, историческое познание, структура познавательной активности субъекта, результаты исторического исследования.

В России XXI века возрастает интерес к методологическим проблемам исторической науки. С точки зрения В.С. Прядеина, к их числу относятся: объект и предмет исторических исследований, их практическая значимость, сущность составляющие, критерии и познавательная ценность периодизации развивающегося процесса [7, с. 138]. По нашему мнению, важной методологической проблемой остается проблема объективности результатов исторического исследования. Тем более, что в условиях роста международной напряженности и ухудшения отношений между Россией и ведущими западными державам, в последние годы осуществляются неоднократные попытки пересмотра причин и итогов Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, происходит преднамеренное искажение правды о политике Советского Союза непосредственно перед войной и в её процессе, об агрессивной и преступной политике фашистской Германии, на что обращается специальное внимание в историографических исследованиях российских учё-

ных и прогрессивных зарубежных исследователей [2, с. 170; 10, с. 172, 173].

В статье предполагается рассмотреть, как влияют на адекватность отражения исторической реальности потребности современной политики классов и государств, а также взаимосвязь между идеологическими установками, методами работы с историческими источниками и выводами у различных историографических школ. Значительный методологический интерес представляет решение такого недостаточно разработанного в гносеологическом плане вопроса: почему, при каких условиях и на каких уровнях возможна объективная истина в работах западных буржуазных историков, освещающих проблему открытия второго фронта в Европе? Вопрос об открытии второго фронта всесторонне исследован в отечественной историографии второй мировой войны [4, 8, 13]. Российские историки, опираясь на многочисленные исторические источники, доказали, что общая военно-политическая обстановка и в первую очередь сосредоточение основных сил фашистской Германии на восточном фронте, разгром не-

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

мецко-фашистских войск под Москвой, уровень боевой готовности вооруженных сил США и Великобритании создавали реальные возможности для открытия второго фронта в Европе в 1942 году. Затяжки с его открытием были обусловлены политическими причинами: стремлением правящих кругов Англии и США добиться взаимного истощения сил Германии и СССР в результате затяжной войны с тем, чтобы при минимальных затратах материальных и людских ресурсов оказаться в результате в числе победителей.

Иное освещение вопрос об открытии второго фронта получил в англо-американской буржуазной историографии. Буржуазная историография Второй мировой войны неоднородна по содержанию, по способам истолкования исторических событий. Это связано в первую очередь с отражением их сквозь призму сложного сочетания классовых, национальных и профессиональных интересов. Мы рассмотрим взгляды на эту проблему наиболее ярких представителей буржуазной и марксистской историографии, работавших в разное время и в различных исторических условиях. Нас интересует не собственно историографический аспект, а экспликации философского характера, анализ проблемы с точки зрения субъектно-объектных отношений в историческом познании.

Активность субъекта исторического познания можно представить как систему, выделяя её элементы: отражение, ценностно-оценочная, предметно-практическая и коммуникативная деятельность. По нашему мнению, указанные элементы образуют следующие структуры субъектно-объектных отношений:

- а) деятельностная структура (цель – средство – результат);
- б) коммуникативная структура (субъект-субъектные отношения);
- в) уровневая структура (эмпирическое-теоретическое);
- г) структура, раскрывающая связь активности субъекта с социальной средой (практика – интересы – партийность).

Проанализируем реализацию этих структур в процессе освещения западными историками событий Второй мировой войны.

Крупнейшим представителем крайне правого крыла в английской буржуазной историографии является Дж. Фуллер. Его концептуальные взгляды сложились под влиянием профессиональной деятельности в качестве начальника танкового корпуса английских вооруженных сил. Дж. Фуллер по убеждениям – технократ и сторонник ведения войны хорошо технически оснащёнными малыми профессиональными армиями. В одном из фундаментальных трудов Дж. Фуллера «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор», который написан им в годы «холодной войны», автор ставит задачу рассмотреть события войны под углом зрения борьбы за захват и удержание стратегической инициативы и роль в этом подвижных войск и фактора внезапности.

Чтобы показать соотношение в структуре познавательной активности данного субъекта профессиональных и классовых интересов, сравним, как Дж. Фуллер освещает события на различных театрах военных действий.

Прежде всего, бросается стремление автора обратить внимание читателя на сражения, в которых участвовали англо-американские силы. Во всех главах независимо от хронологического хода событий анализ военных действий начинается с тех театров, где сражались англо-американские войска. При этом, как правило, описанию действий союзников СССР уделяется несравненно больше места, чем событиям на советско-германском фронте. Характерно, что столь небольшим по масштабам операциям, как военные действия английской армии в Северной Африке в 1941 году, посвящено 27 страниц, в то время как русскому контрнаступлению зимой 1941–1942 года всего 5 страниц [12, с. 233–238]. Да и сама оценка этого наступления представляет собой попытку принизить его размах и историческое значение. Зато сражение при Эль-Алаймене он оценивает как «самое решающее сухопутное сражение с целью защиты интересов союзников и одно из самых решающих в истории Англии» [12, с. 235]. Фуллер пишет так, как будто за год до этого не было битвы под Москвой, которая положила начало коренному перелому в войне.

Что же касается сражений под Сталинградом и Курском, то они не нашли в книге должного отражения. События на советско-германском фронте описываются весьма поверхностно: на уровне перечисления названий освобождённых городов и указания дат их освобождения. Практически отсутствует анализ действий танков и авиации. Все приведённые факты наглядно вскрывают классовую позицию Фуллера, его стремление создать у читателя впечатление о якобы решающем вкладе в разгром Гитлера англо-американских (и прежде всего английских) вооружённых сил. Действия подвижных войск интересуют автора в той мере, в какой это отвечает его классовым интересам. Как только его профессиональные интересы вступают в противоречие с классовыми интересами, они отодвигаются на задний план. Только этим объясняется отсутствие детального анализа сражений под Сталинградом и Курском – этих крупнейших танковых сражений, которые для Дж. Фуллера как специалиста, безусловно, должны были представлять интерес. В таком случае определяющая роль классового интереса в процессе познавательной деятельности субъекта находит выражение в ориентации историка на отбор и освещение материала в ущерб его профессиональным интересам. Это отрицательно сказывается на результатах самого исследования, поскольку такой подход закрывает путь к изучению более богатого материала и тем самым порывает саму основу творчества в историческом познании.

Проанализируем, какое отражение в концепции Дж. Фуллера нашёл вопрос о втором фронте. Автор не уделяет этому вопросу значительного внимания. Он подчёркивает, что политика не является предметом его исследования. Тем не менее, политическая направленность рассуждений Дж. Фуллера для читателя очевидна. Его не удовлетворяют итоги войны, поэтому он отрицательно относится к самому факту военного сотрудничества великих держав. Дж. Фуллер критикует Черчилля за политическую близорукость, проявившуюся в борьбе за безоговорочную капитуляцию и уничтожение Германии, вместо её ослабления на мировом рынке [12, с. 529]. В вину Черчиллю и Рузвельту

ставится «безоговорочная капитуляция Соединённых Штатов и Англии перед Россией» [12, с. 370]. Черчилль «вместе с Рузвельтом отдал их (Балканы – Н. З.) и многое другое Сталину в награду за то, что тот остался верным делу Союзников. Поступив так, Черчилль и Рузвельт проиграли мир политически и стратегически» [12, с. 305]. Сильно преувеличивая роль Англии в войне, Дж. Фуллер вопреки историческим фактам представляет ситуацию в таком свете, будто не советские войска в результате кровопролитных боев освободили от фашизма свою территорию и большую часть Европы, а Черчилль «с помощью Америки открыл ворота Восточной Европы для вторжения русских» [12, с. 526]. Осуждая недостаточность антисоветизма политического лидера английской буржуазии, Дж. Фуллер тем самым открыто говорит о подлинных интересах участия Англии в антигитлеровской коалиции, что упорно скрывают менее реакционные буржуазные историки. В то же время он вынужден признать принципиальность и последовательность политики Советского государства.

Таким образом, национально-классовые интересы английской буржуазии являются главной «пружиной» в концепции Дж. Фуллера. Работая с общеизвестными источниками, он не может радикально фальсифицировать их содержание. Часть важных для понимания реальной расстановки сил и факторов он просто опускает, если они не работают на концепцию. В книге ничего не говорится о неоднократном невыполнении обещаний Англии и Америки открыть второй фронт ещё в 1942 году. Как явная фальсификация звучат слова автора о том, что «со времени вторжения в Северную Африку военноморские силы западных противников Гитлера, как дамоклов меч, висели над головой. Потенциально эта угроза уже создала второй фронт, ибо сковала большую и лучшую часть из тех 100 дивизий Гитлера, которые находились вне пределов русского театра военных действий» [12, с. 354]. В этой связи показательна более справедливая оценка Рузвельтом роли нашего государства в годы Второй мировой войны, которую американский президент дал в послании Сталину: «Соединённые Штаты хорошо понимают тот факт, что

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Советский Союз несёт основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 г...» [13, с. 170].

События второй мировой войны в целом и проблема открытия второго фронта в частности подвергаются в книге максимальному искажению для того, чтобы убедить читателя в том, что стратегическая инициатива в разгроме фашизма принадлежала не СССР, а англо-американским, и в большей степени, английским вооружённым силам. Однако сколь бы реакционными ни были мировоззрение и концептуальные установки субъекта исторического познания, его результаты не могут быть субъективированы (фальсифицированы) в полной мере. В процессе исследования приходится опираться на общеизвестные документы и факты, которые Дж. Фуллер не может исказить во всех отношениях сразу. Объективность отражения исторических событий присутствует в книге, как правило, на уровне простых фактов или отдельных граней сложного факта. Однако они нередко вступают в противоречие с концепцией и заставляют усомниться в её истинности. Так правильная оценка стратегических бомбардировок Германии как малоэффективных находится в противоречии с утверждением автора о решающей роли Англии и США в войне. Сообщаемый им факт антисоветских устремлений Черчилля на Балканах не вяжется с мыслью Дж. Фуллера о том, что Черчилль все силы и помыслы направлял на разгром Германии.

Попыткой более тонкой фальсификации истории Второй мировой войны является книга представителей официозного направления в английской буржуазной историографии Дж. Батлера и Дж. Гуайера «Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942». Эта работа отражает особенности эволюции взглядов правительственных кругов Англии в условиях ослабления международной напряжённости. Цель книги – дать официальную версию Второй мировой войны.

Политическое лидерство Англии в войне для авторов – аксиома: «Присоединение к нам двух сильных партнёров, на востоке и на западе, обеспечило нам победоносный исход войны. Однако сам факт наших связей с сильными союзниками имел определённые

недостатки: наша свобода действий оказывалась скованной, а решение многих вопросов затруднялось» [1, с. 504]. Понимая, что в условиях новой политической ситуации невозможно умолчать о реальной роли Англии в антигитлеровской коалиции, Дж. Батлер и Дж. Гуайер пытаются построить гибкую объективистскую версию причин затягивания второго фронта в Европе. Главной причиной, препятствовавшей осуществлению этой операции, является, по мнению авторов, Подлинная «притча во языцах» всей англо-американской историографии – нехватка десантно-высадочных средств. Зато свидетельством мудрости, дальновидности и гибкости выступает решение о начале военных действий в Северной Африке [1, с. 429].

Всячески обеляя политику лидера Англии Черчилля во время войны, авторы прилагают все усилия, чтобы скрыть истинные причины затягивания открытия второго фронта в Европе. Так вся XXIV глава «Споры о втором фронте. План Маршалла» представляет собой сплошные уверения в том, что союзники России искренне хотели, но в силу объективных обстоятельств не могли осуществить высадку десанта. Однако приводимые «доказательства» стремления английского правительства открыть второй фронт ещё в 1942 году вступают в противоречие с использованными в книге фактами. «Ещё 2 января (1942 года – Н. З.), когда премьер-министр и его советники были в отъезде, комитет начальников штабов под председательством Алана Брука рассмотрел проект высадки десанта на континенте в последней фазе войны, когда Германия утратит все шансы на победу, но будет стремиться избежать всех последствий поражения...

План состоял в том, чтобы быстро продвинуться вглубь Рурского района. Однако проведение операции пришлось бы отложить, если бы к началу лета 1943 года военная мощь Германии не была бы в достаточной мере ослабленной» [1, с. 434]. В свете сказанного становится ясным, что английское руководство с самого начала не собиралось открывать второй фронт в 1942 году, выжидая момента, когда основная часть работы по разгрому фашизма будет проведена СССР.

Своеобразной компенсацией второго фронта, рассчитанной на «потребление» общественным западных стран, являлись поставки по ленд-лизу. К книге всячески подчёркивается роль поставок в снабжении Красной Армии техникой, боеприпасами и т.п.

Чтобы обосновать невозможность для адмиралтейства увеличить число судов, посылаемых в нашу страну, авторы много говорят о лимитирующем факторе для северного маршрута, который заключается в уязвимости конвоев для авиации берегового базирования, подводных лодок и надводных кораблей противника. Очевидно, Дж. Батлер и Дж. Гуайер считают вполне нормальным тот факт, что Советский Союз выдерживает натиск подавляющей части немецких дивизий и несёт при этом огромные человеческие жертвы. Они сетуют и на то, что, русские якобы «были склонны не обращать никакого внимания на потери в судах, кораблях и их экипажах, ни на напряжённость работы последних» [1, с. 450]. В качестве примера больших потерь авторы приводят печальную судьбу караванов PQ-16, но они скрывают факт, что два английских крейсера покинули его после первых налётов немецкой авиации, оставив караван без надёжной защиты. Наконец, авторы стараются обосновать невозможность увеличения размеров помощи СССР ссылкой на неосведомлённость в отношении его потребностей, совсем забыв, что несколькими страницами ранее рассматривали пути оказания помощи СССР, поскольку «Советский Союз остро нуждался в военных материалах и сырье» [1, с. 446, 458]. Показательно, что даже официальная английская историография вынуждена признать: «Перед лицом этих трудных операций (речь идёт о военных операциях Советской Армии – Н. З.) как уже осуществившихся, так и планируемых, помощь России со стороны Великобритании не могла казаться ничем иным, как сущими пустяками» [1, с. 458].

Подведём некоторые итоги: объективизм с его якобы беспристрастным выстраиванием фактов обеспечивает объективность познания в весьма ограниченных пределах. Объективность возможна здесь как результат несовпадения цели и результатов познавательной деятельности. Чем больше неискажённых фактов

используется буржуазным историком, тем больше они обнаруживают противоречивость концепции. Поэтому в книге Дж. Батлера и Дж. Гуайера противоречия более наглядны, чем в работе Дж. Фуллера.

Анализ буржуазной историографии позволяет дать определённое решение и такой проблемы, в каких случаях, и в какой мере субъект исторического познания может сознательно добиться объективных результатов, стоя на позициях буржуазной партийности? В этом плане заслуживает внимания работа А. Верта «Россия в войне 1941–1945». А. Верт является не профессиональным историком, а журналистом, тем не менее, его книга по богатству фактического материала, широте охвата событий не уступает многими историографическим работам. Поскольку автор свободно владел русским языком, то, будучи аккредитован в течение всей войны в Москве в качестве корреспондента «Сандтаймса» и радиокompании Би-би-си, мог непосредственно наблюдать исторические события, читать русские источники, общаться с советскими людьми.

Человек прогрессивных убеждений, А. Верт поставил перед собой задачу – рассказать Западу правду о военных усилиях советского народа. Нельзя упрекнуть его и в недооценке советской военной и промышленной мощи, массового героизма советских людей на фронте и в тылу.

В тоже время А. Верту свойственны все предрассудки буржуазного интеллигента. Особенно это проявляется в освещении вопроса об открытии второго фронта в Европе. Здесь А. Верт недалеко ушёл от объективистов Дж. Батлера и Дж. Гуайера, изображающих развитие событий в духе апологетики действий английского правительства. Как только речь заходит об англо-советском союзе, тон повествования становится сдержанным, оценки (во всяком случае, эмоциональные) бледнеют, уступая место «объективному» изложению тщательно и тенденциозно отобранных фактов. Зато патриотизм английского подданного выиграл, когда зашла речь о первых успехах союзников, высадившихся на севере Франции. Явно обиженным тоном звучат строки о том, «что советская пресса продолжала ограничиваться опубликованием

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

почти только одних официальных сводок с Западного фронта...» [3, с. 622]. В процессе изложения достоверных сведений А. Верт ухитряется так расставить акценты, что они заслоняют одни стороны фактов и выпячивают другие.

Договор об открытии второго фронта в Европе в 1942 году нашёл отражение в англо-советском и советско-американском коммюнике, которое было опубликовано. Излагая историю подписания трёхстороннего договора об открытии второго фронта в Европе в 1942 году, А. Верт делает ударение не на содержании самого договора, а на вручении В.М. Молотову «Памятной записке». В записке английское руководство уклонялось от твёрдых обещаний по открытию второго фронта. Очевидно, автор хочет этим сказать, что английское правительство не связывало себя твёрдыми обязательствами. Однако, как показали отечественные историки, «Памятная записка» носила характер одностороннего заявления Черчилля, и её нельзя рассматривать отдельно от согласованных коммюнике и переговоров в целом, на которых советская делегация пошла на ряд существенных уступок [4, с. 91].

А. Верт много пишет о настойчивых требованиях скорее начать военные действия в Западной Европе и о «перебранке» между Англией и СССР. Причём, как явствует из текста, вину за ухудшение отношений между сторонами он полностью возлагает на Советский Союз: «Плохое расположение духа, вскоре перешедшее в возмущение, зародилось у советской стороны в значительной степени самопроизвольно, и было вызвано скверным положением на фронте...» [3, с. 277]. Автор не находит слов осуждения союзников СССР даже тогда, когда стало ясно, что второй фронт не будет открыт и в 1943 году. Чтобы сгладить впечатление от приводимого им факта, он пишет: «Даже при таком положении вещей союзники приносили пользу – они направляли в Советский Союз большие поставки по ленд-лизу» [3, с. 540].

Российские исследователи стараются рассматривать союзническую помощь объективно, не преуменьшая и не преувеличивая её значение для нашей страны. Однако боль-

шинство из них, говоря о ленд-лизских кораблях и самолётах в соединениях ВМФ, поступлении импортного вооружения, отмечает, что конкретные категории поставок возымели силу только в процессе их масштабного развёртывания в завершающий период военных действий (1944–1945 гг.). [5, с. 164]. Вместе с тем А.Ю. Комарков обращает внимание на то, что изучение темы ленд-лиза российскими учёными ещё далеко от завершения, поскольку существуют малоисследованные страницы истории партнёрства «Большой тройки». Поэтому актуальной задачей является создание фундаментального комплексного труда о военно-морском сотрудничестве Советского Союза, Великобритании и США с привлечением всех доступных источников [5, с. 160, 167].

Анализ книги А. Верта показывает, что принцип объективизма не может быть последовательно реализован при исследовании политических отношений классов и, так или иначе, оборачивается тенденциозностью и субъективизмом. Характеризуя внешнюю, событийную сторону исторической реальности, он не вскрывает её движущих сил и причин. Можно ли объяснить столь поверхностный анализ неосведомлённостью автора? Очевидно, нет. А. Верт сам заявляет о своем глубоком знании исторических документов и литературы (в том числе советских источников), знакомстве с дипломатами стран антигитлеровской коалиции и т. д.

Столь поверхностное отражение А. Вертом проблемы открытия второго фронта следует объяснить главным образом соображениями политического характера: его нежеланием выставить в неприглядном свете политику правящих кругов Англии, стремлением морально её оправдать. Автор тем объективнее освещает проблемы войны, чем в меньшей степени они затрагивают интересы британской политики.

Таким образом, субъективная честность субъекта в буржуазной историографии вступает в противоречие с национально-классовыми интересами и не оказывает решающего влияния на результаты исследования. Классовая, партийная позиция является тем стержнем, который организует все другие установки и формы познавательной ак-

тивности субъекта. Поэтому несовпадение цели и результата познания проявляется у А. Верта ещё и в невозможности быть объективным во всех отношениях.

Характерно, что английские буржуазные историки стараются обосновать авангардную роль Англии, а также и её вооружённых сил в разгроме фашизма или, по крайней мере, скрыть истинные политические причины затягивания открытия второго фронта в Европе, морально оправдать действия своего правительства. В свою очередь, американские буржуазные историки пытаются сделать то же самое, но с точки зрения своей национальной буржуазии. Наиболее яркое воплощение эти идеи нашли в книге официального историка США М. Мэтлоффа «От Касабланки до Оверлорда», которая посвящена работе планирующих органов США во время Второй мировой войны.

Автор, бывший преподаватель в Бруклинском колледже, во время войны служил в авиации, а в 1946 году был назначен на должность начальника отделения стратегического планирования военно-исторического управления министерства армии. В процессе работы над книгой М. Мэтлофф имел доступ ко всем секретным материалам и пользовался помощью ответственных руководителей США. Следовательно, он теоретически и практически знаком с исследуемой проблемой.

М. Мэтлофф пытается преувеличить значение военных усилий США и их роли в антигитлеровской коалиции, прежде всего за счёт умаления роли в ней СССР. Так, поворотный момент в войне автор связывает главным образом с победами союзников в Северной Африке и на небольшом острове Гуадалканал, а не с битвой под Сталинградом [6, с. 21]. М. Мэтлофф считает, что участие Советского союза, который «оставался как бы на периферии англо-американской коалиции», в разработке коалиционных стратегических планов было сравнительно небольшим [6, с. 27, 352]. Возникает вопрос, кто же тогда играл в коалиции определяющую роль? Говоря о завершающем этапе войны, автор отводит эту роль США, когда даже «Советский Союз, исходя из политических и военных соображений, использовал свой вес для поддержания американской точки зрения» [6, с. 447].

Как же автор объясняет, что на европейский, основной театр военных действий (это признаёт и сам М. Мэтлофф) американские войска попали только в 1944 году?

Причины затягивания с открытием второго фронта автор аргументирует уже знакомыми приёмами; предполагаемым сильным сопротивлением противника на французском побережье, недостатком десантно-высадочных средств, противоречиями с европейскими партнёрами. Он ухитрился обвинить даже СССР в его незаинтересованности в проведении операции «Оверлорд» в 1943 году [6, с. 369].

Вопреки своим первоначальным установкам и возможно не осознавая этого, М. Мэтлофф все же показал решающий вклад СССР в разгром фашизма. Манипулятивно относясь к используемым фактам, автор не учитывает их многогранности. Не имея в виду признания решающей роли СССР в войне, а наоборот, желая подчеркнуть важность и сложность операции по форсированию Ла-Манша, М. Мэтлофф пишет: «Как планы «Болеро-Раунд», так и план «Оверлорд» предусматривали, что для обеспечения полного успеха операции нужно, чтобы СССР по-прежнему продолжал оттягивать на себя основную массу вооружённых сил Германии» [6, с. 229]. Истинная оценка военных операций, которые Соединённые Штаты вели вплоть до 1944 года, дается в книге устами военного министра Стимсона в беседе с президентом 10 августа 1943 года: «Советский союз, которому Соединённые Штаты и Англия дали обещание открыть второй фронт, не мог позволить ввести себя в заблуждение «войной булавочных уколов» [6, с. 277].

Что касается недостатка десантных средств, то эта аргумент скорее пропагандистского плана, рассчитанный на то, чтобы отвлечь внимание от более глубоких политических причин задержки открытия фронта в Европе. В книге имеется прямое указание на осуществление в ходе войны перераспределение людских и материальных ресурсов между фронтами «в ущерб перспективным планам развертывания сил, скажем, таким, как план «Болеро» [6, с. 464].

Сильно охраняемой береговая линия Франции стала только в начале 1944 года, ко-

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

гда «немцы ...впервые узнали о готовящейся операции «Оверлорд»...» [6, с. 464]. Автор это признаёт, опровергая свои же аргументы в защиту невозможности открытия военных действий в Европе до весны 1944 года.

В книге имеются заявления, которые свидетельствуют о прекрасной осведомлённости автора относительно заинтересованности определённых, антисоветски настроенных кругов Вашингтона в затягивании с открытием второго фронта в Европе [6, с. 154].

Таким образом, книга М. Мэтлоффа обнаруживает типичные для американской историографии Второй мировой войны противоречия между фактами и концепцией, а также эклектичность самой концепции. Попытка подкрепить ложные теоретические послышки достоверными данными вступает в противоречие даже с элементарной житейской логикой. В конце 1943 года, когда стало ясно, что СССР и сам справится с задачей разгрома фашизма, в военных и политических кругах Вашингтона возникло замешательство, суть которого саркастически выразил начальник оперативного управления в памятной записке президенту: «...Время пустых разговоров кончилось и сейчас нужно либо «подсечь рыбу», либо «смазывать удочки» [6, с. 371].

Книга М. Мэтлоффа представляет интерес также в плане анализа такой характерной черты американской историографии Второй мировой войны, как космополитизм. Суть космополитизма в данном случае заключается в обосновании не просто главенства США в антигитлеровской коалиции, а в выводе о естественности претензий американского империализма на роль мирового лидера после войны [6, с. 495–499, 530–536, 561–562, 568–572].

Представление об американской историографии второй мировой войны будет неполным, если оставить без внимания взгляды историков, относящихся к левому крылу либерально-критического направления. В исторической литературе их относят к школе «новых левых» [8, с. 13]. Усиление влияния этого течения в американской историографии отмечается с середины 1960-х годов. Среди историков анализируемой школы (В. Вильямс, Д. Флеминг, Г. Алпровиц и др.) своим радикализмом и резкой критикой внешней

политики США выделяется профессор университета Йорка в Торонто Г. Колко. Пожалуй, ни один из буржуазных авторов этого периода в американской литературе, кроме Г. Колко, не признает столь определённо решающий вклад СССР в разгром фашизма и одновременно ответственность правящих кругов США за возникновение «холодной войны». Она, по его мнению, явилась следствием невыполнения западными державами союзнических обязательств по отношению к Советскому Союзу во время войны, а также агрессивного внешнеполитического курса США после её окончания.

В отличие от многих буржуазных историков, ставящих военные успехи СССР в прямую зависимость от помощи по ленд-лизу, Г. Колко не преувеличивает её значения. Необычайно смело для американского буржуазного историка он высказывается и по поводу затяжки с открытием второго фронта с целью ослабить СССР [9, с. 102].

Критика для Г. Колко не самоцель. Он обеспокоен падением престижа и постоянными провалами политики США, истоки которых видит в необоснованных претензиях на мировое господство. К трезвым выводам автор пришёл, стоя на позициях экономического детерминизма. По его мнению, интересы американского бизнеса являются «краеугольным камнем» внутренней и внешней политики государства [14, р. 9–10]. Объективность Г. Колко имеет свои границы. Она распространяется главным образом на внешнюю политику. Что же касается отражения внутренних, социально-экономических проблем, то здесь в полной мере сказывается влияние стереотипов буржуазной социологии и «патриотизм» автора, с точки зрения которого «в настоящее время Соединенные Штаты являются обществом с незначительным неравенством, в котором господствующий класс отсутствует» [14, р. 10].

Итак, объективность Г. Колко носит прагматический характер. Объективность полезна в той мере, в какой этого требуют интересы политической практики национальной буржуазии, с позиций которой автор, в конце концов, отражает историческую реальность. В других случаях объективность

подменяется оправданием, искажением прошлого в интересах современной практики.

В разительном отличии от американской буржуазной историографии Второй мировой войны находится книга председателя компартии США У.З. Фостера «Очерк политической истории Америки», написанная по горячим следам событий, когда проблема второго фронта была практически не исследована. У.З. Фостер, располагая в отличие от М. Мэтлоффа и других буржуазных историков ограниченными материалами и историческими источниками, сумел дать вполне объективное, хотя и не совсем полное, освещение роли стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Высоки творческие достижения автора в правильной интерпретации сущности анализируемых явлений. Исследуя различные тенденции в развитии объекта, он выделяет главное – противоречие между капиталистической системой в целом и первым социалистическим государством. Вторая мировая война, начавшись в результате резкого обострения межимпериалистических противоречий, приобретает на определённом этапе характер борьбы двух антагонистических общественно-экономических систем. У.З. Фостер справедливо указывает на «стремление монополистов, особенно в странах «оси», стереть с лица земли социализм и демократию» [11, с. 604]. Отсюда – заинтересованность союзников СССР в его ослаблении и затягивании открытия второго фронта в Европе [11, с. 609–610].

Анализ взаимосвязи отражения, ценностно-оценочного, предметно-практического и коммуникативного компонентов в деятельности структуры позволил нам сделать вывод о том, что результаты исторического исследования могут совпадать и не совпадать с целями субъекта. Как правило, причины несовпадения кроются в неадекватности целей объекту (цели ненаучны) и неадекватности средств целям и объекту. Историк может избирательно относиться к средствам, стремясь к субъективированию (искажению) представлений об объекте. Однако «неполнота» средств ведёт к непланируемому «недовыполнению целей» (бездоказательность) в одном отношении и «перевыполнению целей» (частичное самоопровержение) в дру-

гом. Несовпадение цели и результата обусловлено тем, что средства (исторические источники, факты, методы и т.д.) не могут быть полностью субъективированы.

Таким образом, результат исторического познания есть не только отражение объекта, но вместе с тем и отражение структуры познавательной деятельности, которая в качестве средства причиняет результат. Неадекватное объекту познания соотношение компонентов в структуре активности субъекта ведёт к отражению событий в превращённой, искажённой форме. Изучение буржуазной историографии Второй мировой войны показало, что партийность и ценностные установки историка влияют, но не абсолютно определяют результаты исследования, поскольку:

а) существуют объекты, к которым интересы классов имеют не прямое отношение; б) познавательные средства не исчерпываются принципом партийности, а включают в себя конкретно-научные методы и способы исследования исторического объекта; в) идеологическая позиция субъекта может отличаться от его социальной принадлежности; г) детерминация активности субъекта объектом как одна из сторон диалектики субъектно-объектных отношений в принципе исключает полную и исчерпывающую субъективацию объекта исторического познания.

В процессе сравнительного анализа работ историков-марксистов, английских и американских буржуазных историков, посвящённых проблемам Второй мировой войны, нами установлено, что партийность буржуазной историографии имеет отчётливый националистический и даже космополитический оттенок. Национализм и космополитизм (шовинистический национализм стремящейся к мировому господству монополистической буржуазии) выражает, в конечном счёте, потребности общественно-политической практики империализма.

Нами исследованы особенности функционирования структур активности субъекта в зависимости от времени, места, конкретно-исторической ситуации. Условий, при которых осуществляется познание исторического объекта. Так, в условиях «холодной войны» идеологические установки оказывают боль-

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

шее искажающее влияние на отображение объекта, чем в условиях разрядки международной напряженности. Новые потребности политической практики (демократизация международных отношений, военная и политическая разрядка) могут способствовать относительному повышению степени объективности исторического самосознания.

Подводя итог, можно сделать вывод: познавательная активность буржуазного историка гарантирует известную достоверность результатов лишь в тех случаях, когда у него возникает потребность в объективном изучении объекта, и в той мере, в какой этому не противоречат его классовые интересы. Обь-

ективность может проявляться на уровне отдельных фактов, некоторых формулировок теоретических положений и быть следствием несовпадения цели и результата исследования, полемики конкурирующих течений и школ западной буржуазной историографии. Субъективность выступает в англо-американской буржуазной историографии Второй мировой войны не только в виде неполноты информации, но и искажения фактов, логических противоречий между теорией и эмпирическими данными.

Золотова Наталья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент

Список литературы

1. Батлер, Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942 / Дж. Батлер, Дж. Гуайер. – М.: Воениздат, 1967. – 566 с.
2. Белоусов, И.И. Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны // Вопросы истории. – 2016. – № 9. – С. 170–173.
3. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. – М.: Прогресс, 1967. – 774 с.
4. Земсков, И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. – М.: Политиздат, 1982. – 319 с.
5. Комарков, А.Ю. Военно-морской ленд-лиз и союзнические поставки флоту в 1941–1945 гг. в отечественной историографии // Вопросы истории. – 2017. – № 5. – С. 160–171.
6. Мэтлофф, М. От Касабланки до Оверлорда. – М.: Воениздат, 1964. – 584 с.
7. Пряденин, В.С. О некоторых дискуссионных методологических (научноисследовательских) вопросах исторических исследований // Вопросы истории. – 2017. – № 2. – С. 138–145.
8. Ржешевский, О.А. Война и история. – М.: Мысль, 1976. – 292 с.
9. Степанова, О.Л. «Историки-ревизионисты» о внешней политике США // Вопросы истории. – 1973. – № 3. – С. 93–107.
10. Филитов, А.М. Существовал ли пакт Сталина-Гитлера? Характер, значение и интерпретация германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 170–174.
11. Фостер, У.З. Очерк политической истории Америки. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1964. – 918 с.
12. Фуллер, Дж. Вторая мировая война 1939–1945 г.г. Стратегический и тактический обзор. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1956. – 350 с.
13. Юнгблюд, В.Т. В.О. Печатнов, И.Э. Магадеев. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 168–172.
14. Kolko, G. The roots of American foreign policy: An analysis of power and purpose. – Boston: Beacon press, 1969. – 166 p.

THE PROBLEM OF HISTORICAL RESEARCH RESULTS OBJECTIVITY

N.D. Zolotova

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article portrays the problem of objectivity of results of historical research. The main idea of article: the structure of cognitive activity of the subject has an influence upon, but not absolutely determines the results of historical research. The object determines activity of the subject of historical cognition. So results of historical research can not be fully subjective and fallacious.

Key words:

subjective, objective, objectivity, object, history, historian, historical research, historical cognition, the structure of cognitive activity of the subject, results of historical research.

References:

1. Batler, Dzh. Bol'shaya strategiya. Iyun' 1941 – avgust 1942 / Dzh. Batler, Dzh. Guajer. – M.: Voenizdat, 1967. – 566 s.
2. Belousov, I.I. Nacistckaya Germaniya protiv Sovetskogo Soyuza: planirovanie vojny // Voprosy istorii. – 2016. – № 9. – S. 170–173.
3. Vert, A. Rossiya v vojne 1941–1945 / A. Vert. – M.: Progress, 1967. – 774 s.
4. Zemskov, I.N. Diplomatischeckaya istoriya vtorogo fronta v Evrope. – M.: Politizdat, 1982. – 319 s.
5. Komarkov, A.Yu. Voenno-morskoj lend-liz i soyuznicheskie postavki flotu v 1941–1945 gg. v otechestvennoj istoriografii // Voprosy istorii. – 2017. – № 5. – S. 160–171.
6. Metloff, M. Ot Kasablanki do Overlorda. – M.: Voenizdat, 1964. – 584 s.
7. Pryadein, V.S. O nekotoryh diskussionnyh metodologicheskikh (naukovedcheskih) voprosah istoricheskikh issledovanij // Voprosy istorii. – 2017. – № 2. – S. 138–145.
8. Rzheshhevskij, O.A. Vojna i istoriya. – M.: Mysl', 1976. – 292 s.
9. Stepanova, O.L. «Istoriki-revizionisty» o vneshnej politike SShA // Voprosy istorii. – 1973. – № 3. – S. 93–107.
10. Filitov, A.M. Sushchestvoval li pakt Stalina-Gitlera? Harakter, znachenie i interpretaciya germano-sovetskogo dogovora o nenapadenii ot 23 avgusta 1939 goda // Voprosy istorii. – 2017. – № 10. – S. 170–174.
11. Foster, U.Z. Ocherk politicheskoj istorii Ameriki. – M.: Izd-vo inostrannoj lit-ry, 1964. – 918 s.
12. Fuller, Dzh. Vtoraya mirovaya vojna 1939–1945 g.g. Strategicheskij i takticheskij obzor. – M.: Izd-vo inostrannoj lit-ry, 1956. – 350 s.
13. Yungblyud, V.T. V.O. Pechatnov, I.E. Magadeev. Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. Cherkhillem v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Dokumental'noe issledovanie // Voprosy istorii. – 2017. – № 10. – S. 168–172.
14. Kolko, G. The roots of American foreign policy: An analysis of power and purpose. – Boston: Beacon press, 1969. – 166 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОРОЖНОЙ СЕТИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ XIX В.

В.В. Исаев

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье рассматриваются процессы формирования и развития дорожной сети Алтайского округа в пореформенный период истории, во второй половине XIX в. Представлена характеристика основных типов дорог, организация и технологии дорожного строительства.

Ключевые слова:

дорожное хозяйство, дорожное строительство, Алтайский округ, Алтай.

Отмена крепостного права в России, в 1861 г., положила начало широкомасштабным реформам в различных сферах жизни, которые не могли не отразиться на дорожном хозяйстве Алтайского горного округа. Но, в первые десятилетия новой эпохи в значительной степени продолжали действовать сложившиеся традиции. По-прежнему важную роль в транспортной сети Алтая имел Большой Сибирский тракт (Московский тракт), тянувшийся от Екатеринбурга через Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Омск, Каинск, Колывань, Томск, Мариинск, Ачинск, Красноярск, Канск, Нижнеудинск и Иркутск. Отсюда одна его ветка шла на Кяхту и в Китай, другая – через Байкал и Кругобайкальскую дорогу на Владивосток. Из 6 тысяч верст Большого Сибирского тракта на долю Томской губернии, в пределах которой располагался Алтайский горный округ, приходилось 1 078 верст. Вплоть до начала эксплуатации железнодорожной магистрали в конце XIX в. тракт оставался единственной сквозной транзитной дорогой, соединявшей Европейскую Россию с Сибирью и Дальним Востоком. Тракт имел исключительно важное значение для сельскохозяйственного и торгово-промышленного освоения азиатских окраин, для экономических связей с Китаем. Тракт являлся также

стратегической и ссыльно-каторжной дорогой. На рынки европейской части страны поставлялись чай, пушнина, сало, масло, овчины, хлеб, мед, кедровый орех, драгоценные металлы и другая продукция, полученная в результате промышленной деятельности сибирского населения. В обратном направлении, из Тюмени и Ирбита, с крупнейших российских ярмарок, из Москвы шли железные и чугунные изделия, мануфактура, москательные (предметы бытовой химии) и бакалейные товары. Значительная их часть доставлялась по реке до Томска, а затем, зимним путем, переправлялась в Восточную Сибирь и Китай. Часть оставалась в западносибирских губерниях или через Бийск по Чуйскому тракту отправлялась в Монголию [1, с. 12–13].

К концу XIX в. с развитием парового судоходства и железных дорог значение Сибирского тракта для Алтая снизилось, отдельные его участки локализовались в дороги местного значения. Напоминанием о значении Сибирского тракта является современный проспект Ленина в г. Барнауле. До 1924 г. он носил название Московского проспекта – главной улицы города, т.к. имел выход на главную транспортную артерию Сибири – Московский тракт. Тракты, возникшие на Алтае в XVIII в. сохраняли свое значение. По про-

тяженности дорог Алтайский горный округ не имел равных в Сибири. Характерной особенностью колесных дорог на Алтае в отличие от других районов Сибири было то, что они создавались не стихийно, а целенаправленно связывая рудники и заводы единого горнозаводского комплекса. Вьючные верховые и пешеходные тропы торились, просеки расширялись, дороги делались проезжими для телег в сухое время, затем улучшались мостами и гатями. Крестьяне сами рубили просеки, гатили низкие участки, устраивали переправы.

Улучшение качества дорожного полотна шло медленно. Современники отмечали: «Гужевого путь плохо устроен, весьма далек и чрезвычайно дорогостоящий для перевозки грузов. Местные подъездные пути неудобны, не устроены и не приспособлены для перевозки тяжестей» [2, л. 80].

Томский губернатор в отчете об условиях развития земледелия за 1881 г. акцентировал внимание на плохом состоянии путей сообщения, что отрицательно сказывалось на развитии хлебопашества и торговле его продуктами [3, с. 205].

Одной из наиболее важных дорог, имевших административно-хозяйственное значение, являлась дорога от Барнаульского завода на Москву, а также, от Барнаульского завода до Томска. Большое значение имели уездные дороги: Томск – Бийск, Томск – Кузнецк, Томск – Семипалатинск, которые пролегли через Барнаул и дороги между уездными городами: Кузнецк – Бийск, Барнаул – Сузунский завод. Практически неучтенными оставались многочисленные проселочные дороги. Они, как правило, меняли свое направление и протяженность вслед за изменениями в крестьянских делах и в зависимости от погодных условий.

Дорожное строительство в Алтайском горном округе в первые десятилетия второй половины XIX учитывало традиции, сложившиеся в Западной Сибири. Наиболее распространенными были дороги шириной в 6 сажени. Из них 3 сажени составляло дорожное полотно, по полторы сажени приходилось на обочины. Поверхность дороги планировалась: срезались бугры и засыпались ямы. Планировка учитывала характер рельефа.

Если дорога проходила по косоугору, то нижняя сторона выравнивалась насыпью с настилкой фашин (связки хвороста или вязанки прутьев). При проведении дороги по низким и болотистым местам она строилась в виде плотины на тех же фашинах или хвойных ветках, завязанных в пучки. Все это засыпалось хорошей сухой землей, которая плотно утрамбовывалась. Сверху насыпали слой крупного песка, хряща (крупный песок с мелкой галькой) или щебня. Обрезы дороги делались отлогими во избежание осыпания стенок.

Гати также устраивались с помощью фашин, которые засыпались землей или дерном.

По утрамбовке делалась насыпь из песка или хряща. Ширина гатей и плотин составляла не более 4 сажени. Водопрпускные трубы устраивались в зависимости от рельефа местности там, где удобно пропустить воду для свободного стока. Небольшие мостики и так называемые пролеты через канавы и рытвины делались из плах и огораживались перилами.

Места спуска на гати и плотины предусматривалось уравнивать фашинами, чтобы на них не было выбоин. Дорога в этих случаях огораживалась надолбами (столбиками) с перекладинами. Перила, или надолбы, устанавливались также при спусках с горы на мосты, плотины и гати, если существовала опасность в виде оврагов и косоугоров.

Большие мосты строились шириной в три сажени. Их основание лежало на сваях. Сруб у берегов реки пересекался колодцами, которые забивались камнем. В настиле мостов использовались брусья из лиственницы. Перила мостов укреплялись квадратными брусьями не менее 5 вершков в отделке. Отмеченные дорожные сооружения дополнялись окрашенными верстовыми столбами с цифрами, показывающими расстояние в верстах.

Крестьянское население занималось благоустройством дорог в промежутках между летними полевыми работами. Часть работ, в основном заготовка лесных и минеральных материалов, проводилась осенью. Команду на очередные дорожные работы и соответствующую разрядку давал земский исправник. На закрепленный за крестьянским обществом участок должны были выставляться

ФОРМИРОВАНИЕ ДОРОЖНОЙ СЕТИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ XIX В.

работники в числе не менее пятой части от их наличного состава. За сбор людей в назначенный срок, их экипировку и техническую готовность отвечали сельские старосты и старшины. Иногда разрешался наем за себя других работников. Это могли делать как отдельные крестьяне, так и целые общества.

Каждый работник должен был иметь при себе лошадь, таратайку (двухколесную телегу) или обычную телегу для перевозки фашин, леса, песка и других сыпучих материалов. Из инструментов предписывалось брать топор, кайло, железную и деревянную лопаты. Плотники обязаны были брать долота и напарья (большие буравы лопатой или совком с коловоротом), сверла, и струги на случай ремонта мостов.

Для организации и наблюдения за ходом работ волостными правлениями выбирались дорожные старосты. На наиболее масштабные работы командировались волостные начальники [1, с. 16–19].

Несмотря на развитую сеть гужевых дорог, Алтайский горный округ не имел до конца XIX в. в штате ни одного специалиста-строителя, тем более дорожника. Строительством и ремонтом руководили либо горные инженеры из окружной администрации, либо местные лесничие или исправники. В тех случаях, когда требовались более сложные проекты, особенно на строительство достаточно больших мостов, администрация округа обращалась к специалистам строительного отделения Томского губернского управления. Только по штатам 1896 г. вводилась должность техника по строительной и дорожной части, одна – на весь округ. Первым, заступившим в эту должность (просуществовавшую до 1911 г.) был гражданский инженер Г.Ф. Кациенко, к своим 29 годам имевший уже шестилетний стаж, причем в разных уголках Российской империи: в Обществе Рязанско-Козловской железной дороги, Якутским областным архитектором, инженером технических занятий при Военном губернаторе Ферганской области. Для привилегированной касты местных горных инженеров, имевших значительно большее жалование и более высокое положение по табелю о рангах, эта должность казалась незавидной. Начальник Алтайского горного округа уже два

года спустя ходатайствовал перед Кабинетом о повышении жалования и классности для этой штатной единицы, находя невозможным найти инженера с высшим техническим образованием на должность с таким широким кругом обязанностей на существующих условиях. Кабинет пошел навстречу этим просьбам, и в 1899 г. жалование техника по строительной и дорожной части было увеличено с 2 200 до 3 300 рублей, класс был оставлен по-прежнему 7. Также создана была должность помощника техника, на которую определялось принять «опытное в строительном деле лицо». Что же касается Г.Ф. Кациенко, то он, проработав на своей должности менее двух лет, заболел легочным и ревматическим заболеваниями при заготовке гальки для строительства Бель-Агачского шоссе в очень суровых зимних условиях, получив при этом взыскание за недостаточную скорость работы. В 1899 г. строительством этой дороги уже руководил горный инженер И.И. Биль [4, с. 4–5].

Следующим на эту должность заступил гражданский инженер И.Ф. Носович, служивший до этого младшим архитектором в Хабаровске, а затем – заведующим ирригацией в Семиреченской области, имевший к 1899 г. десятилетний инженерный стаж [5, л. 37] (позже он, до 1920-х гг., работал окружным архитектором в г. Барнауле).

Получить место техника в штате Алтайского округа было непросто, только по специальной рекомендации в администрацию авторитетного лица. Если рекомендации не было, помощник начальника округа обращался к Директору Санкт-Петербургского института гражданских инженеров с просьбой порекомендовать кого-либо из его выпускников [4, с. 5].

Во второй половине XIX в. дороги по назначению и ведомственному подчинению подразделялись на почтовые тракты, торговые, или коммерческие, скотопрогонные, земские и проселочные дороги.

Почтовые тракты не должны были совпадать со скотопрогонными дорогами во избежание распространения эпизоотий (инфекционных болезней животных). Почтовые тракты имели ширину 30 сажень (около 65 м) и по обеим сторонам были обрыты канавами для

стока воды. В местах открытых (поля, луга) для указания пути во время метели ставили по трактам столбы-маяки в 1 сажень высотой и с расстоянием между ними в 50 саженей.

Скотопрогонные тракты должны были иметь ширину 70 саженей, в которую входила придорожная полоса, предназначенная для подножного корма животных. Остальные дороги имели ширину от 10 до 5 саженей. Проселочные дороги обязаны были иметь ширину не менее 3 саженей.

Общее состояние дорог на Алтае было неудовлетворительным, как и по всей России.

Только почтовые тракты имели лучшее состояние, чем другие. Торговые тракты устанавливались по времени года и зависели от особенности местности, по которой они проходили. Они не имели административного подчинения и регламентировались только по ширине. Эти дороги обычно проходили через богатые селения. Ямской и извозный промысел на них был развит лучше, чем на почтовых трактах. Местами они совпадали с почтовыми и скотопрогонными дорогами. Иногда в зимнее время дороги принимали другие направления. Основное движение по торговым трактам происходило зимой. Существовали и внутренние торговые пути, которые служили для доставки товаров от промысловых сел в уездные города, на базары и ярмарки, хлеба на пристани. Земские тракты находились в подчинении земских учреждений. На них были устроены земские пункты с квартирами, которые обслуживали проезжающих земских чиновников. Езда по этим дорогам для частных лиц даже с открытым (разрешительным) листом была весьма затруднительна. Проселочные и полевые дороги имели ширину 3 сажени (6,4 м) и соединяли между собой населенные пункты внутри уездов и волостей. Дороги должны были содержаться селениями, через земли которых они проходили. Проселочные дороги были проезжими только в летнее и зимнее время. С началом весны все они подвергались разрушительному воздействию природной стихии и вынуждали администрацию Алтайского горного округа принимать срочные меры к приведению дорог в проезжее состояние.

15 апреля 1895 г. бийский окружной исправник разослал полицейским чиновникам,

волостным правлениям и инородческим управам Бийского округа циркуляр следующего содержания: «Дороги проселочные и трактовые, по случаю стоков снеговой воды и прибыли речной воды по округу, пришли в полную неисправность, и также по всей вероятности, плотины, мосты и гати. А так как на исправление всех этих недостатков наступило самое удобное время, свободное для крестьян от полевых работ, посему предписываю полицейским чиновникам, волостным правлениям и инородческим управам, воспользоваться этим свободным временем и приступить к исправлению: дорог, мостов, гатей и других недостатков, могущих встретиться по означенным дорогам» [6, л. 94].

В Алтайском горном округе все дороги строились и исправлялись несколькими ведомствами. В первую очередь, они строились и содержались под контролем Томского губернского распорядительного комитета, которому подчинялись местные уездные распорядительные комитеты, а им, в свою очередь, – волостные управления.

В состав управления дорожной повинностью входили становой староста, дорожный староста и волостной начальник. На каждом лежала определенная обязанность. Становой староста избирался на каждом «стане», или дорожном участке. Его обязанность заключалась в общем наблюдении и назначении каждому вида его работы: возить песок, чистить канавы, засыпать выбоины и так далее. Он же объяснялся с начальством и отчитывался о проделанной работе. Дорожный староста избирался один для целой волости. Его обязанность состояла в постоянном объезде дорожных участков и в определении, что именно и как должно быть сделано. Приказы отдавались становым старостам, которые их и исполняли. Волостной начальник, он же волостной староста, контролировал действия дорожного и становых старост, составлял донесения окружному заседателю или исправнику о ходе и состоянии дорожных работ и их окончании. От него требовались оперативность и инициативность в работе. 2 апреля 1896 г. Нижне-Чарышский волостной староста Морозов, получив донесение Усть-Калманского сельского старосты о невозможности проезда по двум мостам у деревни

ФОРМИРОВАНИЕ ДОРОЖНОЙ СЕТИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ XIX В.

Усть-Калманки через реку Калманку и распоряжение земского заседателя 3-го участка Бийского уезда о немедленном исправлении всех мостов, выехал на место происшествия.

По прибытии, он установил, что мосты, построенные еще в 1876 г., пришли в ветхое состояние и должны быть построены заново. Учитывая, что это невозможно сделать в ближайшее время и между тем нельзя приостанавливать движение по мостам, Морозов принял решение «безотлагательно исправить оба моста хотя бы настолько, чтобы проезжать по ним во время половодья». Не дожидаясь решения волостного схода, от которого зависели подряды такого рода, Морозов, нашел подрядчиков непосредственно в Усть-Калманке. За 75 руб. выполнить необходимые работы по поддержанию мостов в рабочем состоянии согласился местный житель Яков Иванович Нехорошков с товарищами. Подрядчики взяли на себя следующие обязательства: «...у большого моста третью от селения свинку в 3-х местах оковать полосовым железом, первую свинку береговую утвердить бутом и добавочными сваями по всему пространству, где таковых недостает от берега до прежде вбитых свай, исправить настил и перила. У малого моста подкрепить обе свинки, у первой из них надеть на уцелевшую штангу новую проуху, другой конец которой укрепить в берегу посредством старой или новой сваи, исправить настил и перила. Оба моста содержать в исправности до 1 июля 1896 г., притом с тем, что если мосты снесет обе или одну водою при разливе реки не от вины Нехорошкова, то он от ответственности избавляется. В противном случае за свою неисправность отвечает лично и имущественно». Морозовым было указано: «следующие за исполнение подряда деньги выдавать Нехорошкову по частям: 25 рублей при заключении сделки, 25 рублей к 1 мая и остальные 25 рублей по окончании сдачи мостов» [7, л. 309–311].

В начале XX в. в составе Барнаульского уезда находилось 27 волостей, Бийского – 13, Змеиногорского – 17, Томского – 7, Кузнецкого – 10. Большую работу по благоустройству путей сообщения вел Бийский уездный распорядительный комитет. На его заседаниях регулярно рассматривались вопросы о содержании дорог в уезде, составлялись расписания

о несении натуральных и денежных повинностей сельскими обществами по содержанию дорог и мостов. Волостные правления, относившиеся к Бийскому уезду, составляли сведения о населении, расписания дорожной повинности, наряды на дорожно-строительные работы, отчеты о расходах на ремонт дорог. Земский Бийск-Улалинский тракт содержался крестьянами Сростинской волости, которая участками была распределена на каждое сельское общество, по числу душ годных работников. По окончании весенних полевых работ каждое сельское общество высылало, по своему распределению, необходимое число людей для исправления своего участка. Ремонт тракта производился следующим образом: трава с полотна счищалась на обе стороны дороги, а середина делалась овальной. Чтобы не задерживалась дождевая вода, на низких местах делалась гать из веток с утрамбовкой сверху дерном, а если была галька, то – мелкою галькой, в логах, где протекали небольшие речки или ключи, устраивались мостики. Все исправление дорог производилось несколько раз в год и занимало 2–3 дня. Проселочные дороги, мосты и гати исправлялись каждым обществом в границах своего земельного надела. Стоимость всех повинностей, по общему исчислению по волости, на каждого годного работника (с 16-ти до 48-летнего возраста) составляла по 1 руб. 37 коп. Все работы по исправлению дорог производились в свободное от полевых работ время. В 1899 г. общая стоимость исправления дорог, мостов и гатей для крестьян Сростинской волости составила 5 831 руб. 26 коп. Крестьянские общества Бийского уезда также ремонтировали Бийск – Змеиногорский тракт, который пролегал по земле частью холмистой, частью луговой. На всем его протяжении ими было построено 19 мостов (52 сажени), барьеры (406 сажень), гати (36 сажень). Самым проблемным было строительство и содержание деревянных мостов, которые часто смывало весенним паводком. Например, в 1902 г. на средства Паутовского волостного общества был построен мост на реке Сараса, что обошлось крестьянам в 354 руб., а сумма ежегодного его обновления составляла в 1902 г. – 58 руб. 75 коп., в 1903 г. – 65 руб. 85 коп., и так да-

лее. В итоге, содержание моста волостному обществу обошлось в 4 144 руб. 50 коп.

Сооружение дорог было делом трудоемким и технически достаточно сложным. Для содержания на них мостов, плотин, гатей требовались специальные технические знания.

Затраты сельского населения на устройство путей сообщения были огромными, а результаты незначительными из-за низкого уровня исполнения работ.

13 мая 1899 г. Бийский уездный исправник Тукмачев в циркулярном распоряжении, адресованном волостным старшинам, инородческим постам и станичным атаманам обращал их внимание на то, что низкое качество дорожных работ в немалой степени объясняется отсутствием должного контроля над крестьянами, отбывающими дорожную повинность.

«В прежние годы – отмечал он, неоднократно замечалось, что староста шлет на дорогу 40–50 человек и люди эти, не имея за собою надзора, ни руководителя, кое-как и кое сьяк пороются немного, поровняют, как попало прокатины, и разъезжаются по домам, не сдавая никому своих работ. Произведенные таким образом небрежно и без надлежащего руководства поправки первым же дождем всегда смываются, и дорога вновь требует исправления, а иногда становится почти непроездною. В устранение такой излишней и бесполезной траты времени обязываю Вас, для руководства рабочими и работами лично выехать или выслать вместо себя волостного начальника с сотскими и десятскими на главный тракт по вверенной вам волости и находиться на таковом неотлучно впредь до окончания всех исправлений» [8, л. 108].

В ряде мест предпринимались попытки повысить качество дорог. Так, мосты на леж-

нях, отличавшиеся неустойчивостью, старались заменять построенными на сваях, а полотно исправляемой дороги посыпали слоем песка и гальки, разравнивали тяжелыми катками. Крестьян особенно волновал вопрос о замене тягостной натуральной дорожной повинности денежным сбором. В «Уставе о земских повинностях» от 1899 г. крестьянам было дано право, устраивать и содержать участки дорог: «лично своею работою, по нарядам и очередям или посредством найма». Этим правом пользовались зажиточные крестьяне, которые высылали вместо себя на дорожные работы наемников, с оплатой в 20–25 рублей. Были случаи, когда один и тот же человек нанимался отработать на ремонте тракта за трех-четырёх односельчан.

Натуральная дорожная повинность была главным орудием в поддержании более или менее нормального функционирования трактов. Она распространялась на всех крестьян рабочего возраста, часть которых ежегодно должна была отработать в течение месяца на ремонте полотна дорог и мостов. Время основного ремонта дорог приходилось на период весенне-летних сельскохозяйственных занятий, что создавало для крестьян крайнее неудобство. При отсутствии квалифицированного руководства крестьяне тратили массу сил и средств иногда впустую при ремонте и устройстве путей сообщения. Но сохранение дорожной повинности способствовало поддержанию основного назначения дорог – функционирование их как путей сообщения [9, с. 86–89].

Исаев Виктор Викторович – кандидат исторических наук, доцент

Список литературы

1. История дорожного дела в Томской губернии / Б.К. Андрющенко, В.А. Бузанова, В.П. Зиновьев, В.Г. Зыкова, П.С. Коновалов; Под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 12–13.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. Л. 80.
3. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. – Барнаул, 1991. – С. 205.
4. Матушина, С.Ю. История дорожного дела на Алтае. 1900–2000 гг. – Барнаул, 2000. – С. 4–5.
5. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 145. Л. 37.
6. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 28. Л. 94.
7. ГААК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 170. Л. 309–311.
8. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 59. Л. 108.
9. Завьялов, А. Строительство и содержание дорог силами крестьянского общинного самоуправления на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // Муниципальная власть и культура, № 1–2 (42–43). – 2012. – С. 86–89.

FORMATION OF THE ROAD NETWORK OF THE ALTAI OKRUG IN THE POST-REFORM YEARS OF THE XIX CENTURY

V.V. Isayev

PolzunovAltai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article deals with the processes of formation and development of the road network of the Altai okrug in the post-reform period of history, the second half of the 19th century. The characteristics of the main types of roads, organization and technologies of road construction are presented.

Keywords:

road economy, road construction, Altai okrug, Altai.

References:

1. Istoriya dorozhnogo dela v Tomskoj gubernii / B.K. Andryushchenko, V.A. Buzanova, V.P. Zinov'ev, V.G. Zyкова, P.S. Konovalov; Pod red. V.P. Zinov'eva. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999. – S. 12–13.
2. Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja (GAAK). F. 86. Op. 1. D. 7. L. 80.
3. Istoriya Altaya v dokumentah i materialah. Konec XVII – nachalo HH veka. – Barnaul, 1991. – S. 205.
4. Matushina, S.Yu. Istoriya dorozhnogo dela na Altae. 1900–2000 gg. – Barnaul, 2000. – S. 4–5.
5. GAAK. F. 4. Op. 1. D. 145. L. 37.
6. GAAK. F. 170. Op. 1. D. 28. L. 94.
7. GAAK. F. 179. Op. 1. D. 170. L. 309–311.
8. GAAK. F. 170. Op. 1. D. 59. L. 108.
9. Zav'yalov, A. Stroitel'stvo i sodержanie dorog silami krest'yanskogo obshchinnogo samoupravleniya na Altae vo vtoroj polovine XIX – nachale HH v. // Municipal'naya vlast' i kul'tura, № 1–2 (42–43). – 2012. – S. 86–89.

РОЛЬ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В.В. Исаев

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье рассматриваются основные этапы освоения территории Алтая сибирским казачеством, вклад казачества в изучение территории, её закрепление за Российским государством. Отмечена роль казачества в формировании горнозаводской промышленности региона.

Ключевые слова:

сибирское казачество, Алтай, Кольвано-Кузнецкая оборонительная линия, Бийская линия.

Поход Ермака в Сибирь в конце XVI в. открыл Российскому государству обширные пространства Сибири. На протяжении XVII в. шла активная колонизация территории от уральских гор до Тихого океана, видную роль в которой играло казачество, формирующееся военное сословие дореволюционной России привычное к тяготам военно-походной жизни. Территория Алтая первоначально оказалась вне зоны российской колонизации, могущественное Джунгарское государство препятствовало продвижению на Алтай русских поселенцев, а достаточных военных сил для освоения данной территории у Российского государства на тот момент еще не было. Тем не менее, предпринимались попытки исследовать новые земли посредством направления сюда разведывательных казачьих отрядов.

В 1625 г. с верховий реки Кондомы отряд казаков впервые проник к верховьям реки Бии и обложил ясаком челканцев, живших по реке Лебедь. В этом же году по приказанию кузнецкого воеводы Е. Баскакова в северную часть Алтая для «описания и разведывания новых окольных земель» были посланы казаки под командой Сидора Федорова и Ивана Путимцева [1, с. 22].

В 1633 г. по распоряжению томского воеводы 60 томских казаков на трех неболь-

ших судах-дощаниках под предводительством Федора Пущина направились из Томска к соединению рек Бии и Катунь для строительства крепости с целью продвижения в последующем вглубь территории Алтая. Однако, едва достигнув устья Чумыша, они встретились с князем Абаком и его союзниками. В ходе пятидневного боя с многочисленным противником казаки вынуждены были отступить. Эта неудача не остановила намерений томского воеводы, и в том же году к верховьям реки Бии был направлен из Кузнецка боярский сын Петр Сабанский с отрядом казаков, который, достигнув Телецкого озера, сломил сопротивление князя племени телесов Мандрака. В последующем в 1642 г. против непокорного телеского князя была организована новая военная экспедиция, которую также возглавил Петр Сабанский. Результатом действий экспедиции стало пленение Мандрака со всем его семейством и принуждение телесов к уплате дани и признании власти русского царя.

Исследовав окружающую территорию Петр Сабанский пришел к заключению, что окрестности Телецкого озера не подходят для строительства крепости и предложил построить таковую в месте впадения реки Лебедь

РОЛЬ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

в Бию, но его предложение не нашло поддержки сибирской администрации [2, с. 53–54].

В 1653 г. из Кузнецка вновь был направлен отряд служилых людей для сбора сведений о районе слияния Бии и Катунь. Главным итогом этих экспедиций, помимо разового внимания ясака, было основательное знакомство казаков с природно-климатическими и географическими особенностями Алтая. Добытые ими сведения были использованы С.У. Ремезовым при подготовке «Чертежной книги Сибири» [1, с. 23].

К 1680-м гг. томским и кузнецким воеводам было хорошо известно, что самое подходящее место для строительства острога на Алтае устье Бии и Катунь. «Описание Сибири» 1683 г. отмечает, что тут «великое множество... зверя всякого, птиц и рыбы всякой», изобилие лесов и полей, отличная почва, и делает вывод, что если бы здесь был сооружен острог, то царской казне была бы «великая прибыль» «в ясаке от ясачных и в проезде от торговых людей всяких» [3, с. 4].

Сибирская администрация осознавала, что предгорья Алтая, в частности, район устья Бии и Катунь, удобны для расселения русских крестьян с целью хозяйственного освоения этого региона, кроме того данная территория занимает очень выгодное стратегическое положение. Однако в конце XVII в. не было предпринято практических шагов к сооружению острога на устье Бии и Катунь. Могущество Джунгарии и ограниченность военных сил препятствовали освоению Алтая.

В начале XVIII в. ситуация изменилась. Вступление России в Северную войну, военные и экономические реформы потребовали значительных средств. Важной статьёй доходов царской казны, как и в XVII в., оставалась пушнина, высоко ценившаяся на мировом рынке. Правительство России не могло допустить утечки пушнины в виде дани джунгарскому хану от его данников – телеутских и кыргызских князей.

В этих условиях вновь большое значение приобрел вопрос о сооружении острога в области расселения алтайских племен. Для сибирских властей также сложной оставалась проблема снабжения военных гарнизонов Сибири хлебным жалованьем. На доставку его требовалось много времени (5–6 месяцев),

при этом приходилось отвлекать значительное число служилых людей. Поэтому важно было «заводить государеву пашню» на месте, чтобы снабжать этим хлебом гарнизоны Сибири. Удобными районами для заведения «государевой пашни» были южные степи Западной Сибири, а также обширные пространства Алтая, изобилующие многочисленными реками и озерами.

В авангарде колонизации Алтая выступали военные отряды, преимущественно состоявшие из сибирских казаков, направляемых из Кузнецка, Томска, Тары и др. сибирских городов.

29 февраля 1708 г. Петр I распорядился подготовить указ о строительстве острога в устье Бии и Катунь. Его реализация была осуществлена в 1709 г.

Боярский сын Яков Максюков, возглавляя экспедиционный отряд численностью около 700 человек, две трети из которого составляли казаки, выстроил в указанном месте крепость получившую название Бикатунского острога. Гарнизон крепости составили около 100 казаков и стрельцов под началом кузнецкого дворянина Андрея Муратова.

Летом 1710 г. гарнизон крепости пережил нападение многочисленного ойратско-телеутского войска насчитывавшего около 3–4 тысяч воинов во главе с Духаарзайсаном, в результате которого крепость была сожжена.

Разрушение Бикатунского острога не остановило продвижение русских людей на Алтай. В 1713–1716 гг. были построены Ямышевская и Омская крепости на Иртыше, Чаусский и Бердский остроги на Оби.

В 1717 г. Иван Максюков, младший брат строителя Бикатунского острога Якова Максюкова, на обской протоке, чуть ниже современного Барнаула, возводит Белоярскую крепость. Начинается процесс закрепления за Российским государством территории Верхнего Приобья.

В 1718 г. в 15 верстах от разрушенного Бикатунского острога, выше устья Бии и Катунь строится Бийская крепость. Ее сооружение открывает путь к освоению предгорных и горных территорий Алтая в последующие годы [3, с. 3–17].

Усиление позиций России на юге Западной Сибири было закреплено на переговорах с правителем Джунгарии хунтайчи в 1722 г. по результатам, которых территория Алтая оставалась за Россией [4, с. 4–5].

Урегулирование отношений с джунгарами позволило активизировать заселение Алтая. Необходимость его освоения была продиктована в первую очередь экономическими интересами, к этому времени были получены сведения о рудных богатствах Алтая, которые служили базой для формирования нового горно-металлургического центра России, наряду с традиционным Уралом.

Весной 1726 г. демидовские мастера, посланные на Алтай во главе с Дмитрием Семеновым на берегу р. Колыванки (в настоящее время р. Локтевка) построили первую печь и провели пробную плавку медных руд. 21 сентября 1729 г. под защитой казаков на р. Белой начал свою работу Колывано-Воскресенский металлургический завод. В 1739 г. начинается строительство Барнаульского медеплавильного завода, охрану которого, также осуществляют сибирские казаки.

Историческую роль сибирских казаков в колонизации Алтая в XVIII в. невозможно понять, не учитывая сложность международной обстановки, сложившейся в Центральной Азии и Казахстане. Уже с конца 30-х гг. XVIII в. джунгары возобновили опустошительные набеги на казахские территории.

Возникла необходимость укрепления позиций России на территории Алтая непосредственно соприкасавшейся с казахской степью.

Для усиления военного контингента на юг Западной Сибири были направлены пять полков регулярной армии под командованием генерал-майора Х.Х. Киндермана, а сибирскому губернатору было предписано сенатским указом от 29 сентября 1744 г. иметь нерегулярные войска во всех сибирских городах [5, л. 9].

Во второй половине XVIII в. для защиты русского населения и предприятий горнозаводской промышленности от Кузнецкой крепости на севере до Усть-Каменогорской на юге возводится Колывано-Кузнецкая оборонительная линия, представлявшая собой цепь

опорных военных пунктов растянутых на протяжении 800 вёрст. На Алтае из числа вооруженных пограничных сил казаки в 1758 г. составляли более 36 % (678 казаков из 1 850 военнослужащих). Всего же на южных границах Западной Сибири в начале 50-х гг. XVIII в. было сосредоточено 10 443 чел. личного состава, или (при протяженности границ в 2 500 верст) по 4 чел. на одну версту [6, л. 1–4].

После перехода демидовских заводов в ведение Кабинета Его Императорского Величества в 1747 г. и в связи с обустройством оборонительной линии казаки стали жить на Алтае постоянно. Службу они осуществляли совместно с драгунами, солдатами и другими воинскими частями. В обязанности казаков входили: дальняя разведка, охрана границы (караулы и разъезды), курьерская почтовая и конвойная повинности, обеспечение безопасности посольств, крепостные и строительные работы, заготовки леса, угля, сена, казенное земледелие, таможенная служба и многое другое. В 1752 г. были взяты в «кананирскую науку» 91 человек, составившие ядро артиллеристов охранной службы заводов [7, с. 164].

Тяжесть службы казачества обращала на себя внимание сибирской администрации, которая пыталась улучшить его материальное положение. В 1763 г. по докладу Ф.И. Соимонова и Д.И. Чичерина Сенату казаки получили разрешение вести торговлю с пограничными народами. Так было положено начало знаменитой впоследствии русско-монгольской торговле через Бийск [1, с. 49].

Дальнейшие поиски улучшения материального положения казаков привели к появлению указа от 27 марта 1773 года, по наделению казаков 6 десятинам наделом земли.

Военная реформа 1787 г. отменила деление казачества на команды (тарские, томские, кузнецкие и др. казаки). Вместо этого все линейные и крепостные казаки были сведены в 24 сотни во главе с атаманом. На Алтае было образовано семь сотен численностью 796 чел [8, с. 124–126].

Итоги длительного пути формирования пограничного казачества активно участвующего в колонизационных процессах подводило высочайше утвержденное «По-

РОЛЬ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

ложение о Сибирском линейном казачьем войске» от 19 августа 1808 г. Его численность определялась в 5 990 казаков, разделенных на 10 пятисотенных полков, которые обязаны, были выступить на службу в военное время [1, с. 52].

По новому «Положению о сибирском линейном казачьем войске» от 5 декабря 1846 г. на казаков налагались такие обязанности как охрана пограничной линии, содержание таможенной стражи, защита внешних приказов от «киргизов» и полицейские обязанности в них, содержание в степи постов и коммуникационных пикетов, высылка отрядов на охрану золотых приисков, комплектование казаками жандармской команды, заселение новых линий, укреплений и постов и их защита.

К 80-м гг. XVIII в. Колывано-Кузнецкая линия утратила оборонительное значение и в присутствии казаков острой необходимости не ощущалось. До начала активного продвижения вглубь степей Казахстана власти мирились с этим обстоятельством, используя казаков на второстепенных работах и службах. Но по мере развития колонизации «Киргизской степи» в 50–60-е гг. XIX в. они потребовались на других участках сибирских пограничных линий, что не замедлило сказаться на численности казачьего населения Алтая.

В 1820-е гг. по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича предпринимаются попытки поднять уровень жизни казаков за счет приобщения их к хлебопашеству. Несмотря на неудачу этой затеи, казаки приобрели определенные навыки хлеборобов, полезные для ведения личного хозяйства. В особенности это касалось казаков проживавших на Алтае, где сама природа благоприятствовала земледелию в речных долинах на предгорных черноземах. Проблема лишь заключалась в том, чтобы правильно разделить казачьи земли с землями Кабинета Его Императорского Величества [9, с. 188–189].

Размежевание казачьих и кабинетских земель на Алтае растянулось на значительный период времени, что объяснялось нежеланием администрации Алтайского горного округа идти казакам на большие земельные уступки. Первые межевые работы, проведенные

в 1816 – 1817 гг., а в ряде мест завершённые к 1828 г., породили массу недовольств.

Земельный вопрос вновь был поднят после принятия «Положения о Сибирском линейном казачьем войске» 1846 г. Однако межевая комиссия, высочайше утвержденная мнением Госсвета 14 ноября 1850 г. из-за противодействия Министерства императорского двора так и не приступила к работе [10, л. 7–7 об.]. До «Великих реформ» и открытия Алтая для массовых переселений в 1865 г. особой земельной тесноты не наблюдалось, ценность самой земли была ничтожна, а потому размежевание земель не было первейшей экономической необходимостью. Кабинет его императорского величества довольствовался правами верховного владельца земель на Алтае и в этом качестве не хотел их делить ни с кем, но в то же время он не был противником использования земель казаками при наличии значительного фонда свободных земель. Но в пореформенный период ситуация коренным образом изменилась. Массовый приток крестьян на казачьи земли, не имевшие четких очертаний, и должного юридического статуса привел к росту земельных конфликтов ряд, из которых отличался особой остротой.

В докладе начальника межевой партии Сибирского казачьего войска от 16 сентября 1892 г. командированного на Бийскую линию в июле 1892 г. отмечалось, что из 20 казачьих поселков 1 до сих не имеет собственного надела (казаки поселка Бобровского пользовались землей совместно с местными крестьянами), 9 поселков в различной степени пострадали от крестьянских захватов, 4 – фактически потеряли часть земли ввиду того, что крестьяне не вносили платежи за пользование казачьими землями. Окончательно земельный вопрос был урегулирован в ходе работы смешанной комиссии по отмежеванию казачьих земель под председательством члена Совета Министерства внутренних дел Ушакова в 1897 – 1898 гг. Казакам было отведено 160 220 дес. и 32 852 дес. изъято из ведения Кабинета в войсковой запас [12, с. 12]. Однако многочисленные спорные вопросы так и не были до конца урегулированы. Всё это породило взаимные обиды крестьянского и казачьего населения со временем трансформировавшиеся в ненависть, наглядно проявившуюся в годы Гражданской войны.

Отмена крепостного права в 1861 г. открыла путь к масштабным реформам в различных сферах российской жизни, в том числе затронув и казачество. Завершился длительный колонизационный этап освоения Алтая. Казачье население, принимавшее в этом процессе активное участие, все более утрачивало прежние чисто военные функции, осваивая комплекс хозяйственных занятий превращавших казака-воина в казака-труженика.

Специфика проведения реформ в казачьих областях состояла в том, чтобы, сохраняя традиционную войсковую структуру, одновременно попытаться приспособить ее к изменившимся условиям.

Первым шагом на этом пути было издание «Положения о Сибирском казачьем войске» от 13 марта 1861 г. Оно отменяло обязательный труд казаков на войсковых «фабриках и заводах», освобождая тем самым время для ведения собственного хозяйства. Одновременно ликвидировались также дотации на вооружение, обмундирование, содержание лошадей и проч. Теперь казак должен был полагаться только на собственные силы.

Казачье население Алтая в пореформенный период существенно сократилось из-за перевода значительной части личного состава на территорию образованного в 1867 г. Семиреченского казачьего войска. Кроме того ранее в 1848 г. был упразднен кузнецкий участок Колывано-Кузнецкой линии (оставшийся Колыванский участок получил название Бийской казачьей линии), а казачье население переведено в крестьянское сословие. На 1 января 1864 г. численность казачества составляла 9395 чел., через 15 лет в 1879 г. – 6733 чел. [8, с. 274].

Несмотря на сокращение численности казачества, администрация Алтайского горного округа противилась переводу оставшейся части казачества, на Иртышскую линию, располагавшуюся на территории современного Казахстана, так как казачество по ее мнению являлось своеобразным гарантом стабильности в регионе.

В начале XX в. казаки составляли небольшую по численности, но весьма значимую часть населения Алтая. Обширную информацию о его демографическом и социально-экономическом положении предоставляют ма-

териалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. Данный источник информации дает ясное представление о степени адаптации казачества к местным природно-климатическим условиям, успехах в хозяйственной деятельности.

Территория Бийской линии на этот момент располагалась в пределах Бийского и Змеиногорского уездов Алтайского округа Томской губернии (с 17 июня 1917 г. Алтайской губернии). В ее состав входили семь станиц: Чарышская (центр линии), Антоньевская, Верх-Алейская, Маральевская, Николаевская, Слюденская, Терская; и 12 поселков: Андреевский, Белорецкий, Бобровский, Верх-Убинский, Ключевский, Платовский, Секировский, Смоленский, Сосновский, Тигирецкий, Тулатинский и Яровской [13, л. 59–60].

В 19 населенных пунктах проживало 13 490 человек (6 757 мужчин и 6 733 женщины). Казаки составляли подавляющее большинство населения Бийской линии (89,67 %) – 12 096 чел. (6 043 мужчины и 6 053 женщины).

Национальный состав алтайского казачества отличался от других районов Сибирского войска, редкой однородностью – 99,83 % казаков (12 075 чел.) составляли русские, 0,1 % (12 чел.) казахи и 0,07 % (9 чел.) – украинцы. Абсолютное большинство казаков – 97,4 % (11 782 чел.) являлись старожилами (перепись относилась к таковым всех поселившихся до 1861 г.). Переселенцев было немного – 2,5 % (299 чел.). Прочие (непричисленные, беженцы и т.д.) составляли 0,1 % (15 чел.).

Преобладание русского населения в казачьей среде объяснялась сложившейся в ходе колонизации Алтая традицией избегать близких контактов с инородческим населением.

Главной отраслью казачьего хозяйства являлось животноводство и, прежде всего такие его направления как скотоводство и коневодство.

В 2 100 казачьих хозяйствах насчитывалось 18 861 голова крупного рогатого скота и 12 191 лошадь, что составляло в среднем по 9 и 6 голов на казачий двор соответственно. Помимо крупного рогатого скота и лошадей, казаки разводили овец, коз, свиней (7 857 овец, 556 коз, 2 840 свиней), однако по значимости с лошадьми и крупным рогатым скотом они сравниться не могли.

РОЛЬ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

К числу основных занятий казачества Бийской линии относилось земледелие. Казаки владели 445 830,85 дес. земли [14, л. 184], но основная ее часть лежала в холмисто-степных и горно-степных районах, слабо приспособленных для активного занятия земледелием.

В целом по Бийской линии средняя норма душевого надела составляла: для пахотной земли 9,2 дес., для покосной – 3,6 дес.

Казаки сеяли яровую пшеницу, овес, ячмень, лен, подсолнечник, просо, картофель, коноплю, озимую и яровую рожь, гречиху, горох, бахчевые культуры, озимую пшеницу, табак, рыжик и однолетние травы. Интерес к той или иной сельскохозяйственной культуре диктовался особенностями природно-климатических условий и определенно сложившимися традициями.

Широкое распространение в казачьих хозяйствах Бийской линии получили различные виды промыслов. Среди казаков можно было встретить пчеловодов, сапожников, плотников, кузнецов, маслоделов, седельщиков, охотников, рыбаков, портных, пильщиков, столяров, горшечников, шорников, бондарей, пимокатов, дегтярей и т.д. [15]. В ходе освоения Алтая казаки первыми освоили пчеловодство и сыроделие, стали одними из первопроходцев в маслоделии.

Характеризуя казачье население Алтая, войсковой старшина Ф. Усов отмечал: «Можно сказать, что жители Бийской линии самые трудолюбивые и домовитые из здешних казаков. Поэтому они приближаются к типу крестьян, тогда как в других местностях войска, большинство, рассчитывающее больше на перепродажу и меновые сделки, нежели на занятия сельскохозяйственными, походит, скорее на городских мещан и прасолов. Между Бийскими казаками и благосостояние распространено равномернее: нет резко выдающихся по богатству хлебов и скотопромышленников или разного рода станичных крзев, каких можно встретить

в Иртышских станицах, на Горькой линии и в степных поселках, но зато незначителен процент и бедняков» [16, с. 258–259].

Казаки сыграли существенную роль в присоединении и освоении Алтая. Отряды томских и кузнецких служилых людей первыми проникли на территорию Алтая в XVII в., длительное время, противодействуя экспансии Джунгарского ханства, как в качестве вооружённой силы, так и в роли разведчиков и дипломатов. Активное участие приняли казаки в создании и укреплении Иртышской и Колывано-Кузнецкой оборонительной линий, под защитой которых проходило становление горно-металлургического комплекса Колывано-Воскресенских заводов. Наряду с драгунами они несли караульную службу, преследовали нарушителей границы, участвовали в строительстве и ремонте крепостей, выполняли различные хозяйственные поручения.

В первой половине XIX в. казаки Алтая были включены в состав образованного в 1808 г. Сибирского линейного казачьего войска. Они подчинялись войсковому начальству при сохранении некоторой специфики. Военные обязанности проявлялись здесь в несколько меньшей степени, зато более активной была их охранная служба на золотых приисках, содержание караулов и перевозка почты. Благоприятные природно-климатические условия и сравнительная удаленность от новой пограничной линии, отодвинутой в казахские степи во второй половине XIX в. позволили алтайским казакам заниматься личным хозяйством более активно, чем на других участках границы. Хозяйственная активность алтайского казачества наиболее ярко проявилась во второй половине XIX – начале XX вв. Активно участвуя в колонизации края к 1917 г. казаки превратились в важную составляющую населения Алтая.

Исаев Виктор Викторович – кандидат исторических наук

Список литературы

1. Ивонин, А.Р., Колупаев, Д.В. История Алтайского казачества. Алтайские казаки в XVIII – XIX веках. – Барнаул, 2008. – 168 с.
2. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб, 1868.

-
3. Уманский, А.П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. – Вып. 3. – Новокузнецк, 1999. – 152 с.
 4. Исаев, В.В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне: монография. – Барнаул, 2004. – 283 с.
 5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.
 6. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4.
 7. Энциклопедия Алтайского края : в 2-х томах. Т. II.– Барнаул, 1997. – 486 с.
 8. Недбай, Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. В 2-х томах. Т. 1. – Омск, 2001. – 404 с.
 9. Андреев, С.М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.): монография. – Омск, 2006. – 259 с.
 10. ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 61. Л. 7–7 об.
 11. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1721.
 12. Катанаев, Г. Офицерство и рядовое казачество // Иртыш. – 1918. – № 38. С. 10–12.
 13. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2599.
 14. ГААК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 3.
 15. Статистическая информация по сельскохозяйственной переписи 1917 г. подсчитано по: Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 233. Оп. 1а. Д. 52–54, 292, 619, 632, 633, 777–784; Оп. 1б. Д. 123–129; 452–454.
 16. Усов, Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. – СПб., 1879. – 284, 51, V с., 1 л. карт.

THE ROLE OF THE SIBERIAN COSSACKS IN THE DEVELOPMENT OF THE ALTAI TERRITORY FROM THE XVII CENTURY TO THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

V.V. Isayev

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article examines the main stages of the development of the Altai territory by the Siberian Cossacks, their contribution to the study of the territory, its attachment to the Russian state. The article also considers the role of the Cossacks in the formation of the region's mining industry.

Keywords:

siberian Cossacks, Altai, Kolyvan-Kuznetsk defensive frontier, Biysk frontier.

References:

1. Ivonin, A.R., Kolupaev, D.V. *Istoriya Altajskogo kazachestva. Altajskie kazaki v XVIII – XIX vekah.* – Barnaul, 2008. – 168 s.
2. *Tomskaya guberniya. Spisok naselennyh mest po svedeniyam 1859 goda.* – SPb, 1868.
3. Umanskij, A.P. *Kuzneck i altajskie ostrogi // Kuzneckaya starina.* – Vyp. 3. – Novokuzneck, 1999. – 152 s.
4. Isayev, V.V. *Kazachestvo Bijskoj linii v revolyucii i grazhdanskoj vojne: monografiya.* – Barnaul, 2004. – 283 s.
5. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO). F. 366. Op. 1. D. 16. L. 9.
6. GAOO. F. 366. Op. 1. D. 17. L. 1–4.
7. *Enciklopediya Altajskogo kraja : v 2-h tomah. T. II.* – Barnaul, 1997. – 486 s.
8. Nedbaj, Yu.G. *Istoriya Sibirskogo kazach'ego vojska. V 2-h tomah. T. 1.* – Omsk, 2001. – 404 s.
9. Andreev, S.M. *Sibirskoe kazach'e vojsko: vzniknovenie, stanovlenie, razvitie (1808 – 1917 gg.): monografiya.* – Omsk, 2006. – 259 s.
10. GAAK. F. 81. Op. 1. D. 61. L. 7–7 ob.
11. GAOO. F. 67. Op. 2. D. 1721.
12. Katanaev, G. *Oficerstvo i ryadovoe kazachestvo // Irtysh.* – 1918. – № 38. S. 10–12.
13. GAOO. F. 67. Op. 2. D. 2599.
14. GAAK. FP. 1061. Op. 1. D. 3.
15. *Statisticheskaya informaciya po sel'skohozyajstvennoj perepisi 1917 g. podsčitano po: Centr hraneniya arhivnogo fonda Altajskogo kraja (CHAF AK).* F. 233. Op. 1a. D. 52–54, 292, 619, 632, 633, 777–784; Op. 1b. D. 123–129; 452–454.
16. Usov, F. *Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego vojska.* – SPb., 1879. – 284, 51, V s., 1 l. kart.

ИЗ ИСТОРИИ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКОГО ХРАМА ВО ИМЯ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

И.Б. Каланчина

Отдел краеведения КГУ «ЦБС имени Оралхана Бокея» акимата
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Резюме

Статья посвящена истории Покровского храма в Усть-Каменогорске. Десятилетнее строительство завершилось в 1888 г. и сопровождалось освещением храма, в котором принимал участие епископ Макарий (Невский). В 1936 г. собор был разрушен.

Ключевые слова:

храм, православный собор, освящение, епископ Макарий (Невский), Усть-Каменогорск, краеведение.

Уже нет живых свидетелей того времени, но многие жители Усть-Каменогорска помнят, что на территории парка «Жастар», который раньше назывался парком Кирова, до 1936 года стоял Покровский собор. К сожалению, остаются незамеченными две памятных даты 2018 года, связанные с храмом Покрова Пресвятой Богородицы: 140 лет (1878 г.) с начала строительства храма и 130 лет (1888 г.) со дня его освящения. А ведь это было весьма значительным событием того времени. Об этом свидетельствуют источники.

Было несколько причин появления Покровского собора. Одна из них – рост территории Усть-Каменогорска и населения города. Другая – приближался юбилейный 1888 год – год 900-летия Крещения Руси. Что же представлял собой наш город в период описываемых событий?

«Город Усть-Каменогорск стоит на устье горной и довольно многоводной реки Ульбы, впадающей с правой стороны в Иртыш, и у подошвы каменных гор Алтая, – писал священник села Бобровского Покровской церкви Михаил Щёголев. – Сначала здесь была одна только крепость... Около крепости под защитой военной силы и власти мало помалу стали селиться русские поселенцы, сначала, конечно, класс людей промышленных

и торговцы, а за ними ремесленники и хлебопашцы; число жителей Усть-Каменогорска, таким образом, постепенно увеличивалось прибытием из России поселенцев, и теперь Усть-Каменогорск есть уездный город Семипалатинской области с 5 428 д. жителей, с которыми сверх того составляют одну церковно-приходскую общину казачья Усть-Каменогорская станица с посёлками Ульбинским и Феклистовским и пригородное, горнозаводское поселение – пристань.

Для удовлетворения своих религиозных нужд устькаменогорцы пользовались крепостною церковью, но она теперь по тесноте и удалённости от города не могла служить этой цели... Естественно поэтому, что у многих явилось желание построить свою церковь, но достаточных средств для этого не находилось.

Нежданно-негаданно для них Господь послал им сердце сострадательное и руку благодетельную» [1, с. 1, 2].

Таковыми «ревнителями благочестия» для «бедных» жителей Усть-Каменогорска оказались Колыванский 1-й гильдии купец, потомственный почётный гражданин Пётр Васильевич Михайлов с компаньоном по торговле и делам благотворительности Сергеем Петровичем Петровым.

ИЗ ИСТОРИИ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКОГО ХРАМА ВО ИМЯ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Рисунок 1 – Троицкая церковь в крепости.
Начало XX в.

Рисунок 2 – Пётр Васильевич Михайлов

Пётр Васильевич Михайлов, никогда не знавший г. Усть-Каменогорска, выдал свою дочь за усть-каменогорского купца Касаткина и с тех пор он ознакомился с этим маленьким местечком, благотельно повлиял на процветание в нём торговли и устройства трёх-классного городского училища, узнал он и сердечное желание города иметь свой собственный храм и убожество горожан, по которому они не могли приступить к исполнению своего желания. Принимая при этом во внимание, что г. Усть-Каменогорск стоит почти на окраине земли Русской и окружён с одной стороны – магометанами, а с другой – раскольниками разных сект и согласий,

он решился построить такой храм, который своим благолепием превосходил бы не только магометанские мечети и раскольнические молитвенные дома, но и храмы многих других губернских и уездных городов с греческою живописью, в иконостасах по золоту, чтобы нехристиане инородцы видели славу и величие христианского Бога, а отпадшие сыны Русской церкви, – что святая православная русская церковь и поднесь хранит ту же веру, которую она получила от своей просветительницы Греции, что внешнее благоустройство ея, а также и иконописание не изменилось от древних [1, с. 2].

Правда, наружность храма не может поражать своею архитектурю и грандиозностью, но по сравнению с нашими сибирскими храмами, большинство которых бедны и темны, она производит внушительное впечатление. Площадь храма составляет 200 квадратных сажен, а высоты 53 аршина, снаружи нет ни ваяний, ни живописи. Что же касается внутренней отделки его, то она поистине величественна. Иконостасы и все киоты дубовые, резной работы, отполированы под воск с золотыми отливами, стоимость их определяется в 17 803 р. без доставки, работали они в Москве; иконы писаны на кипарисе и липе, византийской работы; кресты, евангелия, ризница и вся утварь церковная, всё это настолько изящно и богато, что невольно поражает взор молящегося своим величием; 60 тыс. рублей стоят стены храма и более 60 тыс. употреблено на внутренне благоустройство его. Одни эти цифры красноречиво свидетельствуют о величии этого храма. Войдя в этот чудный храм, не знаешь чему удивляться, искусству ли строителей, или щедрости храмоздателя, здесь найдёте вы всё лучшее и совершеннейшее со стороны искусства человеческого, и душа ваша как бы невольно преклоняется пред величием славы Божией, забывает всё земное и грешное и возносится в незримую даль небесного и святого... [1, с. 2, 3]

Постройка храма продолжалась десять лет. Медленность постройки сделала стены его несокрушимыми и дала возможность искусству человеческому явиться в нём во всём блеске.

Богомольцы со всех сторон за неделю до освещения стали стекаться в город, ко дню

торжества освещения их собралось более 12 000 человек обоего пола. Такого громадного стечения народа в нашем маленьком местечке никогда не бывало!

Рисунок 3 – Покровский собор.
Открытка начала XX века.

29–31 мая 1888 г. город Усть-Каменогорск был свидетелем редкого в наших краях торжественного освящения трехпрестольного храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Торжество началось в 23 часа освещением и поднятием колоколов. Всех колоколов 9, вес их сравнительно не велик в 330 пудов 9 ½ фунтов и самый большой из них весит 162 пуда 35 фунтов; но звук их подобран очень гармонично и трезвон в них производит очень приятное впечатление.

28 мая почти одновременно прибыли в Усть-Каменогорск Исаакий Епископ Томский и Семипалатинский с двумя архимандритами – ректором духовной семинарии Акакием и настоятелем Алексеевского монастыря Лазарем, двумя протоиреями – кафедральным Димитрием Емельяновы и Вознесенской церкви Иоаном Сухопаровым, с протодиаконом и прочею свитою, и Макарий – Епископ Бийский с протоиреем Успенской церкви Владимиром Дагаевым, миссионером священником Филаретом Синьковским с протодиаконами, диаконами и с певчими. Вслед за ними собрались и все священники ближайших сёл. Такого многочисленного собрания духовенства Усть-Каменогорск никогда не видел у себя.

Того же числа в шесть с половиной часов пополудни начался благовест ко всенощ-

ному бдению, по случаю освещения главного престола в честь Покрова Пресвятой Богородицы. По первому звону колокола встал на ноги весь город. От мала до велика – все пошли в храм Божий, но только не все могли поместиться в нём, на этот раз он оказался малопоместительным. Кроме храма полна была народа церковная ограда и за оградой очень много было людей. Началась толкотня и давка, потому что каждому хотелось видеть обряд освящения. Полиция выбилась из сил, стараясь восстановить какой-нибудь порядок [1, с. 6, 7].

Всенощное бдение совершали оба Преосвященные в сослужении со всеми выше поименованными приезжими лицами и сверх сего со священниками города Усть-Каменогорска Владимиром Сахаровым и Александром Сосуновым, сел Бобровского – Михаилом Щёголевым, Глубоковского – Александром Дагаевым, Красноярского – Георгием Поповым и Прапорщиковского – Дмитрием Покровским. Во время елеопомазания предстоящим раздавались серебряные и медные крестики, но, к сожалению, за многочисленностью у народа невозможно было удовлетворить всех. В. Сахаров произнес приличное торжеству слово.

Рисунок 4 – Служба перед Покровским собором. Фото начала XX века.

29 числа в 9-30 начался благовест к литургии. Преосвященный Исаакий с шестью старшими священниками, совершив обряд освящения престола, вышел крестным ходом до перекрёстной улицы, что около дома атамана 3-го военного отдела Сибирского казачь-

ИЗ ИСТОРИИ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКОГО ХРАМА ВО ИМЯ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

его войска генерала Шайтанова, а Преосвященный Макарий с прочим духовенством таким же крестным ходом и к тому же месту вышел из крепостной Троицкой церкви со святыми мощами. Святые мощи принял от преосвященного Макария на свою голову Преосвященный Исаакий и, соединившись вместе, оба хода направились к новоосвященной Покровской церкви, обошли её кругом и окропили стены святою водою. Затем освящён был антиминс и совершена была первая в этом храме литургия. Перед литургией Преосвященным Исаакием было сказано глубоко прочувствованное слово. Литургия кончилась в два с половиной часа пополудни [1, с. 7].

Придельные престолы – первый с правой стороны, в честь Рождества Святого Пророка предтечи и Крестителя Господня Иоанна освещён Преосвященным Макарием в сослужении шести священников. И второй – с левой стороны, в честь святителя Христова и Чудотворца Николая, Преосвященным Исаакием в сослужении шести же священнослужителей. Первый освещён 30, а второй 31 мая. ...Освещение этих престолов совершено не менее торжественно как и главного, за исключением крестного хода через город и меньшего числа священнослужителей [1, с. 9].

Этот святой храм со дня освящения его сделался неумолкаемым провозвестником слова Божия, сеятелям добрый пшеницы, питающей души христианские, дабы они могли бороться на земле со злом и явиться достойными наследниками вечного царства славы [1, с. 9].

При торжестве освещения присутствовал Его Высокопревосходительство Степной генерал-губернатор Герасим Алексеевич Колпаковский.

По освящении, 31 мая гражданами в здании городского училища дан был обед, который осчастливили своим присутствием все высокопоставленные лица. За обедом пелись канты и гимны обоими хорами архиерейских певчих, а в конце обеда провозглашены тосты за здравие Государя Императора, Государыни Императрицы и наследника Цесаревича, за храмоздателей Сергея Петровича Петрова и Петра Васильевича Михайлова, за Александру Петровну Касаткину как виновницу знакомства с Усть-Каменогорском

храмоздателей и построения в нём этого храма, за Преосвященнейших Архипастырей Исаакия и Макария, за Его Высокопревосходительство генерал-губернатора г. Колпаковского, за Преосвященнейшего Владимира, Епископа Ставропольского, бывшего Томского, от которого получена была поздравительная телеграмма за здравие всех граждан города Усть-Каменогорска [1, с. 10].

Рисунок 5 – Генерал Г.А. Колпаковский, член военного совета

1 июня Гости разъехались, оставив по себе глубокое впечатление в сердцах граждан и всех паломников.

«Если найдутся черствые сердца в тех, для кого вы построили сей Величественный, составляющий гордость города сего, храм и забудут вас, то не забудут вас те, в честь и прославление кого вы совершили это святое дело», – писал М. Щёголев [1, с. 11].

15 апреля 1889 года в «Томских епархиальных ведомостях» было опубликовано Распоряжение высшего начальства: «В указе святейшего Синода 10 марта 1889 года за № 870 на имя его Преосвященства изображено: вновь устроенной в городе Усть-Каменогорске Покровской церкви присвоить наименование собора и учредить при нём приход с причтом из протоиерея, священника, диакона и двух псаломщиков, перечислив

в состав всего прихода от Троицкой казачьей в том же городе церкви осёдлых жителей города и оставить в составе прихода Троицкой церкви жителей казачьих поселков: Усть-Каменогорского, Ульбинского и Феклистова... [2, с. 1].

48 лет на углу с улицей Большой возвышался величественный Покровский собор. Далеко вокруг были видны его зелёные купола. 31 мая 1936 г. на заседании Усть-Каменогорского городского Совета было заслушано сообщение: «О разборе здания бывшего собора.

Постановили: В связи с тем, что здание собора приспособить под иное здание без вложений громадных сумм невозможно, пленум находит целесообразным его разобрать и использовать материал на нужды местного строительства...» [3, с. 15].

Снесён собор был в угоду тогдашней моде. Кирпич пошёл на строительство зданий железнодорожного вокзала и маслозавода, а на месте соборной площади и примыкающей к ней базарной площади разбит парк, которому дано было имя С.М. Кирова [4, с. 50].

До наших дней дошли фотографии величественного храма – замечательного памятника архитектуры XIX века.

В память о разрушенном большевиками Покровском соборе в 2001 году поставили часовню в честь Новомучеников и Исповедников Российских и Казахстанских.

Каланчина Ирина Борисовна – научный сотрудник Отдела краеведения.

Список литературы

1. Томские епархиальные ведомости / [Томская духовная семинария]. – Томск : Томская губернская типография, 1880–1917. – № 16 (15 авг.) (1888).
2. Томские епархиальные ведомости / [Томская духовная семинария]. – Томск : Томская губернская типография, 1880–1917. – № 8 (15 апр.) (1889).
3. Иеромонах Иустин (Ларионов М.М.) Православие в архитектуре и истории Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск, 2006. – 128 с.
4. Штрихи к портрету города : Усть-Каменогорску 270 лет / Государственный архив Восточно-Казахстанской области. – Усть-Каменогорск, 1990. – 87 с.
5. Томские епархиальные ведомости / [Томская духовная семинария]. – Томск : Томская губернская типография, 1880–1917. – № 16 (15 авг.) (1888).
6. Томские епархиальные ведомости / [Томская духовная семинария]. – Томск : Томская губернская типография, 1880–1917. – № 8 (15 апр.) (1889).
7. Иеромонах Иустин (Ларионов М.М.) Православие в архитектуре и истории Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск, 2006. – 128 с.
8. Штрихи к портрету города : Усть-Каменогорску 270 лет / Государственный архив Восточно-Казахстанской области. – Усть-Каменогорск, 1990. – 87 с.

THE ABSTRACTS FROM THE HISTORY OF THE PROTECTION OF THE HOLY MOTHER CHURCH

I.B. Kalanchina

The Local history department of CSI “The centralized library system named after Oralhan Bokei” of the akimat Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Abstract

The article is about the history of the Protection of the Holy Mother church in Ust-Kamenogorsk. Ten-years construction was completed in 1888 and was accompanied by the consecration of the church, in which bishop Makarii (Nevsky) took part. The church was destroyed in 1936.

Keywords:

church, orthodox cathedral, consecration, bishop Makarii (Nevsky), Ust-Kamenogorsk, local history.

References:

1. Tomskie eparhial'nye vedomosti / [Tomskaya duhovnaya seminariya]. – Tomsk : Tomskaya gubernskaya tipografiya, 1880–1917. – № 16 (15 avg.) (1888).
 2. Tomskie eparhial'nye vedomosti / [Tomskaya duhovnaya seminariya]. – Tomsk : Tomskaya gubernskaya tipografiya, 1880–1917. – № 8 (15 apr.) (1889).
 3. Ieromonah Iustin (Larionov M.M.) Pravoslavie v arhitekture i istorii Vostochnogo Kazah-stana. – Ust'-Kamenogorsk, 2006. – 128 s.
 4. Shtrihi k portretu goroda : Ust'-Kamenogorsku 270 let / Gosudarstvennyj arhiv Vostochno-Kazahstanskoj oblasti. – Ust'-Kamenogorsk, 1990. – 87 s.
 1. Tomskie eparhial'nye vedomosti / [Tomskaya duhovnaya seminariya]. – Tomsk : Tomskaya gubernskaya tipografiya, 1880–1917. – № 16 (15 avg.) (1888).
 2. Tomskie eparhial'nye vedomosti / [Tomskaya duhovnaya seminariya]. – Tomsk : Tomskaya gubernskaya tipografiya, 1880–1917. – № 8 (15 apr.) (1889).
 3. Ieromonah Iustin (Larionov M.M.) Pravoslavie v arhitekture i istorii Vostochnogo Kazah-stana. – Ust'-Kamenogorsk, 2006. – 128 s.
 4. Shtrihi k portretu goroda : Ust'-Kamenogorsku 270 let / Gosudarstvennyj arhiv Vostochno-Kazahstanskoj oblasti. – Ust'-Kamenogorsk, 1990. – 87 s.
 5. Tomskie eparhial'nye vedomosti / [Tomskaya duhovnaya seminariya]. – Tomsk : Tomskaya gubernskaya tipografiya, 1880–1917. – № 16 (15 avg.) (1888).
 6. Tomskie eparhial'nye vedomosti / [Tomskaya duhovnaya seminariya]. – Tomsk : Tomskaya gubernskaya tipografiya, 1880–1917. – № 8 (15 apr.) (1889).
 7. Ieromonah Iustin (Larionov M.M.) Pravoslavie v arhitekture i istorii Vostochnogo Kazah-stana. – Ust'-Kamenogorsk, 2006. – 128 s.
 8. Shtrihi k portretu goroda : Ust'-Kamenogorsku 270 let / Gosudarstvennyj arhiv Vostochno-Kazahstanskoj oblasti. – Ust'-Kamenogorsk, 1990. – 87 s.
- УДК 908(470+571)

ПРОБЛЕМЫ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СССР

М.Г. Колокольцев

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Статья посвящена исследованию дорожного хозяйства Алтайского края в послевоенный период. Автор характеризует региональное дорожное хозяйство. Исследователь раскрывает проблемы дорожного строительства.

Ключевые слова:

дороги, дорожное строительство, дорожное управление, дорожники, крайдоротдел, плановая экономика, партийный контроль.

Перед советским обществом во второй половине 1940-х гг. стояла задача восстановить дорожное хозяйство, разрушенное в первые годы войны. Дорожное строительство в послевоенные годы было наиболее отстающим участком в народном хозяйстве края. Существующие автогужевые дороги не обеспечивали потребности края в грузоперевозках и ставили задачу строительства новых дорог с твердым покрытием. Дороги становились непроезжими после ненастной погоды даже в летнее время. Краевые советские органы должны были заняться восстановлением дорог и развернуть дорожное строительство.

Главная цель дорожников была обеспечить дороги в проезжем состоянии для бесперебойной вывозки хлеба, продукции заводов, для подъездов к железной дороге. Постоянные ремонтные бригады колхозов должны были регулярно обслуживать каждый километр дороги и производить утюжку полотна.

Крайисполком обязал дорожные службы особое внимание уделить зимним подготовительным работам по доставке стройматериалов и обслуживанию автотрасс в зимний период протяженностью около 700 км, по которым запланировали провоз зерна. Дороги, подлежащие содержанию зимой 1944–1945 гг.

определили административным способом: Ленки – Благовещенка – Кулунда, Хабары – Знаменка – Славгород, Алтайская – Грязнуха – Бийск, Солоновка – Смоленск – Бийск, Рубцовск – Угловское. Следующей зимой хлеб везли по дорогам: Тальменка - Залесово, Чесноковка – Сорокино, Овчинниково – Кытманово, Рубцовск – Углы, Бийск – Алтайское, Михайловка – Волчиха, Кулунда – Романово, Бийск - Черга.

Одна из важных проблем тогда состояла в отсутствии исправной техники. Например, в Бийской автотранспортной конторе из 32 машин в автопарке на ходу было всего 3 грузовые машины и 5 санитарных автобусов. Крайдоротдел просил выделить в распоряжение 48 гусеничных исправных тракторов, 2 000 деревянных и 400 железных лопат для расчистки дорог [1]. Алтайский тракторный завод в г. Рубцовске выпускал до 1952 г. гусеничный трактор СХТЗ-НАТИ, на смену которому пришел трактор ДТ-54. В СССР стали активно строить заводы по производству дорожно-строительной техники. В край стали поступать гусеничные трактора С-80 и автогрейдера Д-144.

Протяженность дорог Алтайского края за 1945 г. изменилась не значительно, ведь до-

ПРОБЛЕМЫ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СССР

рожное строительство не значилось в приоритетных задачах советского руководства. Суммарный план капитальных работ по официальным отчётам был выполнен на 81,9 %. Сеть автогужевых дорог составляла 43 300 км, из них 428 км республиканского значения. Финансирование дорожного хозяйства во многих дорожных отделах райисполкомов отсутствовало. Техника была изношена и выходила из строя, а новая не поступала. Дорожные органы на 1 января 1946 г. имели 15 автомашин, в том числе 6 машин марки Шевроле и 9 тракторов, которые работали на республиканских дорогах и на дороге Барнаул – Камень. Строительными материалами дорожники не снабжались. Сложившаяся ситуация частично решалась тем, что разрешалось взимать плату за проезд по некоторым дорогам и мостам.

Государственный Комитет Обороны принял 4 июня 1945 г. постановление «О строительстве шоссейных дорог для обеспечения автотранспортной связи между промышленными и областными центрами страны». При дорожном отделе Крайисполкома были организованы Управление по новому строительству дорог и Крайдорснаб, на базе выделенного уставного фонда в 123,6 тыс. руб.

Укомплектованность кадрами в послевоенных условиях, когда десятки миллионов советских людей погибли в годы Великой Отечественной войны, была неудовлетворительной. В дорожных органах края работало в 1947 г. 6 инженеров с высшим образованием и 23 специалиста со среднетехническим образованием. Если до войны в Крайдоротделе трудилось 38 человек, то в 1947 г. в штате числилось 11 работников. В дорожном хозяйстве Алтайского края в 1946 г. числилось 1 544 человека [2]. В сельских райдоротделах работали 644 трудящихся и 58 в городских. ДЭУ и ДСУ в сельской местности обслуживали 264 и 326 работника, а в городах 20 и 150 соответственно. Руководителями вновь создаваемых ДЭУ становились специалисты, которые приехали из разных уголков СССР.

Крайдоротделу было сделано замечание Главным дорожным управлением, что руководители дорожного хозяйства не занимаются подбором кадров, которые часто не соответствуют занимаемой должности. В дорожных

отделах края числилось всего 20 техников. Для повышения квалификации дорожных работников провели с 20 декабря 1944 г. полуторамесячные курсы для заведующих райдоротделами и дорожных десятников в г. Барнауле для 70 человек, в г. Бийске для 60 человек и в селе Ключи для 47 человек [3]. Приехавшие на учёбу курсанты размещались в общежитиях. В конце 1945 г. в рабочем посёлке Павловск были организованы курсы подготовки дорожных кадров, где тогда обучалось: 11 техников, 10 мостовщиков, 10 техноруков дорожно-строительных участков, 7 шофёров и 11 бухгалтеров. В 1946 г. были проведены курсы по подготовке квалифицированных работников, на которых было подготовлено 24 десятника райдоротделов, 12 каменщиков-мостовиков.

Обучение проходило, буквально, «на пальцах», так как не было ни учебников, ни наглядных пособий. Тем не менее, в Томске на шестимесячных курсах запланировали в 1947 г. подготовить ещё 15 дорожных десятников и мастеров [4]. Краевое руководство хотело в 1947 г. обучить 20 плотников, 10 бригадиров, 6 мостовщиков, 4 счетовода, 2 подрывника, 6 грейдериста, моториста и кирковщика, а смогло выпустить по два плотника и мостовщика, по одному подрывнику и грейдеристу. Бригадиров вовсе не было ни одного.

Трудоемкий и тяжелый труд при низком уровне механизации в строительстве дорог ложился на местное население, которое вербовалось на сезонные дорожные работы. Райдоротделы не только руководили строительством, но и организовывали трудовое участие населения. Постоянные рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и хозяйств, проживающие в сельской местности, к трудовому участию в дорожных работах не привлекались. Рабочая сила была укомплектована в колхозные дорожные бригады, которых в крае осенью 1948 г. насчитывалось 2 185, где числилось 4 370 рабочих и 1 425 лошадей. Каждый колхоз имел своего дорожного бригадира.

В деревне сохранялись законы военного времени. Уголовному преследованию подвергались все те, кто уклонялся от работы и само-

вольно оставлял своё рабочее место. Наказание за прогулы и опоздание на работу было отменено лишь в 1956 г. Несмотря на уголовную ответственность, таковых было много. Например, из 835 человек и 402 подвод, работавших на 1 августа 1946 г., к 10 сентября на строительстве дорог осталось лишь 237 человек и 115 подвод. С октября 1948 г. по 1 июля 1950 г. было уволено 234 работника на машинно-дорожной станции № 1 [5]. Поэтому грунтовые дороги возводились и ремонтировались также спецпоселенцами, заключенными и военнопленными, труд которых был принудительным и бесплатным. Принимали участие в строительстве, приехавшие по партийным путёвкам, комсомольцы.

Силами трудового участия в 1945 г. было выполнено работ на 7 903,9 тыс. руб. от общей стоимости 10 039,2 тыс. руб. Большая работа по эксплуатации дорог проводилась вручную. Буран застиг 25 декабря 1945 г. 12 машин в с. Черемушкино Залесовского района, потому как погрузка зерна затянулась на сутки. 27 декабря 400 колхозников своими руками расчистили дорогу. Только лишь 30 декабря автоотряд воинской части преодолел 65 км и прибыл в Тальменку. Так за декабрь 1945 г. было вывезено из Залесовского района 370 тонн зерна. Сложные условия не могли способствовать выполнению заданий партии, но начальник дорожного отдела крайисполкома рапортовал о перевыполнении плана.

Бытовые жилищные условия были тяжёлые, что приводило к текучести работников. Ремонтёрская служба до отмены карточной системы в 1947 г. не обеспечивалась регулярно хлебом. Средняя заработная плата в год на одного работника составляла 6 510 руб. в год. Начисления также производились из дополнительного фонда. Соответственно зарплата техникума составляла около 700 руб. в месяц, заведующего доротделом около 1 000 руб. Ремонтёры Чуйского тракта получали в два раза больше. Крайсполком поставил перед заведующими дорожными отделами задачу подготовить условий для закрепления кадров [6]. Ведь штат определялся в зависимости от выполненных работ за предыдущий год.

В 1947 г. по линии Цекомбанка Крайдоротдел получил лимит на индивидуальное жилищное строительство в сумме 10,0 тыс.

руб. Сельхозбанк перечислил в 1947 г. в Крайдоротдел денежные средства в сумме 7 000 руб. на индивидуальное жилищное строительство и 3 000 руб. на приобретение скота. В 1948 г. стали проводить курсы по технике безопасности. Крайисполком обязал организовать для дорожников при каждом ДСУ постоянные ремонтно-пошивочные мастерские обуви и одежды, а также медицинские пункты. Крайдоротдел издал приказ, по которому только с его согласия и письменной санкции можно увольнять инженеров, техников и бухгалтеров [7].

Четвёртый пятилетний план, принятый 18 марта 1946 г., впрочем, как и последующие пятилетки, не предусматривал постановку важной задачи развития дорожного хозяйства. Финансирование по остаточному принципу, хотя партийных заданий было множество, отрицательно сказывалось на результатах работ. При этом райисполкомы не обеспечивали своевременное финансирование дорожного строительства. Крайисполком был вынужден издать 15 марта 1950 г. распоряжение с целью обеспечить в дальнейшем бесперебойное бюджетное финансирование дорожных расходов. Строительство дорог, несмотря на увеличение объема капиталовложений в экономику Сибири, отставало от увеличивающихся перевозок сельскохозяйственной и промышленной продукции. Заметно увеличился в послевоенные годы рост производства автомобилей, тракторов, экскаваторов.

Планировалось на 1946-1950 гг. сделать капитальный ремонт 2 000 км гравийных и улучшенных гравийных местных дорог и построить 837 км, из которых с твёрдым покрытием только лишь 3 км. Конец четвёртой пятилетки должен был ознаменоваться введением в строй дорог протяженностью 267 км Юдиха - Славгород, 84 км Шебалино – Усть-Кан, 30 км Парфёново – Топчиха, 45 км Нови-чиха – Поспелиха, 90 км Бийск – Солтон. Годом ранее достраивались 55 км дороги Барнаул – Калманка и 37 км Залесово – ст. Заря.

Хотя планы не выполнялись, но за годы послевоенной пятилетки дорожники Алтай наращивали темпы дорожного строительства. Если в 1946 г. было построено 29 км дорог, в том числе с каменным покрытием 23,9 км, то в 1949 г. проложено 127,6 км, из которых ка-

ПРОБЛЕМЫ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СССР

менными были 103,4 км [8]. План включал возведение мостов через реки Чумыш в селах Тальменка и Мартыновка, Алей в сёлах Шипуново и Пospelиха, Ануй в ст. Тырышкино и Паутово, а также через речку Песчанная в совхозе Смоленского района [9]. Крайисполком призвал в 1950 г. немедленно строить временные мосты на местах, где были временные паромные переправы [10].

Командно-административные методы в управлении и обеспечении техникой и стройматериалами тормозили развитие дорожной отрасли. Бюрократизм порождал волокиту и безынициативность. Колхозы не торопились выполнить свои обязательства в строительстве дорог, а предприятия и управляющие организации не стремились к исполнению бесплатных дорожных повинностей. Отсутствие контроля дорожных органов, приводило к неудовлетворительному состоянию краевого дорожного хозяйства. Приемка работ нигде не производилась, поэтому дороги преждевременно разрушались. Земляное полотно на участке Павловск – Шелаболиха, к примеру, соорудили в 1946 г. в таких условиях без соблюдения послойного возведения насыпей, без разравнивания и утрамбовки грунта, дно резервов не имело поперечного уклона.

Дорожно-линейная служба была не организована. Важнейшие тракты Барнаул – Камень, Волчиха – Рубцовка, Углы – Рубцовка, Завьялова – Мамонтовка, Завьялова – Благовещенка, Бaeво – Тюменцево, Ребриха – Топчиха оставались без надзора и содержания. Приказом по дорожному отделу Алтайского Крайисполкому от 6 июня 1946 г. ввели должность внештатных инспекторов и ревизоров, которые раз в полтора месяца проверяли райдоротделы и ежеквартально созывались для принятия решений.

Главное дорожное управление инспектировало краевое дорожное хозяйство с 7 августа по 19 сентября 1946 г. Представитель Главдорупр сделал вывод о крайне неудовлетворительном выполнении плана дорожных работ и запущенности дорожно-мостового хозяйства. Строительство дорог Барнаул – Камень и Смоленское – Белокуриха было сорвано. Инспектор написал заключение. Дорога Барнаул – Камень на 1 сентября 1946 г. по-

крыта шлаком только на протяжении 10,7 км, тогда как запланировано было 45 км. Грунтовой улучшенной дороги Смоленское – Белокуриха из необходимых 20 км построено лишь 1,5 км. План капремонта дорог местного значения на 1 сентября 1946 краевые дорожные службы выполнили всего на 37 %, в то время как ремонт проезжей части республиканских дорог вообще не начат.

Главную причину такого положения московская ревизия увидела в неправильном использовании, в разбазаривании трудового участия населения [11]. Заведующие дорожными отделами направляли людей, технику, коней на сельскохозяйственные работы или вовсе не следовали указаниям коммунистической партии [12]. Алейский райдоротдел закон о трудовом участии сельского населения в дорожном строительстве от 3 марта 1936 г. проигнорировал и реализовал план только лишь на 20 %. Начальник 478 дорожного участка товарищ Карепов к капитальному ремонту дорог Бийск - Катунское, Бийск – Черга и искусственных сооружений на них до сентября так и не приступил, имея в своем распоряжении 150 постоянных рабочих, 2 грузовые автомашины и 2 трактора, которые были использованы на строительстве сельских дорог. Наказание в большинстве случаев ограничивалось выговором.

Состояние автогужевых дорог по справкам автобаз было катастрофическим. По всем направлениям не производилось строительства и ремонта запланированного количества дорог и мостов. Зимой 1946 г. мосты вообще не строились и не ремонтировались. К 1 апреля 1947 г. было построено 23 п.м. мостов и капитально отремонтировано 726 п.м., тогда как планировалось возвести 3 500 п.м. мостов и отремонтировать 6000 п.м. В течение 1947 г. алтайские дорожники произвели капитальный ремонт 12 км и текущий ремонт 167 км гравийных дорог. Текущий ремонт получили 4,2 км грунтовых улучшенных и 20 км грунтовых профилированных дорог. Отремонтировали в этот год 7 жилых зданий.

Рытвины, ухабы и выбоины не позволяли выполнить план партии. Невозможно было развить необходимую скорость перевозки грузов. Одной из главных причин потерь зерна и темпов хлебозаготовок стала не подготов-

ленность дорожно-мостового хозяйства. Хотя крайисполком каждый год утверждал перечень хлебовозных дорог, которые обслуживались и зимой. Например, на дорожных работах зимой 1947-1948 гг. привлекли 5 635 человек и 3 345 подвод. Но организация работ по заготовке и вывозке дорожно-строительных материалов в зимний период была неудовлетворительной. Осенняя и весенняя распутица затрудняла или вовсе делала невозможным проезд техники с цепями на колёсах. Руководство в таких случаях рекомендовало пока использовать конные волокуши. В дальнейшем крайисполком задумал приступить к строительству кирпично-глиняных заводов и строить глиняные дороги и повысил 2 апреля 1952 г. во время весеннего и осеннего бездорожья по грунтовым дорогам Алтайского края тарифы за перевозку грузов на 20 % [13].

Объем работ был невыполнен и в 1948 г., который в итоге был включён в проект плана на 1950 г. План в этот год в строительстве дорог реализовали на 70,7 %, а по капитальному строительству на 86,8 %. Советское руководство выделило райдоротделы Кытмановского и Калманского районов как самые непроизводительные, а передовыми были названы райдоротделы Бурлинского, Завьяловского, Смоленского, Угловского и Чарышского районов. Заведующий Ребрихинским райдоротделом тов. Нефёдов получил от Крайдоротдела выговор, так как не принял никаких мер к выполнению распоряжения Крайисполкома № 747 от 11 августа 1948 г. о ремонте дорог Ребриха – Топчиха и Барнаул - Мамонтово у села Подстепное, тем самым сорвав вывозку хлеба к пунктам Заготзерно [14].

Управление объяснило неудовлетворительную работу тем, что плохо провели заготовку и вывозку дорожно-строительных материалов в зимний период 1949–1950 гг. Хотя некоторым дорожным службам специально выделяли трактора и деньги на снегоуборку, но дорожники их даже не забирали или использовали не по назначению. План тогда выполнили всего на 20,5 % [15]. План заготовки и вывозки дорожно-строительных материалов к дорожным работам сделали к 1 мая следующего года на 16 %.

Полосы отвода, которые были отграничены опознавательными знаками на местности, считались переданными из гослесфонда дорожным организациям. Земли, находившиеся в ведении дорожников, считались закрепленными за ними. Полосы отвода передавались из гослесфонда дорожным организациям по актам на основании ст. 59–60 Лесного Кодекса РСФСР по соответствующим постановлениям Краевого исполкома. После 25 марта 1948 г. по новому постановлению дорожные организации ходатайствовали в крайисполком с обоснованием размера и необходимости отвода участка из земель колхоза для дорожного строительства и для снегозащитных посадок на дорогах. Теперь выписывались лесорубочные билеты. Если передача отвода дорог не была оформлена, то такие площади передавались в ведение лесхозов. Размеры полосы отвода при строительстве новых дорог устанавливались в технических проектах [16].

Протяженность дорог местного значения за последующие годы не менялась. Длина щебёночных и гравийных дорог увеличилась каждая на 3,2 км, а профилированных уменьшилась на 7,4 км. В 1952 г. было капитально отремонтировано 124 км дорог, принятые комиссией на оценку «хорошо». Эксплуатацию дорог местного значения должны были организовывать районные дорожные отделы.

Первые машинно-дорожные станции начали открывать в послевоенные годы, которые подчинялись и отчитывались не Крайдоротделу, а Главному дорожному управлению Совета Министров РСФСР. Крайдоротдел был лишен возможности непосредственно вмешиваться в работу станции. Тогда как машинно-дорожная станция при наличии новой техники регулярно не выполняла план, не готовилась к зимнему сезону и с низким качеством ремонтировала машины. Поэтому крайисполком обязал крайдоротдел проконтролировать работу машинно-дорожной станции. В 1948 году были созданы еще три дорожно-строительных участка и машинно-дорожная станция в Барнауле. Освоение целинных и залежных земель привело к созданию ещё нескольких станций.

Тресту «Алтайпроект» запретили приступать к проектным работам без наличия предшествующих проекту изысканий и технико-экономических обоснований. «Алтайдор-

ПРОБЛЕМЫ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СССР

проект» в 1947 г. имел утверждённую программу проектно-изыскательских работ на сумму 350 тыс. руб., которые проводилась исключительно по дорогам местного значения в районах Алтайского края. Строительство дорог Бийск – Целинное – Ельцовка – граница Кемеровской области, Мартыново – Тогул – Кытманово – Заринск – Залесово в середине 1950-х гг. осуществлялось по проектам 1949 г. Работы были оформлены с райдоротделами договорами, а с Крайдоротделом нарядом-заказом. Работников в тресте не хватало, поэтому партийный план не выполнялся.

Вследствие неудовлетворительного освоения средств по дорожному строительству, исполнительный комитет краевого Совета депутатов трудящихся уменьшил внелимитные ассигнования краевого дорожного отдела на 380 тыс. руб. План основных дорожных работ за первые полгода 1951 г. в результате выполнили по строительству дорог на 69,3 %, по капремонту дорог на 92 %, по капремонту мостов и труб на 49,5 % [17]. Хлебовозные дороги в районах к осенним перевозкам не подготовили.

По итогам соцсоревнования последние места по капремонту дорог заняли Панкрушинский и Солонешенский районы, а первое место Краснощековский район. В последующие годы ситуация не изменилась. План строительства дорог в 1953 г. с твёрдым покрытием осуществили всего на 26 %, с улучшенным покрытием на 38 %, по строительству мостов и труб на 64 %.

Краевому дорожному отделу рекомендовалось написать дефект – ведомости дорог, искусственных сооружений и карту дорожной сети по районам с нанесением на ней дорог по типам покрытия, искусственных сооружений и карьеров дорожно-строительных материалов. Краевой дорожный отдел составил в 1951 г. перспективный перечень хлебовозных дорог и мостов, которые необходимо было строить и ремонтировать. В частности, на дороге Алейск – Мамонтовка – Кулунда требовалось капитально отремонтировать мост через реку Горевка и подъезды к нему, а также поднять земляное полотно и улучшить гравием проезд по солончаковому участку у п. Сибирский партизан и п. Топчи. Нужно было восстановить мост в 6 км от села Новичиха

и отремонтировать в низких местах дорогу Новичиха – Пospelиха. Мост в с. Новоярки был неисправным. Дорога протяжением 2 км на перегоне Камень – пос. Павловск потеряла профиль. Дорога Петропавловское – Быстрый Исток нуждалась во временных мостах. Дорожный участок у с. Быстрый Исток хотели профилировать с улучшением добавок гравия. Профилировка ждала путь ст. Повалиха – Краюшкино, на котором находился неотремонтированный мост через р. Подун с неблагоустроенными подходами. В направлении Бийск – Тогул мосты и подходы к ним в с. Сухая Чемровка и Верх-Марушка ожидали ремонта [18]. Перечень дорожных потребностей края был обширным.

Наметился рост экономических преступлений. В 1947 г. вычислили 3 787 руб. недостач, растрат и хищений. Ревизия районных дорожных отделов в 1949 г. показала, что бухгалтерский учёт либо совсем не велся в дорожных организациях, а бухгалтера вообще не было, либо бухучёт был запутан, а некоторые документы уничтожены. В марте 1952 г. ревизия вскрыла нарушения и злоупотребления, выражающиеся в разбазаривании товароматериальных ценностей и денежных средств. Райдоротделы обязали представлять статистические отчёты [19]. Начальство грозило уголовной ответственностью за непредставление отчётов или за их неаккуратное ведение, так как ревизоры выявили злоупотребления в расходовании денежных средств и расхищение стройматериалов [20]. Ввели телеграфную отчётность, а также с октября 1952 г. на один год почтовую о состоянии трудовой дисциплины.

Ревизоры проверили соответствие фактического наличия работников с утверждённым штатом, правильность использования согласно номенклатуре утверждённых должностей и выплаты окладов. В некоторых райдоротделах присутствовала семейственность. Колхозам, которые не принимали участие в дорожных работах, выдавали фиктивные справки на отработку. Решили ежеквартально проводить массовую проверку выполнения коллективных договоров с привлечением широких масс рабочих и служащих, так как бывала задержка выплаты заработной платы [21]. Заведующих дорожными отделами отстраняли от должно-

сти. Заводились уголовные дела, которые заканчивались реальными сроками лишения свободы. ЦК КПСС 8 сентября 1955 г. принял специальное постановление «Об усилении борьбы с растратами».

Государственная социалистическая собственность бдительно охранялась. Ответственность за не обеспечение сохранности неустановленного и бездействующего оборудования и его ввода в действие усилилась. Сельское население, находясь на грани бедности, выносило строительные материалы с дорожных строек. Ремонтёры патрулировали мостовые переходы, чтобы предотвратить аварии автотранспорта. Заведующий Краюшкинским райдоротделом в 1949 г. пользовался для хозяйственных нужд в личных целях в течение пяти месяцев лошадьё колхоза «Красный партизан» [22]. Работникам Тальменского райдоротдела в колхозе «Перелом» предоставлены были колхозные выпасы, в уплату за

которые райдоротдел разрешил колхозу ездить бесплатно по мосту через реку Чумыш. Наказание в таких случаях чаще состояло в объявлении выговора.

Разрушенное за годы войны народное хозяйство, тем не менее, удалось восстановить. Задача ликвидации отставания дорожного хозяйства, подбор, руководство и воспитание кадров дорожных работников была поставлена, и началось её разрешение. Если организационно-техническое руководство дорожными работами и районными отделами в середине 1940-х гг. осуществлялось слабо, то в начале 1950-х гг. сформировалась определённая система управления. Дорожные организации стали обеспечивать строительными машинами. Советское руководство в короткие сроки пыталось решить проблему своевременного вывоза зерна из глубинных районов края. Темпы строительства дорог в результате возрастали. Развитие дорожной отрасли края тормозило недостаточное финансирование, отсутствие необходимой техники и квалифицированных кадров.

Колокольцев Максим Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент

Список литературы

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 746. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
2. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.
3. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
4. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.
5. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.
6. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 269. Л. 94.
7. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 269. Л. 330.
8. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 20. Л. 181.
9. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
10. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 20. Л. 52.
11. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.
12. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.
13. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
14. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.
15. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.
16. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 20. Л. 45.
17. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 25. Л. 228.
18. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 25. Л. 167.
19. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
20. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 11. Л. 92, 69.
21. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 31. 408 л.
22. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 100.

PROBLEMS OF ROAD ECONOMY OF THE ALTAI TERRITORY IN THE POST-WAR PERIOD OF ECONOMIC RECOVERY OF THE USSR

M.G. Kolokoltsev

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract:

The Article is devoted to the study of the road economy of the Altai territory in the postwar period. The author characterizes the regional road economy. The author reveals the problems of road construction.

Keywords:

roads, road construction, road management, road builders, road administration department, the planned economy, party control.

References:

1. Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja (GAAK) F. 746. Op. 1. D. 6. L. 9.
2. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 5. L. 57.
3. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 6. L. 2.
4. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 10. L. 27.
5. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 18. L. 57.
6. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 269. L. 94.
7. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 269. L. 330.
8. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 20. L. 181.
9. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 5. L. 25.
10. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 20. L. 52.
11. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 3. L. 20.
12. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 3. L. 20.
13. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 10. L. 29.
14. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 12. L. 70.
15. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 25. L. 11.
16. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 20. L. 45.
17. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 25. L. 228.
18. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 25. L. 167.
19. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 11. L. 23.
20. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 11. L. 92, 69.
21. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 31. 408 l.
22. GAAK. F. 746. Op. 1. D. 18. L. 100.

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА НИЖНИХ ЧИНОВ В ОМСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Р.В. Коняев

Алтайский государственный педагогический университет
г. Баранул, Россия

Резюме

В статье рассматривается процесс тактической подготовки военнослужащих Омского военного округа (ОмВО) в годы Первой мировой войны. Основное внимание акцентируется на последовательности в обучении правилам действия стрелкового подразделения на поле боя.

Ключевые слова:

Омский военный округ, Первая мировая война, тактическая подготовка, нижний чин.

Накануне Первой мировой войны численность русской армии составляла 1 млн. 423 тыс. чел. [1, с. 75]. Боевые действия потребовали увеличения численности войск. К концу лета армия была пополнена 3 млн. 915 тыс. чел. [2, с. 4]. В ходе мобилизации и последующих мобилизационных мероприятий, весь военно-обученный резерв был исчерпан. Для непрерывного пополнения действующей армии подготовленными резервами требовалось задействовать военнообязанных, которые не проходили ряды войск. Для решения этой проблемы во внутренних военных округах начали разворачиваться запасные воинские формирования. На территории ОмВО в августе–сентябре 1914 г. были сформированы две запасных стрелковых бригады. 3-я Сибирская запасная стрелковая бригада была развернута в г. Омске, и 4-я в г. Новоиколаевске. В 1916 г. в г. Томске была развернута 5-я Сибирская запасная стрелковая бригада [3, с. 32].

Одной из самых важных военных дисциплин, которые осваивали нижние чины, являлась тактическая подготовка. В рамках тактической подготовки подразделения обучались действиям в составе рассыпного строя (стрелковой цепи) [4, с. 100]. Она позволяла повысить эффективность поражения неприятеля

ружейным огнем, а также снизить урон от вражеского огня [5, с. 34]. Наименьшей структурной единицей в рассыпном строю было звено в составе 4–6 человек. Именно из таких солдатских звеньев строились отделения, взводы и роты. Каждый рядовой солдат в стрелковой цепи был обязан: 1) понимать боевую задачу своего звена, отделения, взвода и роты; 2) всегда поддерживать связь с товарищами по звену, т.е. иметь возможность видеть и слышать, передавать приказания по цепи, следить за действиями противника и военнослужащих соседней цепи, и оперативно передавать их своему ближайшему начальнику; 3) при любых обстоятельствах оказывать помощь и поддержку своим ближайшим товарищам всеми возможными средствами: огнем, штыком, лопатой или же непосредственным содействием; 4) не оставлять своего места в цепи, если ранен – не отвлекать своих товарищей от выполнения боевых задач; 5) выбирать себе удобное место для ведения огня и укрытия, не мешать действию соседей; 6) открывать огонь по приказу командира с темпом и по целям, которые указал командир. Открывать огонь самостоятельно разрешалось лишь на небольшие расстояния; 7) переводить огонь на другие цели и прекращать его по приказу командира; 8) пере-

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА НИЖНИХ ЧИНОВ В ОМСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

двигаться в составе звена с темпом и по направлениям, которые указал командир; 9) атаковать противника стрелковым огнем и штыком по приказу командира [5, с. 34–38]. При проверке подготовки военнослужащих 6-й маршевой роты 37-го Сибирского стрелкового запасного полка в запасных частях действующей армии выяснилось, что личный состав роты хорошо знаком с рассыпным строем, обязанности стрелка в стрелковой цепи ими были усвоены отлично [6, л. 11 об.].

Военнослужащие запасных частей проходили тактическую подготовку в рамках своих подразделений. Важно было обучить солдат действовать на поле боя не только в составе одно звена, но также отделения, взвода и роты. В стрелковой цепи взводы, отделения, звенья и отдельные военнослужащие могли несколько выдвигаться из общей линии фронта для лучшего применения к местности и ведения действительного огня. Солдатам показывали, что при таком построении ни в коем случае нельзя сбиваться в кучи и мешать вести огонь своим сослуживцам [5, с. 54]. Личный состав подразделений отрабатывал навыки рассыпания в стрелковую цепь из всех возможных построений, как на месте, так и в движении в любом направлении [5, с. 59]. Навык передвижения в составе стрелковой цепи имел важное значение для солдат в условиях реального боя. Для выбора направления движения цепи командир указывал цель, на которую было необходимо двигаться подразделению. Направление движения и полоса движения подразделений могли быть показаны вышестоящим командиром на карте. Каждой более мелкой части указывалось направление движения на лежащий перед нею ясно видимый местный предмет таким образом, что бы движение всех частей происходило параллельно общему направлению. В случае необходимости можно было указать направление движения другими способами, например, как вдоль реки, по дороге, параллельно другому подразделению, по компасу и т.д. [7]. В случае отсутствия такой возможности могло быть выбрано одно направляющее подразделение, на которое должны были ориентироваться все остальные. При передвижении в составе стрелковой цепи подразделения не должны

были допускать между собой разрыва и столпления. Отрабатывались навыки перемены направления движения стрелковой цепи. При этом при всех движениях цепи, она должна была сохранять свое основное направление. Военнослужащие в составе рассыпного строя могли передвигаться как шагом, так и короткими перебежками, в зависимости от боевой или учебной ситуации [5, с. 62]. Перебежки применялись в те периоды, когда подразделение находилось под действительным огнем противника. Для сохранения физических сил солдат и офицеров, перебежки длились не более 100 шагов, после которых военнослужащим старались предоставлять передышку [7]. При движении цепи шагом командир назначал предмет, к которому должно идти подразделение, но в случае передвижения перебежками командиры не только указывали направление движения, но также и порядок передвижения звеньев. Передвижение звена ползком происходило по тем же принципам, что и при перебежках, либо движению шагом [5, с. 62–64]. Передвижение звеньев, отделений, взводов и рот производилось таким образом, чтобы не мешать соседним формированиям вести огонь из стрелкового оружия по противнику.

Солдаты в составе стрелковой цепи должны были уметь вести действительный ружейный огонь. Военнослужащие, в соответствии с приказами командиров, могли вести как одиночную стрельбу, так и стрельбу залпами. Одиночная стрельба могла быть редкой, частой, либо же указанным числом патронов. Выбор режима ведения огня, цель и время начала огня определялись командиром [5, с. 60–61]. Преимуществом одиночного огня заключалось в том, что каждый стрелок производил выстрел именно тогда, когда он был полностью к нему готов. Стрельба залпами, в свою очередь легче поддавалась управлению со стороны командира, и создавала хорошую плотность огня, в особенности в тех случаях, когда противник не очень отчетливо виден для личного состава [7]. Наиболее действительным и успешным был фронтальный огонь по противнику, что можно было достичь полным или частичным охватом противника с флангов. Следует отметить, что подразделение могло вести ружей-

ный огонь не только в составе стрелковой цепи. Рота могла вести огонь также из состава развернутого строя – из сомкнутого строя стоя или с колена залпами, а из разомкнутого – как залпами, так и одиночно [5, с. 87]. При таком огне командир подразделения указывал цель и режим огня, а также сообщал расстояние до цели, либо указывал способ установки прицела винтовки.

В условиях реального боя периода Первой мировой войны стрелковая цепь часто могла переходить в штыковую атаку на противника. При тактическом обучении военнослужащих рекомендовалось начинать штыковую атаку противника на расстоянии от 50-ти шагов. При штыковой атаке командир определял цель и направление движения строя. По команде «Ура» подразделение переходило к атаке врага либо штурму вражеских укреплений. По мере движения к цели, военнослужащие стрелковой цепи могли расстреливать противника ружейным огнем, а при непосредственной близости перед броском в штыки – забрасывать противника гранатами [4, с. 139]. Однако, в соответствии с боевой ситуацией, штыковая атака могла вестись без огня, что определялось командиром подразделения. После успешной штыковой атаки отработывался навык сбора стрелковой цепи для восстановления правильного рассыпного строя [5, с. 66–67]. При отступлении противника, для его преследования, по возможности задействовались свежие части из резерва [7]. В случае если была необходимость закрепиться на захваченной территории, командир мог отдать приказ личному составу окопаться. В данном случае военнослужащие отрывали окоп для стрельбы лежа, тем самым скрыв себя от огня противника и повысив действительность своего стрелкового огня [7, с. 7].

Боевой порядок роты представлял собой взводы, рассыпанные в цепь, а также взводы, оставленные в резерве. Однако в зависимости от сложности боевой задачи все взводы могли быть сконцентрированы в стрелковой цепи на ротном боевом участке. В случае необходимости, резервные взводы находились позади цепи или в стороне – уступом. При этом они располагались на таком удалении от цепи, что бы с одной стороны успеть оказать своевременную поддержку своим боевым

взводам, а с другой – не попасть под вражеский ружейный огонь и быть незаметными для противника. В случае необходимости стрелковая цепь усиливалась взводами из резерва. Это могло происходить двумя путями – либо введением резервного подразделения в уже задействованное в бою формирование, на его боевой участок, либо удлинением стрелковой цепи [4, с. 89, 90, 99]. При атаке стрелковой цепи резерв всегда следовал за ней на определенном расстоянии. При боевом столкновении рота должна была заботиться о безопасности своих флангов. В случае отсутствия прикрытия других подразделений, выставлялись специальные дозоры, которые при обнаружении противника давали соответствующие сигналы командирам и военнослужащим из резервных взводов. При отработке навыков ведения боя, командиры и рядовые военнослужащие отработывали навыки взаимодействия с соседними подразделениями. Роты должны были находиться на таком удалении друг от друга, что бы иметь возможность связываться между собой посредством различных технических приспособлений, а также методов сигнализации. При этом среднее протяжение роты на боевом участке составляло 250 – 300 шагов [5, с. 91].

Иногда, при необходимости, по приказу командира в стрелковую цепь могли выстраиваться лишь некоторые взводы или отделения, а не вся рота целиком. Переход подразделения в боевой порядок стрелковой цепи отработывался из различных построений. Считалось, что наиболее правильно и эффективно это было делать скрытно от взора противника. Это обеспечивали постоянные дозоры, наблюдающие за подступами к позициям роты, а также непрерывная разведка действий противника. Разведку осуществляли специально выделенные под это подразделения. При удалении разведывательных отрядов от своего подразделения на 4–5 верст, им могли выдаваться специальные средства связи или средства передвижения, для быстрой передачи нужной информации командирам [7]. Каждый такой отряд получал определенную задачу и участок, на котором было необходимо получить информацию о противнике. Каждому разведывательному отряду перед выходом в разведку сообщались следующие

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА НИЖНИХ ЧИНОВ В ОМСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

данные: 1) сведения о неприятеле, 2) необходимые сведения о своих войсках, 3) сведения о соседних дозорах, 4) к какому времени необходимо было предоставить нужную о противнике информацию, 5) куда возвращаться после выполнения задания [7]. В случае необходимости разведывания закрытых мест и подступов к противнику, иногда выставлялась разведывательная цепь мелких дозоров из 2–3 человек в каждом, которые исследовали местность, продвигаясь по определенному направлению.

Анализ делопроизводственных документов воинских частей показал, что тактической подготовке военнослужащих ОмВО уделяли пристальное внимание. В периоды, когда вопрос пополнения действующей армии не стоял остро, командиры запасных частей округа имели возможность уделить время на подготовку солдат по всем основным воинским дисциплинам. За боевой подготовкой личного состава маршевых рот в целом, и тактической подготовкой, в частности, пристально наблюдало вышестоящее начальство, вплоть до штаба округа и самого командующего ОмВО. Так, в феврале 1916 г. начальник штаба округа генерал-лейтенант А.А. Мориц находился с проверкой в частях г. Новониколаевска. Во время проведения проверки между маршевыми ротами 17-го и 21-го Сибирских стрелковых запасных батальонов было произведено двухсторонне тактическое учение. По условиям учения одна рота находилась в обороне, а другая в наступлении. Отмечалось, что погодные условия при этом были далеки от комфортных. Мороз, резкий северный ветер и пурга в значительной степени усложняли работу подразделений. После проведения учений А.А. Мориц указал, что со стороны наступающего перестроение в строй повзводно было сделано поздно. Изначально не был указан направляющий взвод, и не был выбран предмет, на который следовало держать курс. Было отмечено, что наступающая рота слишком рано начала перебежки, когда обороняющиеся еще не открыли ружейный огонь. При этом дозор на правом фланге находился слишком близко от подразделения, и его работа была признана не эффективной. Со стороны обороняющей роты было выявлено то, что позиция для развертывания обороны была вы-

брана не совсем удачно. Три взвода были вытянуты в одну линию, в результате чего один центральный взвод имел незначительную зону обстрела в 100–150 шагов. Начальник штаба округа отметил, что центр роты следовало выдвинуть вперед и лучше примениться к местности. Было высказана рекомендация, что окопы для взвода можно было сделать общими, дабы усилить эффективность обороны позиций. Построенные индивидуальные окопы не были в должной степени замаскированы [9, л. 86, 86 об.]. Тот же А.А. Мориц в марте 1916 г. был направлен командующим ОмВО генерал-лейтенантом Н.А. Сухомлиновым для проверки охраны линии Омск-Петропавловск в части гарнизона г. Петропавловска. При проверке были произведены двухсторонние тактические учения между маршевыми ротами 33-го Сибирского стрелкового запасного батальона. 9-я маршевая рота прапорщика Горячева шла в наступление, когда как 6-я рота прапорщика Мыздрикова находилась в обороне. После проведения учений начальник штаба заметил, что со стороны наступающего перестроение из походного порядка в колонны по-взводно и в стрелковую цепь были сделаны своевременно. Однако само наступление было плохо организовано. Командир роты решил произвести обходной маневр с правого фланга и отдал соответствующие распоряжения. Перед наступлением на вражеские позиции не была должным образом разведана местность, и в результате рота прапорщика Горячева вплотную подошла к р. Ишим, берег которой не был доступен для штурма. За 400 шагов до противника люди указанной роты перебежали с одного фланга на другой, тем самым мешая общему наступлению стрелковой цепи. Было отмечено, что техника рассыпного строя и способность примениться к местности были усвоены не достаточно хорошо. Рота прапорщика Мыздрикова выбрала правильную позицию для обороны, однако производство укрытий было медленным и не очень профессиональным. Резерв роты расходовался не умело [9, л. 123 об.]. Не смотря на выявленные недочеты можно отметить, что тактической подготовке военнослужащих уделялось пристальное внимание. У командиров запасных частей, штаба и командующего ОмВО имелось понимание важности тактической подготовки

маршевых подразделений, перед их отправкой на войну.

Таким образом, можно отметить, что тактическая подготовка являлась одной из самых важных военных дисциплины, которым обучались пополнения для действующей армии. Нижние чины отрабатывали навыки ведения

боя в составе своих подразделений. При подготовке военно-обученного резерва в запасных частях ОмВО, тактике боя уделялось пристальное внимание.

Коняев Роман Валерьевич – аспирант

Список литературы:

1. Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне / Н.Н. Головин / В 2-х т. Т. 1. – Париж, 1939. – 213 с.
2. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М.: Типография им. Ф.Я. Лаврова. 1925. – 103 с.
3. Коняев, Р.В. Подготовка нижних чинов для русской армии в Омском военном округе в годы Первой мировой войны // Мир Евразии. – 2016. – № 3(34). – С. 32–37.
4. Виноградов, К. Руководство для унтер-офицеров. Пособие для пехотных учебных команд / сост. капитан К. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Типография тов-ва Рябушинского, 1917. – 391 с.
5. Строевой пехотный устав. – Петроград: Изд-во тов-а В.А. Березовский, 1916. – 162 с.
6. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 107.
7. Наставление для действий пехоты в бою. СПб : Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://bergenschild.ru/Reconstruction/archive/pehota_v_boyu/pehota_v_boyu_02.htm Свободный (март 2018).
8. Наставление по самоокапыванию пехоты. – Петроград : Тов-во В.А. Березовский, 1915. – 72 с.
9. ИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 107.

TACTICAL TRAINING OF LOWER MILITARY RANKS IN THE OMSK MILITARY DISTRICT DURING THE FIRST WORLD WAR

R.V. Konyaev

Altay State Pedagogical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article deals with the process of tactical training of servicemen of the Omsk Military District (Omsk) during the First World War. The focus is on the sequence in training the action rules of the rifle unit on the battlefield.

Keywords:

Omsk military district, the First World War, tactical training, lower military rank.

References:

1. Golovin, N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoj vojne / N.N. Golovin / V 2-h t. T. 1. – Parizh, 1939. – 213 s.
2. Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 goda (v cifrah). – M.: Tipografiya im. F.Ya. Lavrova. 1925. – 103 s.
3. Konyaev, R.V. Podgotovka nizhnih chinov dlya russkoj armii v Omskom voennom okruge v gody Pervoj mirovoj vojny // Mir Evrazii. – 2016. – № 3(34). – S. 32–37.
4. Vinogradov, K. Rukovodstvo dlya unter-oficerov. Posobie dlya pekhotnyh uchebnyh komand / sost. kapitan K. Vinogradov. – 3-e izd. – M.: Tipografiya tov-va Ryabushinskogo, 1917. – 391 s.
5. Stroevoj pekhotnyj ustav. – Petrograd: Izd-vo tov-a V.A. Berezovskij, 1916. – 162 s.
6. Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO). F. 54. Op. 1. D. 107.
7. Nastavlenie dlya dejstvij pekhoty v boyu. SPb : Voennaya tipografiya Imperatricy Ekateriny Velikoj, 1914. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa http://bergenschild.ru/Reconstruction/archive/pehota_v_boyu/pehota_v_boyu_02.htm Svobodnyj (mart 2018).
8. Nastavlenie po samookapyvaniyu pekhoty. – Petrograd : Tov-vo V.A. Berezovskij, 1915. – 72 s.
9. IAOO. F. 54. Op. 1. D. 107.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ЗАКОНАМ ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА)

М.Л. Лебедева

Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А.Тимирязева
г. Москва, Россия

Резюме

Цель написания статьи – теоретическое осмысление семейно-брачных правоотношений Передней Азии посредством анализа юридических документов, таких как, Законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы, законы Хеттского царства и других юридических актов. В качестве объекта исследования выступает женщина Древнего Востока. Системно-структурный метод, рассматривающий общественные отношения как целостную систему взаимосвязей явлений и событий, позволяет определить основное содержание указанной темы исследования. Институциональный подход предполагает исследование сложившихся на Востоке периода древности правовых институтов семейного права. Анализ российских и зарубежных источников определяет вывод о том, что основной проблемный вопрос, поставленный в статье актуален на современном этапе развития. Комплексное изучение концептуальных положений научных исследований, позволило автору выделить основные характеристики и принципы построения семьи Передней Азии.

Ключевые слова:

патриархальная семья, брак, сделка, договор, законы.

Обращение к вопросу становления институтов семейно-брачных отношений посредством изучения имеющихся юридических источников обоснованно и актуально. Современное развитие юриспруденции обнаруживает не только рецепцию сложившихся в древности правоотношений, но и их трансформацию, как равно и поиск наиболее универсальных и приемлемых вариантов брачных и родительских некоторого рода стандартов отношений субъектов права. Отдельные научные исследования имеются по данной проблематике, однако нет систематического осмысления, фундаментальных наработок. Как правило, историко-юридические источники Передней Азии (Старо-Вавилонские законы, Ассирийские, Хеттские и Ново-Вавилонские юридические акты) характеризуются в общем плане. Кроме того, исследователи разных стран неоднозначно оценивают роль женщины указанного местообитания. Рассмотренные

в работе источники являются блестящей иллюстрацией к характеристике патриархальной семьи.

Изучение древневосточных обществ было построено на основе господствовавшего долгое время в истории формационного подхода, в то время как глубокое познание требует применения иного, цивилизационного метода познания исторического процесса. Указанный подход предполагает выявление субъективных связей, основанных на общечеловеческих ценностях. Он позволяет выявить конкретно-историческую специфику, особый характер уклада, степень и формы взаимодействия государственных образований Древнего Востока. Посредством исследования правовых актов древности, таких как, законы вавилонского царя Хаммурапи, Среднеассирийские законы, законы Хеттского царства, перед нами предстает женщина Передней Азии.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ЗАКОНАМ ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА)

Древнейшим законодательным памятником государств Двуречья являются шумерские законы, найденные в храмовом архиве Нипура. Второй их вариант был обнаружен в ассирийском царском архиве города Ниневии. Шумерские законы дошли до нас в виде небольшого фрагмента.

К старо-вавилонским законам относятся и Законы Билаламы. Этот законодательный памятник создан в царстве Эшнуны (северовосток Вавилонии). Билалама – царь, составитель этих законов. До нас дошло два экземпляра записи названных законов, на глиняных табличках, найденных во время раскопок в 1931–1935 годы у современного городища Тель-Асмар [1, с. 201]. Законы состоят из введения и 61 статьи (две последние не сохранились). В законах Билаламы значительное место отведено брачно-семейным отношениям.

Третьим древнейшим законодательным памятником Двуречья являются законы царства Исина. Нам эти законы известны под названием законы Липит-Иштара. Из них до нас дошло 9 фрагментов (введение, законы, заключение).

С 1901 г. наше представление о Хаммурапи нашло определенное завершение благодаря находке французской экспедицией в Сузах базальтового столба, исписанного вертикальными клинописными строками, оказавшимися сводом законов. Вверху текста помещено изображение Хаммурапи. Он получает от бога солнца и правды Шамаша поучения по правосудию. Это древнейший законодательный сборник. Дошедшая до нас редакция хранится в Лувре. Она относится к тому времени, когда Хаммурапи стал единовластным правителем Двуречья. Текст состоит из трех частей: пролога, законов и эпилога. Законы написаны четким, деловым языком. Интересующему нас разделу (семейные отношения) посвящены статьи 127–194.

Среднеассирийские законы (14 табличек и фрагментов) были обнаружены при раскопках в Ашшуре в 1903 и 1914 г. Они представляют собой частную кодификацию правовых установлений ашшурской общины [6, с. 230].

Хеттские законы сохранились в виде единственной древнехеттской и нескольких

новохеттских копий. Первая копия датируется примерно 1500 г. до н.э.

Прежде всего, обратим свое внимание на развитие семейных отношений в Вавилоне, Ассирии и Хеттском царстве. Анализ сложившегося брачно-семейного права позволит нам определить, в частности, положение женщины Передней Азии.

В ряде исследований господствует мнение, что женщины Древнего Востока были одинаково бесправны, а потому неправоиспособны. Они были несамостоятельные, являлись объектами, а не субъектами правоотношений определенного общества. На самом деле, это не совсем так.

Можно выделить категорию «независимых» женщин, они пользовались свободой и возможностью иметь права и обязанности наравне с мужчинами. Сюда относились женщины, освободившиеся из-под патриархальной власти одного главы семьи и не попавшие под власть другого. Это могли быть отвергнутые (разведенные) жены. Отвергнутая жена освобождалась актом развода из-под власти своего мужа. От власти своего отца она освобождалась еще тогда, когда она покупалась в качестве жены своим мужем или соответственно отцом. Эта женщина оказывалась совершенно свободной от какой-бы то ни было патриархальной власти. Эта категория включала и вдов. В Ассирии женщина, муж которой умер, не становилась вдовой, если были живы ее свекор, сыновья или сыновья или братья мужа. Она могла стать вдовой и при живом муже, если «муж поселил ее в другом месте, и если ее муж удалился и не оставил ей ни масла, ни шерсти, ни одежды, ни пищи... эта женщина должна ждать своего мужа пять лет. По наступлении шестого года она может жить с мужем, который ей угоден. Ее прежний муж, если вернется, не может ее потребовать, она свободна для своего второго мужа...» (ст. 36) [6, с. 233–234]. Законодатель, однако, уточняет, что если муж отсутствовал по причине болезни или был схвачен по ошибке как вор, и сможет доказать это, тогда может забрать свою жену (даже с приплодом). Второй случай – это когда женщина была отдана замуж, а ее мужа пленили. Тогда в течение двух лет она должна оставаться верной своему мужу, после чего объявить, что «ей нечего есть»

(ст. 45) [6, с. 235]. Судьи должны были принять решение о ее свободе.

Женщина могла выступать как противостоящая мужчине правомочная сторона. Например, человек, ударивший беременную жену или дочь другого человека, нес ответственность перед главой семьи пострадавшей. Зависимая от главы патриархальной семьи женщина не имела права распоряжаться имуществом, принесенным ею из дома своего отца. В противном случае она подвергалась наказанию (отрезание носа, ушей), вплоть до смертной казни (ст. 3, 4 Среднеассирийские законы).

Относительно имущественных отношений, следует заметить, что вдова могла распоряжаться собственным имуществом и имуществом своего сожителя. В данном случае мужчина и женщина выступали равными субъектами права. Замужнюю женщину никогда не подвергали публичному наказанию (наказанию палками, бичеванию). Ей могли отрезать уши, нос, но не бичевать, так как это было наказание для свободных людей.

Ассирийская семья второй половины II тысячелетия до н.э. может быть охарактеризована как патриархальная. Во главе ее стоял домовладыка. Его власть была неограниченна: ему подчинялись его жены, его дети, жены его сыновей, дети сыновей. Женщина в средне-ассирийский период была совершенно бесправна. Насилие над женщиной понималось не как преступление против нее самой, а как преступление против того, кому она принадлежала, как покушение на чужую собственность. Это в одинаковой мере относится к замужним и незамужним женщинам.

Вавилонская семья строилась также по законам патриархального права. Муж считался господином своей жены. В рамках вавилонской моногамной семьи муж занимал господствующее положение. Семья создавалась на основе договора, обычно между женихом и отцом невесты. Жених вносил выкуп или брачный дар, а невеста должна была иметь приданое. Семейные отношения в исторических источниках характеризуются поразному: от полной идеализации до признания домашнего рабства. Муж не обладал правом жизни и смерти над женой и детьми, но мог продать их в пожизненное рабство или отдать во временную (на три года) долговую

кабалу. Вместе с тем, положение женщины (замужней) существенно отличалось в лучшую сторону от ее положения в других странах Древнего Востока. Законник предоставлял замужней женщине широкие имущественные права: она могла без ведома мужа распоряжаться своей долей имущества, давать деньги в долг, покупать землю и рабов, выступать в суде по имущественным спорам в качестве свидетеля. Долги, сделанные мужем до брака, на имущество жены не распространялось; за долги, сделанные во время брака, отвечали оба супруга.

Положение женщины в вавилонской семье эпохи Хаммурапи несравненно выше обычного положения ее на Востоке. Она – самостоятельная хозяйка в семье, а вне семьи – граждански полноправная личность. Выходя замуж, она может отказаться от ответственности за добрачные долги мужа. Приданое оставалось ее собственностью. В случае продолжительного отсутствия мужа и малолетства детей, жена заведовала домом, а после смерти мужа она получала власть над семьей. Ей, как и мужу, было предоставлено право развода и вторичного выхода замуж. Почетное положение женщины в семье, как отмечает исследователь И.М. Волков, свидетельствует о необычайной для Востока прогрессивности древне-вавилонских семейно-правовых отношений [3, с. 79].

В Хеттском царстве семья также носила патриархальный характер. Жених «берет» себе жену и затем «владеет ею» [8, с. 485]. Однако женщины обладали некоторыми правами. Например, один закон предусматривал условия, при которых мать могла отречься от своего сына, а по другому закону она решала вопрос о замужестве дочери совместно с отцом.

Человек в Передней Азии представлял собой меновую стоимость. Поскольку господствовала патриархальная форма брака, невеста выступала как объект брачной сделки, предмет купли-продажи. Полной считалась жизнь человека в Древней Месопотамии, если у него была семья, хорошая жена и несколько детей [9, с. 42]. Патриархальные отношения в семье сохранялись примерно до II тыс. до н.э. (глава семьи был господином жены, детей и некоторого числа рабов), что, как следствие, нашло свое отражение в пра-

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ЗАКОНАМ ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА)

вовых нормах старо-вавилонских, ассирийских, хеттских и ново-вавилонских законов.

Так, во фрагментах «шумерских» законов содержится свидетельство патриархального характера шумерской семьи. Если жена возненавидит своего мужа и скажет ему: «Ты не мой муж», то есть откажется исполнять супружеские обязанности, ее за это «следует предать реке» (смерти путем утопления). «Если муж скажет жене: «Ты мне не жена», – то должен заплатить полмины серебра [1, с. 200, 469].

В законах Липит-Иштара семья носит ясно выраженный патриархальный характер, тем не менее, нормы обычного права эпохи матриархата еще прослеживаются. Особым покровительством пользуется первая законная жена, даже, если она не родила мужу детей [1, с. 204].

В тоже время, прослеживается тенденция ослабления власти мужа над женой, отца над детьми. По Среднеассирийским законам из под семейной власти могли выйти блудницы, разведенные женщины, вдовы, если в семье не оставалось мужчины, способного осуществлять эту власть. После смерти мужа женщину мог взять в жены свекор, братья мужа и пасынок. Жена была лишена дееспособности, то есть способности своими действиями осуществлять свои права и обязанности. Это было выражено в том, что заклад ею семейной собственности расценивался как кража у мужа, ее безнаказанно мог истязать муж. Так, например, если «человек застал мужчину со своей женой», он мог убить свою жену или отрезать ей нос (§ 15) [6, с. 231]. Кроме того, в табличке А § 59 записано, что «сверх наказаний... человек может бить свою жену, таскать (за волосы), повреждать и прокалывать ее уши. Вины в том нет» [6, с. 237].

Вавилонскую женщину II тыс. до н.э. нельзя назвать полностью бесправной. Она могла быть свидетелем, жрицей, могла владеть имуществом и заниматься торговлей. Иным, чем в Ассирии, был ее статус в семье. Тем не менее, власть домовладыки в семье не достигала в Вавилонии той степени, что в Ассирии (Среднеассирийские законы 30, 36, 3, 43, 48, 50, 55) или Риме. Мать приближается по объему своих прав и обязанностей в отношении детей к отцу (свидетельство

достаточно свободного положения женщины?!) На юге Двуречья даже после Хаммурапи жене можно было по брачному договору выговаривать право развода. Однако муж ее мог закладывать за долги.

Заключение брака. Брак скреплялся в Месопотамии договором между семьями жениха и невесты или жениха и семьей невесты. Само понятие брак рассматривалось как договор, облеченный в законную форму, без соблюдения которой он признавался недействительным. Брачный контракт заключался при свидетелях, составляющих формальный акт о нем. На содержание договора в Вавилоне могла оказывать влияние и женщина. Она могла потребовать особого договора с мужем, «связала своего мужа договором и заставила его выдать документ» (§ 151) [7, с. 179], лишаящего его права закладывать ее за долги. Ни ранний возраст невесты, ни отсутствие согласия женщины не были препятствием для заключения брака. В ряде случаев не было препятствием к браку и рабское положение мужа, что отражено в Законах Хаммурапи, § 175–176.

Брак совершался путем покупки невесты. Отец невесты, ее первоначальный «господин», переуступал свои патриархальные права над нею ее новому господину. Одним из распространенных условий брака была выкупная плата («тархатум»), вносимая женихом семье невесты в качестве компенсации за потерю рабочей силы. Сначала выплачивался задаток, предварительный брачный дар по случаю обручения («библум»). Нарушение брачного договора со стороны жениха влекло за собой потерю им и задатка, и выкупной платы, со стороны тестя – двойную плату того и другого. «Если человек в дом своего тестя брачный дар дал принести и выкуп отдал, а отец девушки сказал: «Дочь мою я тебе не отдам», – то «все, что ему принесено, он должен удвоить и вернуть» (3X, § 160) [6, с. 180]. Выкупная плата ко времени Хаммурапи уже совсем потеряла свой первоначальный характер обязательного платежа за невесту как за товар, значение уплаты за отказ отца от владельческих прав на дочь, а брачный договор – свой прежний смысл чисто торговой сделки.

Это же указано в законах Билаламы (§ 25). Похищение невесты считалось одним из самых тяжких преступлений и каралось смертью (§ 26). Закон Билаламы категорически запрещал женщине внебрачные отношения. Наказание – смерть (§ 28). После заключения брачного договора жена считалась собственностью мужа. Если он продолжительное время отсутствовал, она могла вторично выйти замуж. При возвращении первого мужа, его супруга возвращалась к нему. Это было обязательное условие. Единственное исключение, которое прописывали Законы Билаламы, когда первый муж совершал преступление против общины и общинного бога (§ 30) [1, с. 202].

Перечисленные положения свидетельствуют о патриархальном характере семьи в царстве Эшнуны. Согласно, точке зрения ряда исследователей, власть отца была ограничена обычным правом эпохи матриархата [1, с. 203–204]. Особым покровительством пользовалась первая законная жена, если она и не родила мужу детей. Она занимала первое место в доме мужа не только по отношению к жене-рабыне или жене-блуднице, но также по отношению ко второй жене из числа свободных женщин.

Вступление в брак со свободной женщиной оформлялось заключением брачного договора. В данном процессе участвовали не только отец, но и мать. Закон приписывает моногамию не только для жены, но и для мужа. Если жена родила мужу детей, муж не имел права взять себе другую жену, а первую покинуть. Ему грозила опасность быть изгнанным из общины и потеря имущества.

В законах Липит-Иштара также содержатся нормы по заключению брачного договора. Под защитой находятся жены из числа рабынь и блудниц. Женщины этих категорий также могли стать женами, если родят хозяину детей. Рабыня, родившая хозяину детей, становилась свободной, но ее дети не получали права наследовать имущество своего отца. Дети блудницы становились наследниками отцовского имущества, а также приданого своих матерей. Сама мать не могла жить в доме мужа, пока жива первая жена, но муж обязан был ее содержать [1, с. 204].

В кодексе Хаммурапи семейное право несколько смягчено. Законы Хаммурапи под-

робно регулируют обстоятельства, связанные с брачным даром (библум) и выкупной платой (терхатум), внесенными будущему тестю женихом. Брак заключался только после контракта жениха и отца невесты. Жених делал взнос и подарки, а отец невесты давал дочери приданое.

Терхатум – выкупная плата, вносимая женихом отцу невесты за нее, как за рабочую силу, которой лишается ее семья. Библум – своего рода задаток, то есть часть выкупа, вносимая вперед, как доказательство серьезности данного обещания обеих сторон заключить брак и как средство обеспечить выполнение этого обещания.

По Законам Билаламы (старовавилонский закон) выкуп (терхатум) возвращается его хозяину, то есть внесшему выкуп, в случае смерти жениха или невесты. Но если жена умрет бездетной в доме мужа, то ее отец вправе получить то, что принесла его дочь, с процентами, равными обычным процентам, взимаемым при займе. В Законах Хаммурапи (§ 159–161) аналогично: «все, что принесено...» отец девушки «должен удвоить и вернуть». Библум и терхатум остается в пользу тестя, если муж нарушит брачный договор, выбрав другую, и откажется взять девушку. Если же от договора откажется тесть вследствие клеветы, возведенной на мужа его другом, то тесть обязан вернуть мужу библум в двойном размере, но друг мужа – клеветник не может жениться на покинутой жене.

При наличии некоторых обстоятельств вступление в брак (речь идет о брачно-семейных отношениях Вавилонии) было невозможно. Запрещались, в частности, браки между восходящими и нисходящими родственниками, а также между свойственниками (например, между мачехой и пасынком). Брак считался действительным только при условии оформления договора, где сторонами выступали жених и отец невесты. Согласия самой невесты на брак не требовалось; она лишь могла в известной степени повлиять на содержание брачного договора (например, добиться отказа мужа в будущем закладывать ее за долги).

Среднеассирийские законы не знали обряда обручения, здесь термин «библум» обо-

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ЗАКОНАМ ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА)

значал выкуп за жену и был связан с наступлением брака. В случае смерти жены выкуп мог быть истребован мужем обратно, или ее отец должен был передать свекру другую дочь, «если тесть пожелает, он (человек) может взять в жены (другую) дочь своего тестя взамен своей умершей жены, либо, если он (человек) пожелает, он может забрать отданное им серебро» (§ 31) [6, с. 233]. Историк И.М. Дьяконов считает, что брачный выкуп не следует рассматривать как пережиток купли невесты. Это обусловлено, с его точки зрения тем, что в предшествующий период истории Двуречья положение женщины было более свободным по сравнению со старовавилонским периодом [6, с. 290].

Действует основной принцип вавилонского права – без договора нет брака. В ст. 128 Закона Хаммурапи записано: «Если человек взял жену, но договора касательно не составил, эта женщина – не жена» [6, с. 178]. В рамках Среднеассирийского закона отец, купивший для своих сыновей двух женщин, может распоряжаться ими по своему усмотрению. Их родной отец не имеет права возвращать, если получил «брачные дары» (ст. 30 САЗ) [6, с. 233]. Если муж женщины пропал без вести, отец также освобождается от обязанностей содержать свою замужнюю дочь.

Чтобы облегчить положение невесты в новой семье, ее отец отдавал ее мужу приданое (шериктум). Шериктум служил выделом дочери из дома отца, ее будущей наследственной доли в ее родительской семье. Следует заметить, что приданое после смерти женщины передавалось ее детям. Естественно были предусмотрены условия передачи шериктума мужу, в случае если женщина умерла бездетной.

Исследователь Дьяконов Н.М. замечает, что был распространен и брак без выкупа, в особенности на юге Шумера. Однако условия уплаты терхатума так и не исследованы в полной мере до настоящего времени [5, с. 290]. Без выкупа совершался, видимо брак свободной женщины с рабом дворца или мушкенума (одно из сословий вавилонского общества, которое характеризовалось как вольноотпущенники) [1, с. 205]. Этот брак считался законным. Жене такого раба выдавалось приданое. Ей принадлежала половина

нажитого в браке. Вторая половина переходила после смерти раба его господину.

Иной характер носил брак с «независимой» женщиной. Она выступала как субъект, второй контрагент брачной сделки. В среднеассирийский период была известна еще одна форма брака – узаконение наложниц, то есть превращение наложниц в законных жен. Брак совершался путем закутывания головы наложницы при свидетелях и провозглашения ее законной женой [11, с. 15].

Законы Хаммурапи отражают более раннюю стадию брачных отношений. Расторжение брака допускается сторонами. Ассирийские законы отражают более ярко выраженный патриархальный характер брака. Жених может осуществить брачный договор, причем вопреки воле отца невесты, если тот получил за свою дочь «дары». Жена выступает в роли вещи (имущества). Муж может рассчитаться с кредитором, отдавая за долги свою жену. Женщина рассматривается законодателем только с точки зрения ее меновой стоимости. «Если женщина еще живет в доме своего отца... она должна отвечать за долги, прегрешения и преступления своего мужа» (ст. 32, Среднеассирийские законы) [6, с. 233].

Имущественные отношения супругов. Согласно законам Билаламы, жена имела право на часть семейного имущества. Это свидетельствует о сохранении значительных элементов обычного права материнской родовой общины.

Закон Хаммурапи устанавливает между супругами четкие имущественные отношения. Основной принцип – наследование только в пределах семьи. Все подаренное мужем жене (поле, сад, дом и пр.) по документу с печатью остается ее собственностью и после смерти мужа. «Сыновья не должны с ней спорить, мать то, что остается после смерти ее, своему сыну, которого она любит, может отдать» (ст. 150) [6, с. 179]. Жена получает приданое и вдовью долю (нудундум), а также – дар, если таковой отписан ей мужем по документам. Женщина не вправе продать свое имущество (в доме мужа), так как оно остается ее детям. Если муж не оставил жене вдовьей доли, то ей возвращается ее приданое и выделяется наследственная доля, равная доле детей. Если дети пытаются выжить

мать из дома, они наказываются по суду, а мать остается в доме мужа. Если мать решит уйти, то вправе взять свое приданое, оставив вдовью долю. Сыновья, независимо от происхождения от разных матерей, наследуют поровну, но отец мог при жизни завещать любому сыну недвижимое имущество

По долгу, возникшему после брака, супруги отвечают перед кредитором совместно. «Если после того как эта женщина в дом кредитора вошла, на них возник долг, оба они должны удовлетворить кредитора» (ст. 152) [6, с. 180].

Женщина, связанная с храмом (жрица или храмовая блудница) получала приданое от отца. Если она его не получала, то она пожизненно пользовалась третьей частью своей наследственной доли. Отец мог выдать ей документ на право свободного распоряжения своим приданным [1, с. 472–473]. Муж ничего не получал из приданого покойной жены – оно принадлежало детям.

Можно заметить, что Законы Хаммурапи содержат нормы наследования как по закону, так и элементы завещательного права. Закон ограждает женщину в плане имущественных вопросов как в отношениях с супругом, так и от притеснений взрослых детей.

Многогамность семьи. Семья, в которой были дети, в принципе была в Вавилоне многогамной (сожитительство с рабыней не бралось в расчет). Если в Ассирии понятие супружеской верности мужа не существовало, а верность жены обеспечивалась жестокими наказаниями, то в Вавилоне были иные порядки. По сути многогамным был брак только для жены. Всякая ее внебрачная связь каралась смертью. Женщину, изменившую мужу, если он ее не прощал, бросали в воду. В Законе вавилонского царя Хаммурапи об этом сказано: «Если жена человека с другим мужчиной на (ее) лоне была схвачена, их должны связать и бросить в воду» (§ 129) [6, с. 178]. Смерть грозила также ее совиновнику. Мучительная смерть (на колу) грозила жене, давшей умертвить своего мужа ради другого мужчины (§ 153). Если женщина изменила мужу, но «на лоне она не была схвачена, она должна поклясться, и (тогда) она может вернуться в свой дом» (§ 131) [6, с. 178]. Это право она приобретала и тогда, когда муж покидал общину или кле-

ветал на жену. Оправдывался уход женщины к другому мужчине «из-за пропитания», в случае отсутствия мужа. После возвращения мужа она «должна вернуться к первому мужу, сыновья должны следовать за своими отцами» (§ 135) [6, с. 178].

Мужчина в случае бездетности, тяжелой болезни или непристойного поведения жены мог взять себе вторую жену. То есть закон допускал отступление от моногамии семьи. Большую жену он оставлял на свое попечение, а отвергнутую жену за непристойное поведение мог обратить в рабство.

Безусловное осуждение всего, что нарушало целостность семьи, лежало в основе одной из «заповедей» вавилонян – не прелюбодействуй. Если замужняя женщина самовольно ушла от своего мужа и вошла в дом ассирийца в том же поселении... переночевала там три-четыре раза, но хозяин дома не знал, что в его доме живет замужняя женщина, то... может ее изуродовать» (§ 24) [6, с. 232].

Чистота брака охранялась, прежде всего, внутри семьи. Кровосмешение было запрещено между восходящими и нисходящими родственниками. «Если человек познал свою дочь, этого человека должны изгнать из общины» (§ 154). Если человек после (смерти) своего отца возлег на лоно своей матери, их обоих должны сжечь» (§ 157) кровными узами. Связь свекра с невесткой и мачехи с пасынком (155, 158) наказывалась следующим образом: «Человека должны связать и в воду... бросить» (§ 155), изгнанием «из отцовского дома» [6, с. 180].

Таким образом, за нарушение верности наказывалась строже жена. На поведение мужа обращается меньше внимания, в то время, как виновная вместе с участником подвергалась утоплению, на неверного мужа можно было только жаловаться в суд в ожидании развода. Клевета мужа на жену влекла развод. За несправедливое обвинение клеветник наказывался по суду пострижением височных волос. Очень жестоко наказывалось убийство мужа: несчастную сажали на кол. Отец мог отдать дочь в храмовые блудницы (принесение целомудрия в жертву божеству). Тогда по закону она уже не могла иметь детей, но считалась свободной [1, с. 470].

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ЗАКОНАМ ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА)

Прекращение брака. Брак в Месопотамии не считался «священным и нерасторжимым» [9, с. 43]. По законам Ур-Наму, «человек мог оставить жену, уплатив ей одну мину серебра, если она не была ранее замужем, и полмины, если была. В Ассирии же муж мог оставить свою жену вообще без всякого выкупного.

По Закону Хаммурапи развод был возможен. Но, оставление мужем жены оговаривалось определенными условиями. Муж не мог покинуть даже больную проказой жену, «в доме, который он создал, она должна жить, и он должен пожизненно ее содержать» (§ 148) [6, с. 179]. Он мог уйти от бесплодной жены, дав ей выкуп и вернув приданное («Если человек свою первую жену, которая не родила ему сыновей, хочет покинуть, серебро, сколько составлял ее выкуп, он должен ей отдать, и приданное ... он должен ей возместить, и (тогда) он может ее покинуть» (§ 138) [6, с. 178–179]. Только расточительную и позорящую мужа жену («дом свой разоряла, унижала своего мужа») можно было покинуть без всякой выкупной платы, «женщина должна жить в его доме как рабыня». (§ 141) [6, с. 179].

Развод для мужа был осуществим достаточно легко и беспрепятственно, хотя и требовал обоснования (бесплодие, расточительство, дурное поведение жены). Жена имела право на развод лишь при наличии серьезных причин, таких как, делящаяся измена мужа, смена им местожительства, необоснованное обвинение жены в супружеской неверности. Для жены брак фактически был нерасторжим. Исключения составляли следующие прецеденты: женщина могла вернуться в дом отца со своим приданным, если муж ложно поклялся в ее неверности или позорит ее, или берет в дом другую жену, когда жена его больна проказой; если муж бросит свою общину и бежит, а жена войдет в дом другого, она не обязана возвращаться к мужу, если он вернется, то она обязана возвратиться к мужу, вернувшемуся из плена, даже если она ушла в дом другого, причем дети остаются у отца. Муж вправе дать развод, когда жена не родила детей. Жена не только не имела права на развод, подобно мужу, но и после его смерти вдова с малолетними детьми не могла выйти замуж без разрешения суда, «войти

в дом другого (мужа), без ведома судей, войти она не должна» [4, с. 288]. Таким образом, отметим, что развод для мужа был стеснен денежными соображениями, для жены – судебными формальностями.

В вавилонских законах семья уже построена как ячейка, подвластная отцу. Отец выступает как рабовладелец: рабы являются элементом фамилии [4, с. 288]. Бездетная жена могла дать мужу рабыню для рождения детей. Тем не менее, классовые различия были сохранены: рабыня, даже давшая господину детей, если «станет равнять себя с госпожой», то на нее может быть наложен знак рабства, и она может быть причислена к прочим рабыням (§ 146). Если такая рабыня не родила детей, жена может продать ее (§ 147).

Честь жены охраняется в вавилонских законах от насилия (карается смертью насильника § 130). Аналогично, ассирийские законы карают смертью виновного в изобличенном насилии над замужней: «на женщине же нет вины» (§ 12), от недоказанных позорящих обвинений (§ 127), и даже позорящая клятва мужа опровергается клятвой жены. Однако следует заметить, что в древнем Вавилоне жена обладает частным имуществом, может получить назад свое приданое, воспитывает своих детей. Она арендует, делит, дарит, свидетельствует. Вдова и девица ведут самостоятельно имущественные процессы.

Законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы достаточно архаичны. Они содержат большое количество пережитков первобытно-общинного строя, а в области семейного права – полное сохранение патриархально-родовой или большесемейной общины.

В Среднеассирийских законах слабее разработаны правовые категории. Среднеассирийская семья – яркий пример патриархальной семьи, всецело проникнутой духом рабовладельческих отношений.

Можно выделить основные принципы ассирийского брака: брак возникает в результате договора между отцами жениха и невесты; исполнение или нарушение договора зависит от отцов обеих семей (жениха и невесты); отец жениха по договору платит отцу невесты выкуп за невесту, как за будущую работницу; если жена умрет, отец обязан пе-

редать свекру другую дочь; если замены нет, то выкуп должен быть возвращен отцу мужа.

Брак носит характер сделки купли-продажи, в подтверждение тому законодатель говорит о «цене женщины». Патриархальный характер семьи обуславливает большие требования к жене в отношении верности мужу. Исключительность господства мужа над женой доводилась до права мужа требовать, чтобы даже лицо жены для других (вне дома) было всегда закрыто, чем сохранялась и ее верность и ее достоинство как жены «человека». Закрыты на улице должны были быть также: «дочь человека»; вдова; наложница, идущая со своей госпожой; храмовая блудница, взятая замуж. Закрытое лицо – это был признак свободной женщины. Рабыня же не имела права закрывать лицо под страхом тяжелого наказания. Наложница могла быть узаконена как жена, если ее господин при 5–6 свидетелях накроет покрывалом и скажет: «Это – моя жена». Вышедшие из-под патриархальной власти женщины (блудницы; храмовые блудницы; разведенные; вдовы) формально были право- и дееспособны.

Ряд норм Среднеассирийских законов содержат наказания за составы преступлений против жены «человека». В отношении незамужней женщины законы защищают, прежде всего, интересы отца потерпевшей. Что касается замужней женщины, то здесь охраняются интересы только ее мужа. Честь женщины охраняется от клеветы мужчины. Что касается преступлений самой женщины, суровость наказаний заметно сопоставима с Законом Хаммурапи и Хеттскими законами.

Брак у хеттов также носил патриархальный характер, с властью мужа-господина над женой. Имеет место левират (в случае смерти мужа жена переходит его брату, затем отцу). Брак у хеттов совершался по устному договору. Свободный мог взять в жены и рабыню. Муж платил за жену выкуп («кусата») – возмещение за увод девушки, как работницы, из дома ее отца. Родители девушки давали ей приданое. Это – доля в имуществе ее семейной общины. Она давалась ей, чтобы поднять ее положение в семье мужа. Сохранились пережитки похищения девушек в жены. Похищение девушки не аннулировало брачный сговор, пока похититель не вернет «постра-

давшему» жениху уплаченный им ранее выкуп. Такие статьи мы встречаем у законодателя Хеттского царства. Похищение – это пережиток прошлого, законно не признается формой брака. Свободная женщина, давшая себя похитить, становилась рабыней на три года.

Вавилонская семья также была патриархальной. Муж считался господином своей жены. Брак заключался через договор (письменная фиксация необязательна). Положение женщины нельзя считать полностью бесправным. Частноправовые документы свидетельствуют, что женщина могла участвовать в заключении контрактов. Имела право на развод, на часть имущества. И в тоже время могла быть обращена в рабство или быть предана смерти, если имели место предусмотренные законодателем условия наказания.

Юридический анализ имеющихся источников законодательства Древнего Востока позволяет выделить следующие моменты. Семья в странах Передней Азии построена преимущественно на нормах патриархального права. Женщина является полноценным субъектом правоотношений, но в ряде случаев выступает как объект права, вплоть до рассмотрения ее в качестве «вещи», «имущества», определения ее меновой стоимости. Можно выделить несколько категорий женщин, одна из которых определяет женщину относительной свободной, женщина выступает как правомочная сторона, которая может противостоять другим субъектам права, а другая категория женщин полностью бесправны. В имущественных отношениях положение женщины неоднозначно. С одной стороны женщина могла обладать имуществом, а с другой стороны сама выступала в качестве такового. Древневосточному семейному праву уже известны такие правовые институты как: признание добрачного имущества, брачный договор, солидарная ответственность супругов по долгам. Особый интерес для дальнейшего исследования вызывает такой институт как «приданое» (шериктум), выступающий как выделение наследственной доли, а также признание наследования только в пределах семьи.

Лебедева Маргарита Леонидовна – кандидат политических наук

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ЗАКОНАМ ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА)

Список литературы:

1. Ассирия. Вавилон. Древние царства Востока. – М.: 2002. – С. 199–213, 468–473.
2. Введение в гендерные исследования // под общ. ред. И.В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс. 2005. – 235 с.
3. Волков, И.М. Законы вавилонского царя Хаммурапи // под общ. ред. Б.А.Тураева. – М.:1914. Вып.1. – С.72-79.
4. Дьяконов, И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник Древней истории. – 1952. – № 3. – С. 287–293.
5. Дьяконов, И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства (Окончание) // Вестник Древней истории. – 1952. – № 4. – С. 205–321.
6. История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. – 719 с.
7. История Древнего мира. Древний Восток. Египет, Шумер, Вавилон, Западная Азия / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. – Минск–М.: 2000. – С. 485.
8. Кириллина, В.Н. Гендерный конфликт как фактор политических изменений // Вест. Моск.ун-та. Сер.12. Политические науки. – 2004. – № 4. – С. 6.
9. Крашенинникова, Н.А. История права Востока: Курс лекций. – М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1994. – С. 42–45.
- 10.Кучма, В.В. Государство и право Древнего мира: Курс лекций. – Волгоград: Издательство «Офсет», 1998. – 240 с.
- 11.Липин, Л.А. Ассирийская патриархальная семья: автореф. дис....канд. истор. наук. – Л., 1949. – 15 с.
12. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1985.– С. 68.
- 13.Ассирия. Вавилон. Древние царства Востока. – М.: 2002. – С. 199–213, 468–473.
- 14.Введение в гендерные исследования // под общ. ред. И.В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс. 2005. – 235 с.
- 15.Волков, И.М. Законы вавилонского царя Хаммурапи // под общ. ред. Б.А.Тураева. – М.:1914. Вып. 1. – С.72-79.
- 16.Дьяконов, И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник Древней истории. – 1952. – № 3. – С. 287–293.
- 17.Дьяконов, И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства (Окончание) // Вестник Древней истории. – 1952. – № 4. – С. 205–321.
- 18.История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. – 719 с.
- 19.История Древнего мира. Древний Восток. Египет, Шумер, Вавилон, Западная Азия / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. – Минск–М.: 2000. – С. 485.
- 20.Кириллина, В.Н. Гендерный конфликт как фактор политических изменений // Вест. Моск.ун-та. Сер.12. Политические науки. – 2004. – № 4. – С. 6.
- 21.Крашенинникова, Н.А. История права Востока: Курс лекций. – М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1994. – С. 42–45.
- 22.Кучма, В.В. Государство и право Древнего мира: Курс лекций. – Волгоград: Издательство «Офсет», 1998. – 240 с.
- 23.Липин, Л.А. Ассирийская патриархальная семья: автореф. дис....канд. истор. наук. – Л., 1949. – 15 с.
- 24.Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1985. – С. 68.

FAMILY AND MARITAL RELATIONS IN WESTERN ASIA (UNDER BABYLONIAN, AS-SYRIAN, HITTITE LAWS)

M.L. Lebedeva

Russian State Agrarian University Moscow Timiryazev Agricultural Academy
Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the article is theoretical comprehension of the family marital legal relations of Western Asia through the analysis of legal documents, such as the Laws of Hammurabi, the Middle Assyrian laws, the laws of the Hittite kingdom and other legal acts. A woman of the Ancient East is an object of study.

The system-structural method, which regards social relations as an integral system of relationships between phenomena and events, allows to determine the main content of the research topic. Institutional approach assumes the study of the legal institutions of family law that have developed in the East during the antiquity period.

Analysis of Russian and foreign sources defines a conclusion that the main problem posed in the article is essential at the present stage of development. A comprehensive study of the conceptual aspects of scientific research allowed the author to identify the main characteristics and principles of building the family of Western Asia.

Keywords:

patriarchal family, marriage, bargain, contract, laws.

References:

1. Assiriya. Vavilon. Drevnie carstva Vostoka. – M.: 2002. – S. 199–213, 468–473.
2. Vvedenie v gendernye issledovaniya // pod obshch. red. I.V. Kostikovej. – M.: Aspekt Press. 2005. – 235 s.
3. Volkov, I.M. Zakony vavilonskogo carya Hammurapi // pod obshch. red. B.A.Turaeva. – M.:1914. Vyp. 1. – S.72-79.
4. D'yakonov, I.M. Zakony Vavilonii, Assirii i Hettского carstva // Vestnik Drevnej istorii. – 1952. – № 3. – S. 287–293.
5. D'yakonov, I.M. Zakony Vavilonii, Assirii i Hettского carstva (Okonchanie) // Vestnik Drevnej istorii. – 1952. – № 4. – S. 205–321.
6. Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty: Ucheb. posobie / Pod red. V.I. Kuzishchina. – M.: Vysshaya shkola, 2002. – 719 s.
7. Istoriya Drevnego mira. Drevnij Vostok. Egipet, Shumer, Vavilon, Zapadnaya Aziya / A.N. Badak, I.E. Vojnich, N.M. Volchek i dr. – Minsk–M.: 2000. – S. 485.
8. Kirillina, V.N. Gendernyj konflikt kak faktor politicheskikh izmenenij // Vest. Mosk.un-ta. Ser.12. Politicheskie nauki. – 2004. – № 4. – S. 6.
9. Krashennnikova, N.A. Istoriya prava Vostoka: Kurs lekcij. – M.: Izd. Rossijskogo otkrytogo un-ta, 1994. – S. 42–45.
10. Kuchma, V.V. Gosudarstvo i pravo Drevnego mira: Kurs lekcij. – Volgograd: Izdatel'stvo «Of-set», 1998. – 240 s.
11. Lipin, L.A. Assirijskaya patriarhal'naya sem'ya: avtoref. dis...kand. istor. nauk. – L., 1949. – 15 s.
12. Engel's, F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana. – M.: Politizdat, 1985.– S. 68.
13. Assiriya. Vavilon. Drevnie carstva Vostoka. – M.: 2002. – S. 199–213, 468–473.
14. Vvedenie v gendernye issledovaniya // pod obshch. red. I.V. Kostikovej. – M.: Aspekt Press. 2005. – 235 s.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ
(ПО ЗАКОНАМ ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА)

-
15. Volkov, I.M. Zakony vavilonskogo carya Hammurapi // pod obshch. red. B.A.Turaeva. – M.:1914. Vyp.1. – S.72-79.
 16. D'yakonov, I.M. Zakony Vavilonii, Assirii i Hettskogo carstva // Vestnik Drevnej istorii. – 1952. – № 3. – S. 287–293.
 17. D'yakonov, I.M. Zakony Vavilonii, Assirii i Hettskogo carstva (Okonchanie) // Vestnik Drevnej istorii. – 1952. – № 4. – S. 205–321.
 18. Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty: Ucheb. posobie / Pod red. V.I. Kuzishchina. – M.: Vysshaya shkola, 2002. – 719 s.
 19. Istoriya Drevnego mira. Drevnij Vostok. Egipet, Shumer, Vavilon, Zapadnaya Aziya / A.N. Badak, I.E. Vojnich, N.M. Volchek i dr. – Minsk–M.: 2000. – S. 485.
 20. Kirillina, V.N. Gendernyj konflikt kak faktor politicheskikh izmenenij // Vest. Mosk.un-ta. Ser.12. Politicheskie nauki. – 2004. – № 4. – S. 6.
 21. Krashennnikova, N.A. Istoriya prava Vostoka: Kurs lekcij. – M.: Izd. Rossijskogo otkrytogo un-ta, 1994. – S. 42–45.
 22. Kuchma, V.V. Gosudarstvo i pravo Drevnego mira: Kurs lekcij. – Volgograd: Izdatel'stvo «Of-set», 1998. – 240 s.
 23. Lipin, L.A. Assirijskaya patriarhal'naya sem'ya: avtoref. dis....kand. istor. nauk. – L., 1949. – 15 s.
 24. Engel's, F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana. – M.: Politizdat, 1985.– S. 68.

ДОКЛАДЫ И ДОНЕСЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ НАЧАЛА 1920-Х ГГ. КАК МЕХАНИЗМ ЭЛИТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

О.А. Литвинова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье рассмотрены доклады низовых партработников в вышестоящие партийные структуры как одна из форм коммуникационной практики. Автор выдвигает гипотезу о том, что такого рода официальные документы в начале 1920-х гг. помимо задачи информирования партийных органов о различных функциональных проблемах в работе различных органов власти выполняли роль механизма инкорпорации их составителей в среду новой политической элиты местного уровня. Посредством обращения к одному из архивных документов автор выявил аргументы, которые могут служить обоснованием для заявленного предположения.

Ключевые слова:

донесения, ответственный работник, партработник, номенклатура, политическая элита, социальные коммуникации, продкампании.

Эпоха системных трансформаций общества порождает разнообразные формы коммуникативных практик, которые помимо основной функции – передачи информации – выполняют иные социальные задачи. Ввиду этого проблема исторического анализа различных каналов массового общения не теряет своей актуальности. Ранее автор обращался к теме апелляций населения в органы советской власти, что позволило выявить круг социальных проблем раннесоветской повседневности, а также, определив социальную принадлежность апеллировавшего к власти человека, раскрыть мотивацию его обращения во властные структуры и выявить модели взаимоотношений личности и государства, сложившиеся в ходе названного коммуникационного процесса [1]. Следует заметить, что среди архивных материалов особое место занимают донесения и доклады должностных лиц. Безусловно, основной целью такого рода документов была необходимость проинформировать вышестоящие инстанции об имеющихся ин-

ституциональных проблемах. Это обстоятельство позволяет провести аналогию с апелляциями рядовых граждан. Однако более глубокий социокультурный анализ содержания донесений и докладов позволяет дифференцировать их в отдельную группу документов. Автор представляемой статьи считает, что доклады в вышестоящие инстанции, составленные ответственными работниками низшего звена в начале 1920-х гг. и направленные в вышестоящие партийные структуры, имеет смысл рассматривать в контексте процесса элитной инкорпорации, т.е. в ракурсе вхождения этой категории работников в среду местной политической элиты.

Попытка исследования упомянутого вида документов в обозначенном контексте делает необходимым представить краткий анализ раннесоветской политической элиты как страты, используя при этом опубликованные исторические работы. Как известно, термином «политическая элита» в общественных науках обозначают привилегирован-

ДОКЛАДЫ И ДОНЕСЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ НАЧАЛА 1920-Х ГГ. КАК МЕХАНИЗМ ЭЛИТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

ную социальную группу, сосредоточившую в своих руках политическую власть и непосредственно участвующую в принятии политических решений. Применительно к советскому периоду российской истории понятие «политическая элита» обычно употребляют в качестве синонима таким терминам, как «партийная номенклатура», «партийные работники» (они же – «партработники»), поскольку руководящие должности различного уровня занимались лицами, являвшимися членами РКП(б). В ряде случаев историками применяется понятие «ответственные работники» (они же – «ответработники»). Все эти термины как взаимозаменяемые будут использоваться в нашей статье.

Особенностью раннесоветской политической элиты, т.е. элиты начала 1920-х гг., является ее маргинальность. Такая маргинальность была следствием ряда факторов. Во-первых, следует отметить особенности развития РКП(б) в годы Гражданской войны. Французский историк Н. Верт, говоря об увеличении численности партии большевиков после Октября 1917 г. и ссылаясь на журнал «Коммунист», определил социальный состав РКП(б) 1918 г. как «полуинтеллигентский», отметив, что в партию в тот период в большом количестве вступили мелкие служащие, рассыльные и подобные им лица. Предпринятые по этой причине после состоявшегося в 1919 г. VIII съезда РКП(б) партийные чистки ненадолго улучшили ситуацию. Несмотря на исключение из партии 150 000 коммунистов, в марте 1921 г. рабочие составляли только 40 % членов партии. При этом историк отмечал явную завышенность этой цифры, указывая, что каждый вступающий в партию стремился приписать себе пролетарское происхождение. Так называемые «старые коммунисты», т.е. вступившие в партию до 1917 г., составляли менее 2 % всех коммунистов [2, с. 140–141]. Исходя из разнородного социального состава партии в целом, можно делать выводы о маргинальности местной политической элиты первых советских лет, так как увеличение численности партии вело к увеличению числа лиц, вовлеченных с управленческой процесс. В этом случае низовые должности на

местном уровне занимали лица, недавно вступившие в партию.

Во-вторых, маргинальность политической элиты первых советских лет можно объяснить и специфичностью ее формирования. Проблема образования советской партийной элиты поднималась в работах историков. Например, В.П. Дементьев отмечал, что слой партийной номенклатуры формировался большей частью не из рабочих и крестьян, а, в значительной степени, из маргиналов (в т.ч. из интеллигенции, утратившей свои характерные черты). Этот же исследователь указывал, что маргиналы, не приобретали в полной мере характеристики новой для них социальной среды. Чаще всего это были люди, «готовые конформистски принимать любую установку партии и неукоснительно проводить “генеральную линию”» [3]. Иными словами, неоднородность партийной элиты вызывала ситуацию, при которой человек, оказавшийся в непривычной среде, интуитивно искал пути сохранения себя в новом социуме.

Заметим, что любая элита объективно стремится к консолидации. Этот процесс характерен и для советской элиты начала 1920-х гг. Как заметил Г.Л. Олех, в 1920-е гг. наблюдался ускоренный и внутренне противоречивый процесс кристаллизации партийного чиновничества как компактной, замкнутой группы [4]. По нашему мнению, процесс консолидации советской политической элиты в первой половине 1920-х гг. происходил как институциональным, так и функциональным путем. Что касается институционального пути, то он был связан с партийными чистками, представлявшими собою организованные кампании, осуществляемые «сверху». Первая такая чистка, прошедшая в 1921 г., получила должное освещение в исторических исследованиях в контексте анализа кадровой политики РКП(б) [4, 5, 6]. Функциональный путь упрочения партийной элиты предполагал осуществление определенных действий самими представителями формирующейся элиты в рамках реализации определенных должностных функций. Эти действия постепенно сплачивали должностных лиц в устойчивую социальную общность. К подобного рода по-

ступкам можно отнести не только скрупулезное выполнение должностных обязанностей, но и различные модели неформального поведения, консолидировавшего среду партработников. Такое неформальное поведение зачастую определялось особенностями повседневной жизни. В этом плане заслуживает внимания точка зрения В.В. Шабалина, рассмотревшего «склоки» неформальных сообществ местных советских и партийных ответработников как механизм саморегуляции политической элиты [7]. Обращает на себя внимание взгляд И.В. Кузнецова, расценившего совместные выпивки партработников в качестве средства сплочения местной элиты [8].

Между тем, автор считает, что при обращении к теме консолидации раннесоветской политической элиты имеет смысл изучить еще один механизм, сочетавший в себе как элементы институциональности, так и функциональности. Это подача докладов и донесений низовыми партийными ответработниками в вышестоящие партийные структуры. Выдвигаемая нами гипотеза – в условиях формирования новой политической элиты в начале 1920-х гг. низовые партработники посредством представления официальных донесений и докладов стремились инкорпорироваться в эту социальную среду, что, в конечном счете, было основой для сплочения и укрепления местной партийной элиты. В качестве эмпирической основы выдвигаемой гипотезы выступил архивный документ – «Доклад Е. Сорочкина Белоярскому волпарткому», датированный 2 декабря 1922 г. и содержащий информацию о событиях осени 1922 г., произошедших в с. Бешенцево Белоярской волости Алтайской губернии, в частности, сведения о продкампании в указанном населенном пункте [9]. Думается, на примере единичного исторического источника можно обозначить научную проблему и сформулировать предположение, для подтверждения которого в дальнейшем будет использована более широкая источниковая база.

Из краткой биографической справки, предвещающей названный доклад, известно, что его составителю Егору Сорочкину на момент подготовки официального докумен-

та было 30 лет, он – выходец из крестьянской среды, вступил в РКП(б) в 1920 г., т.е. за два года до рассматриваемых событий. На момент происходивших событий Сорочкин был ответственным руководителем коммуны «Искра», располагавшейся в шести верстах от села Бешенцево. Кроме того, Сорочкин был членом совета при бешенцевском сельиспокоме, и ему предстояло занять должность заместителя председателя сельисполкома. Таким образом, партийный стаж и социальное происхождение свидетельствуют о маргинальности раннесоветского поколения партработников низового уровня. Хотелось бы обратить внимание на возраст автора доклада-донесения. С одной стороны, можно говорить о том, что докладчик – еще молодой человек, с другой стороны – он был уже сложившейся личностью, способной обдуманно выстраивать жизненную стратегию.

Суть конфликта, о котором Е. Сорочкин сообщает в вышестоящую партийную структуру, т.е. в волостной партийный комитет, заключается в следующем. Докладчик, получив информацию о том, что в коммуну, руководителем которой он был, выехала сессия ревтрибунала (в документе указано именно ревтрибунала, а не продинспекции), в срочном порядке отправился к коммунарам, чтобы проконтролировать ситуацию. Оказавшись на месте, докладчик узнал, что представители ревтрибунала, используя методы принуждения, реквизировали у крестьян продовольствие, в том числе и предназначенное для органов РКСМ. Практически сразу же после прибытия председатель коммуны оказался вовлеченным в конфликт с находившимися в то время в коммуне должностными лицами из ревтрибунала. Итогом противостояния стало то, что представители ревтрибунала обязали Сорочкина последовать за ними в ближайшее село. Как можно сделать вывод из доклада, поводом конфликта послужило наличие у докладчика оружия – винтовки. После окончания работы ревтрибунала Сорочкин, как руководитель коммуны, узнал, что несколько коммунаров после проведенной продкампании было осуждены и лишены свободы на срок от трех до пяти лет (из-за некорректности фор-

ДОКЛАДЫ И ДОНЕСЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ НАЧАЛА 1920-Х ГГ. КАК МЕХАНИЗМ ЭЛИТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

мулировок в докладе сложно назвать окончательное число арестованных). Далее в документе сообщается, что в течение ближайших дней докладчик занял пост заместителя председателя сельиспокома. В новой должности ему пришлось общаться с представителями волостной проинспекции. Наиболее плотными были контакты в дни празднования годовщины октябрьских событий. В донесении отмечено, что продработники во время проведения праздничного мероприятия были пьяны и вели себя несоответствующим своим должностям образом. Итогом этого конфликта стала ссора с дракою, в результате чего Сорочкин был арестован на трое суток. Информация об имевших место инцидентах очень подробно изложена в документе на девяти страницах.

Что касается структуры доклада-донесения, то в нем можно условно выделить четыре части. Это небольшое вступление, повествование о действиях сессии ревтрибунала в сельскохозяйственной коммуне в с. Бешенцево, информация о конфликтной ситуации во время приезда продкомиссии в дни празднования годовщины Октябрьской революции; заключительная часть, представляющая по своей сути рефлексивное подведение итогов в отношении представленных сведений. В дальнейшем мы будем неоднократно обращаться к тексту документа, при прямом его цитировании орфография и пунктуация будут исправлены в соответствии с современными нормами русского языка.

Несомненно, что даже краткий пересказ содержания документа позволяет определить его основную коммуникативную цель – информирование волостного партийного комитета об имевшихся институциональных сбоях в осуществлении продовольственной кампании, а конкретно – о пересечении функций нескольких структур: волостного комитета РКСМ и ревтрибунала, волостного исполкома и продовольственной инспекции. Данная коммуникативная цель воплощена посредством механизма, выявленного нами ранее в апелляциях граждан в органы государственной власти. Это детализированность в изложении событий, эмоциональность и экспрессивность стилистики повествования [1]. Например, в тексте доклада

можно увидеть незавершенные с точки зрения лингвистики языковые обороты: «Насильно заставляя нагребать союзный хлеб, несмотря ни на какие распоряжения волкома, где было ясно указано, что хлеб РКСМ должен быть ссыпан отдельно в амбар до особого распоряжения, без ведома волкома хлеб не должен никуда расхищаться» [9, л. 2]. Помимо этого, в качестве характерной стилистической черты исследуемого нами документа можно назвать насыщенность текста гиперболами, сравнительными оборотами, метафорами. Приведем несколько выдержек из источника. «Подъезжаю я ближе, то вижу, что все члены коммуны были в страшном испуге и не могли выговорить ни слова. Кроме того, что на их лицах было можно видеть меняющиеся краски и крупинки слез на их глазах»; «Я увидел печальную картину оставшихся членов коммуны, и на самом деле им угрожала опасность, в такое смутное время можно было ожидать всего...» – это фразы из официального документа [9, л. 2–2 об.].

Очень подробно составитель доклада передал диалоги ответственных лиц. Пример тому – ниже приведенный отрывок. «Шамарин (председатель сессии ревтрибунала – прим. автора): ”Я приказываю взять у него винтовку и забрать его с собою, где мы ему дорогой зададим бичевую выстилку”. А остальные все с зверскими взглядами и шумом подскакивая ко мне ближе на конях, взмахивая плетьюми и говоря: “Садись на коня, поедем с нами, мы тебе покажем”» [9, л. 2 об.].

С особой тщательностью изложена докладчиком конфликтная ситуация во время празднования коммунарами годовщины октябрьских событий и ее последствия. Для иллюстрации обратимся к источнику. «7 ноября в 3 часа дня дети и все члены коммуны “Искра” явились в народом в парадной форме и с красными бантами на груди и вышли стройными рядами. Затем семья местного секретаря Иванова беспартийная, тоже с бантами на груди. Здесь в дверях народома встречают их два типа в пьяном виде... говоря, “что это за красная лента, это раньше только дураки любили так” и так далее вели провокацию, успокоить их было трудно потому, что они взяли пример с продработников», – указано в документе [9, л.3 об.]. По-

вествуя о поведении продработников на том же мероприятии, докладчик сообщает, что из четырех прибывших в село продармейцев двух не было на празднике, один спал на квартире пьяный, еще один – в пьяном виде арестовал одного из членов сельтройки перед праздничным спектаклем, а затем, уже после спектакля, во время танцев, нарушал правила поведения. Сообщая о ситуации, последовавшей через три дня после праздника, составитель доклада подробно изложил материал следующим образом: «Вдруг приехал старший инспектор тов[арищ] Божутин и вместе с Поповым (чрезвычайный уполномоченный уездной продтройки, один из четырех продинспекторов, работавших в селе тремя днями ранее – прим. автора) зазывают меня в отдельную комнату и стали меня подталкивать, и тов[арищ] Божутин позволил себе наложить свою руку на мое лицо. Тогда я, Сорочкин, показывая свой партбилет, говоря, что я себя считаю ни в чем невиновным и прошу выяснить мои причины или дело передать продинспекции. А самосуд делать – это незаконно. Тогда Божутин мне предъявил арест...» [9, л. 4].

Таким образом, как детальная конкретизация событий, так и частое использование особых стилистических приемов речи создают плотную фактуру информационной ткани доклада-донесения. В свою очередь такая плотность информационной ткани дает возможность коммуникатору не только передать информацию в вышестоящие партийные структуры, но и посредством особого эмоционального давления на реципиента добиться от него максимально полного восприятия информации. При этом помимо основной коммуникационной задачи – представление сведений о функциональных сбоях в деятельности органов государственной власти – коммуникатору важно было передать и сообщение другого рода – сведения, свидетельствующие о стремлении низового ответработника инкорпорироваться в среду политической элиты. Остановимся на механизме решения этой косвенной задачи доклада-донесения более подробно.

Ранее нами было отмечено, что рассматриваемый документ имеет условные вступление и заключение. Именно эти части, позво-

лили составителю доклада-донесения подчеркнуть свою принадлежность к партии большевиков, ненавязчиво указав на маргинальность своего положения. Проиллюстрируем сказанное цитатой из источника.

«Политически считаю себя безграмотным, но по долгу партии я в своем докладе должен осведомить свои вышестоящие органы, каковые может быть не так знакомы с работой на низах, а также считаю себя как оторванным верхам. А по сему, в данный момент я очутился в какой-то середине: между сельячейкой и между тех товарищей, каковые уполномочиваются свыше для проведения каких-либо работ на низах», – указано в документе [9, л. 1.]. В приведенной цитате хотелось бы обратить внимание на фразу «по долгу партии», идентифицирующую автора доклада со средой ответработников определенного уровня, и на фразу «очутился в какой-то середине», указывающую на осознание докладчиком неустойчивости своего социального статуса. В заключительной части доклада его составитель еще раз подчеркнул шаткость своего социального положения следующими словами: «Вот почему я, во первых строках своего доклада указывал, я нахожусь между двумя огнями» [9, л. 4 об.], как будто ожидая при этом от вышестоящих инстанций поддержки. Таким образом, первый шаг в решения задачи инкорпорирования в среду политической элиты посредством доклада-донесения осуществлялся через четкое сообщение о своем статусе в начале и конце подаваемого документа. Эти части документа обычно полностью прочитываются, на них обращается непроизвольное внимание, что приводит к необходимому результату – принятие информационного посыла.

В целом, упоминания о партийном долге или указания на членство в партии в докладе встречаются несколько раз. Так, излагая информацию о первой конфликтной ситуации (изъятие зерна у коммунаров и арест из-за наличия оружия) докладчик подчеркнул свою социально-политическую принадлежность следующим образом: «по долгу партии ... я должен был поздороваться с тов[арищами] продработниками, каковые мне ничего не ответили» [9, л. 2]. Совершенно очевидно, что фраза «по долгу пар-

ДОКЛАДЫ И ДОНЕСЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ НАЧАЛА 1920-Х ГГ. КАК МЕХАНИЗМ ЭЛИТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

тии» не несет смыслового содержания, однако она свидетельствует о косвенной цели докладчика – необходимости подчеркнуть принадлежность к конкретной социальной среде – среде коммунистов-ответработников. Детально излагая конфликтную ситуацию с представителями ревтрибунала, докладчик не только сообщил о том, как он предъявил представителю ревтрибунала свой партийный билет, но даже указал номер этого билета. При этом особо было уточнено о том, что он, Сорочкин, является членом волостного парткома [9, л. 2]. Повестью о своей вынужденной дороге в с. Бешенцево (необходимое подчинение представителям ревтрибунала из-за наличия винтовки), докладчик упомянул отрывок из разговора с одним из сопровождавшие его ответработников: «партии и ваш нажим здесь ни к чему» [9, л. 2 об.]. Представляя сведения о конфликте во время празднования годовщины революции, докладчик отметил, что показал свой партбилет представителю проинспекции после полученного от продкомиссара удара по лицу [9, л. 4.]. Интересно, что даже в заключительной части доклада его составитель, высказывая свои пожелания в отношении подбора продработников, еще раз упомянул о членстве в партии. Однако на это раз им критиковалась деятельность проинспекторов: «А что касается тов[арища] Арсеньева, то он на все это смотрел спустя рукава. А еще является членом партии. В отношении Попова я должен сказать, что таким тов[арищам] не место в наших комрядах. А он – полный алкоголик и жандарм» [9, л. 4 об.]. Из данного примера очевидно, что членство в партии в начале 1920-х гг. не только означало особый социальный статус человека. Вступление в большевистскую партию давало возможность вхождения в среду низовых ответственных работников. Более того, судя из источника, можно говорить о том, что в тот период времени членство в РКП(б) и занятие какой-либо ответственной должности фактически отождествлялись. Таким образом, перед нами второй шаг в решении задачи инкорпорации посредством доклада-донесения. Это отправка в среду политической элиты информационного посыла:

«Я состою в рядах партии», – посредством многократного его упоминания в докладе-донесении, превращая тем самым его в подобие слогана.

Очевидна попытка составителя документа обратить внимание на трудности в своей административной работе, которые объяснялись особым настроением крестьянства в условиях нэпа. Приведем выдержки из документа: «В связи с нэп[ом] и продполитикой мне приходится трудно вести работу среди деревенских коммунистов» [9, л. 1]; «В такое смутное время можно было ожидать всего, так, что кулачеству было на руку» [9, л. 2 об.]. На наш взгляд, такие «напоминания» вышестоящим структурам о нэпе объяснялись и необходимостью подчеркнуть значимость своей деятельности в роли руководителя крестьянской коммуны и стремлением донести информацию о том, что в качестве низового ответработника докладчиком делается весь необходимый объем работы. Подобным образом закодировано передавалась мысль: «я – свой в среде партийных работников». Детализированность и экспрессивность языка сообщения давала докладчику возможность тщательно указать на ошибки других ответработников и в то же время подчеркнуть свой уровень компетентности. Ряд ранее приведенных цитат можно рассмотреть в качестве примеров, подтверждающего эту мысль. В результате, в сознание вышестоящих партработников транслировался поведенческий паттерн их подчиненного. Суть этого паттерна можно передать следующими словами: «Я как ответработник выполняю свой партийный долг». Это создавало положительный образ работника в представлении вышестоящих структур. В итоге, местная политическая элита расценивала компетенции работника как соответствующие компетенциям, предъявляемым к должностным лицам, и тем самым одобряла его вхождение в свою среду. Таким образом, улавливается третий шаг в решении задачи инкорпорации в среду элиты. Это уточнение мысли: «Я состою в рядах партии» – до идеи: «Я свой в среде партработников, я выполняю свои должностные функции, как того требует партия».

Наконец, особого внимания требует последний абзац доклада. Он следует за введенными в текст доклада лозунгами раннесоветской эпохи «Да здравствует борьба. Борьба с бюрократизмом да сгинет навсегда», «Да здравствует III Коминтерн». Подобное размещение информационного посыла нацелено на то, чтобы заставить обратить на себя внимание волостного комитета партии. В своих последних словах докладчик выразил надежду на то, что вышестоящие органы «не оставят безответными, в скором времени дадут те или иные указания и исправят мои (т.е. Сорочкина – прим. автора) ошибки, и я опять возьмусь за работу» [9, л. 5]. Таким образом, это был четвертый шаг инкорпорации: необходимость донести посыл «Если я не прав, то готов исправиться и быть вместе со всеми ответработниками, должным образом выполняющими задачи государства и партии».

Подведем итоги предпринятого анализа исторического источника.

Содержание докладов-донесений местных партработников и ответработников начала 1920-х гг. позволяет констатировать факт незавершенности оформления политической элиты как единой социальной группы. Рассмотренный нами исторический документ четко показал, что, с одной стороны, деревенский партработник в начале 1920-х гг. был в крестьянской среде, он еще не вписался в механизм функционирования государственной власти, представленной множеством ведомств и системной иерархичностью. С другой стороны – любая конфликтная ситуация на уровне взаимодействия различных политических институтов, а в начале 1920-х гг. такая конфликтная ситуация могла возникнуть в процессе осуществления продкампании, заставляла низового работника осознать свою причастность к слою партуправленцев. Такое восприятие своей новой социальной роли важно было закрепить и в своем сознании, и в представлениях вышестоящих по должности партработников. В связи с этим доклад-донесения низовых ответственных работников, имеет смысл рассматривать в качестве механизма инкорпорации таких работников в среду политической элиты.

Институциональность данного механизма элитной инкорпорации проявляется в том,

что возможность партработника представить доклад в вышестоящие партийные органы определялась соподчинением ролей: рядовой коммунист – партячейка, низовой партработник – волостной комитет и т.д. Выстраивание каналов связи комитетов РКП(б) с различного уровня низовыми партработниками обеспечивало деятельность партии как замкнутой системы, а значит и способствовало корпоративному единству партийной номенклатуры.

Функциональный аспект рассматриваемого в статье механизма консолидации политической элиты представлен возможностью составителя доклада-донесения в процессе представления основных сведений о сбоях в работе институтов власти повлиять на номенклатурных работников более высокого уровня, сформировав в их сознании мысль о причастности низовых ответработников к тому же социальному слою, что и они. При этом важно было заявить о своем партийном долге, о добросовестном выполнении партийных обязательств, что несло скрытую информацию о принадлежности докладчика к той же среде, что и вышестоящие партработники. Таким образом, низовой партработник инкорпорировался в среду местной политической элиты. Заметим, что такой функциональный аспект достигался в том числе и через особую подачу сведений в докладе. Плотность информационной ткани, о которой мы сообщали в представленной статье, создавая экспрессивность донесения, позволяла реципиенту, в роли которого выступала партноменклатура из вышестоящих партийных органов, наиболее полно воспринять сведения о принадлежности низового партработника к своей социальной среде.

Отметим, что выдвинутая нами гипотеза требует дальнейшего подтверждения посредством привлечения широкой источниковой базы. Таким образом, необходимо дальнейшее и более детальное изучение докладов и донесений низовых партработников в контексте коммуникативных практик 1920-х гг.

Литвинова Оксана Александровна – кандидат исторических наук, доцент

ДОКЛАДЫ И ДОНЕСЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ НАЧАЛА 1920-Х ГГ. КАК МЕХАНИЗМ ЭЛИТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

Список литературы:

1. Литвинова, О.А. «Апеллирование к власти». Заявления и жалобы населения Сибири в 1920-е гг. в ракурсе социально-психологического анализа советского общества // Проблемы истории и культуры в современном мире: сб. научных статей. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016. – С. 125–134.
2. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991: Пер. с фр. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
3. Дементьев, Б.П. Советские и партийные элиты: реализация власти в обществе // Материал конференции «КПСС и номенклатура в советском обществе» (Декабрь 2005 – февраль 2006 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=201
4. Олех, Г.Л. Чиновничество РКП(б) в начале 1920-х гг. По материалам сибирских архивов // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaimka.ru/power/olekh4.shtml>
5. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы, 1917–1920 гг. – М., 1998. – 257 с.
6. Павлюченков, С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. – М., 2008. – 464 с.
7. Шабалин, В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. – № 2(22). – С. 159–166.
8. Кузнецов, И.В. Неформальные коммуникативные практики советской провинциальной элиты 1920-х годов // Диалог. – 2016. – № 2(3). – С. 21–25.
9. Доклад Е. Сорочкина Белоярскому волпарткому // Государственный архив Алтайского края. (ГААК). Ф. П-6. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–5.
10. Литвинова, О.А. «Апеллирование к власти». Заявления и жалобы населения Сибири в 1920-е гг. в ракурсе социально-психологического анализа советского общества // Проблемы истории и культуры в современном мире: сб. научных статей. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016. – С. 125–134.
11. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991: Пер. с фр. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
12. Дементьев, Б.П. Советские и партийные элиты: реализация власти в обществе // Материал конференции «КПСС и номенклатура в советском обществе» (Декабрь 2005 – февраль 2006 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=201
13. Олех, Г.Л. Чиновничество РКП(б) в начале 1920-х гг. По материалам сибирских архивов // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaimka.ru/power/olekh4.shtml>
14. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы, 1917–1920 гг. – М., 1998. – 257 с.
15. Павлюченков, С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. – М., 2008. – 464 с.
16. Шабалин, В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. – № 2(22). – С. 159–166.
17. Кузнецов, И.В. Неформальные коммуникативные практики советской провинциальной элиты 1920-х годов // Диалог. – 2016. – № 2(3). – С. 21–25.
18. Доклад Е. Сорочкина Белоярскому волпарткому // Государственный архив Алтайского края. (ГААК). Ф. П-6. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–5.

REPORTS OF THE LOCAL PARTY WORKERS AT THE BEGINNING OF THE 1920-ES AS A WAY OF ELITE INCORPORATION

O.A. Litvinova

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article studies the reports of junior party workers in higher party organs as a form of communication practice. The author puts forward the hypothesis that such documents at the beginning of the 1920-s not only informed the party organs about functional problems in the work of the various administrative authorities, but also carried out the task to incorporate report authors in the stratum of the new local political elite. By accessing one of the archival documents the author revealed arguments that can serve as a basis for the stated assumption.

Keywords:

reports, official, party worker, nomenclature, political elite, social communications, food campaigns.

References:

1. Litvinova, O.A. «Apellirovanie k vlasti». Zayavleniya i zhaloby naseleniya Sibiri v 1920-e gg. v rakurse social'no-psihologicheskogo analiza sovetskogo obshchestva // Problemy istorii i kul'tury v sovremennom mire: sb. nauchnyh statej. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2016. – S. 125–134.
2. Vert, N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991: Per. s fr. – M.: Progress; Progress-Akademiya, 1992. – 480 s.
3. Dement'ev, B.P. Sovetskie i partijnye elity: realizaciya vlasti v obshchestve // Material kon-ferencii «KPSS i nomenklatura v sovetskom obshchestve» (Dekabr' 2005 – fevral' 2006 g.) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=201
4. Olekh, G.L. Chinovnichestvo RKP(b) v nachale 1920-h gg. Po materialam sibirskih arhivov // Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnyh publikacijah [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zaimka.ru/power/olekh4.shtml>
5. Gimpel'son, E.G. Sovetskie upravleny, 1917–1920 gg. – M., 1998. – 257 s.
6. Pavlyuchenkov, S. A. «Orden mechenoscev»: Partiya i vlast' posle revolyucii. 1917–1929 gg. – M., 2008. – 464 s.
7. Shabalin, V.V. «Skloka» kak sposob samoregulyacii rajonnoj elity v 1920-e gg. // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. – 2013. – № 2(22). – S. 159–166.
8. Kuznecov, I.V. Neformal'nye kommunikativnye praktiki sovetskoj provincial'noj elity 1920-h godov // Dialog. – 2016. – № 2(3). – S. 21–25.
9. Doklad E. Sorochkina Beloyarskomu volpartkomu // Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja. (GAAK). F. P-6. Op. 2. D. 27. L. 1–5.
10. Litvinova, O.A. «Apellirovanie k vlasti». Zayavleniya i zhaloby naseleniya Sibiri v 1920-e gg. v rakurse social'no-psihologicheskogo analiza sovetskogo obshchestva // Problemy istorii i kul'tury v sovremennom mire: sb. nauchnyh statej. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2016. – S. 125–134.
11. Vert, N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991: Per. s fr. – M.: Progress; Pro-gress-Akademiya, 1992. – 480 s.
12. Dement'ev, B.P. Sovetskie i partijnye elity: realizaciya vlasti v obshchestve // Material konferencii «KPSS i nomenklatura v sovetskom obshchestve» (Dekabr' 2005 – fevral' 2006 g.) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=201
13. Olekh, G.L. Chinovnichestvo RKP(b) v nachale 1920-h gg. Po materialam sibirskih arhivov // Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnyh publikacijah [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zaimka.ru/power/olekh4.shtml>
14. Gimpel'son, E.G. Sovetskie upravleny, 1917–1920 gg. – M., 1998. – 257 s.

ДОКЛАДЫ И ДОНЕСЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ НАЧАЛА 1920-Х ГГ.
КАК МЕХАНИЗМ ЭЛИТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

15. Pavlyuchenkov, S. A. «Orden mechenoscev»: Partiya i vlast' posle revolyucii. 1917–1929 gg. – M., 2008. – 464 s.

16. Shabalin, V.V. «Skloka» kak sposob samoregulyacii rajonnoj elity v 1920-e gg. // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. – 2013. – № 2(22). – S. 159–166.

17. Kuznecov, I.V. Neformal'nye kommunikativnye praktiki sovetskoj provincial'noj elity 1920-h godov // Dialog. – 2016. – № 2(3). – S. 21–25.

18. Doklad E. Sorochkina Beloyarskomu volpartkomu // Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja. (GAAK). F. P-6. Op. 2. D. 27. L. 1–5.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ КРЕСТЬЯНАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. (ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ)

А.С. Мышко

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический природно-ландшафтный музей-заповедник
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Резюме

На основе архивных данных музея-заповедника, а так же актов книги поступлений анализируется технологический процесс изготовления обуви крестьянами, что являлось домашним ремеслом каждой семьи. Впоследствии, весь этот процесс перешел в профессиональный кустарный промысел, и позже в фабричное машинное производство. Об этом свидетельствуют статьи справочной литературы, где описание технологического процесса совпадает с данными о крестьянском домашнем ремесле. С помощью этого ремесла, почти каждый хозяин был в состоянии обути всю свою семью, выполняя последовательно все операции от изготовления инструментов и приспособлений и до непосредственно шитья.

Ключевые слова:

колодка, намет, бутыл, дратва, голенища, головки, переда, задники, береста, пришива, свиная щетинка, деревянные гвоздики, кожа, стопа человека, выворотная обувь, шитьё.

Обувь должна соответствовать форме стопы, предохранять ее от изменений, не затруднять движений, не вызывать давлений, соответствовать условиям климата, времени года, бытовым и трудовым условиям [3. с 402].

Зверев Иван Аркадьевич, 1915 г.р., с. Орловка Глубоковский р-н.: В «бутылах» нога спит [2].

Информатор Акулова Т.Д.: изготовлением «обуток» занимались многие, причём были хорошие мастера [2, запись 1973 г. с. 1–3]

Технологический процесс изготовления обуви состоит из следующих операций: 1. Раскрой материала; 2. Предварительная обработка деталей; 3. Пошивка заготовки на колодке; 4. Прикрепление к отформованному верху деталей низа и отделке готовой обуви [3. с. 402].

Прежде всего, необходимо заготовить все потребные инструменты и материал. Так как сапожную работу во многих случаях нельзя переделывать, то нужно работать

очень аккуратно, внимательно и не торопясь [5. с. 116].

Работа начинается со снятия мерки. Прежде это делалось по обычаю: мерилась полоскою длина ступни, ширина ее у основания пальцев (в пучке) и окружность в подъеме прямо и через пятку, и каждый мастер по своему соображению прибавлял немного в длину, и убавлял в обхвате, чтобы сапог хорошо сидел.

По мерке надо выбирать соответствующую деревянную колодку, на которую сапог натягивается во время работы. Выбрав колодку, надо выкроить по мерке части сапога передок, задник, голенище. Правильное построение выкройки важно с экономической стороны. Кожа материал дорогой и неоднородный, поэтому каждую часть сапога выкраивают из соответственного места кожи. Подошва выкраивается из хребтовой части шкуры [4. С. 381–383].

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ
КРЕСТЬЯНАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.
(ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ)

Палкин С.И., 1907 г.р. пос. Ново-Ульбинка рассказывал: С помощью «намётов» (лекал) делали выкройки деталей, подбирая кожу по качеству для низа и верха [2].

Зверев Иван Аркадьевич, 1915 г.р., с. Орловка Глубоковский р-н: «Бутыл» состоял из нескольких деталей: «голенище», «головки», «переда», «задники», «почвы». Для каждой детали имеются свои «наметы» (лекала). Головку кроили по наметам, а голенища без них [2].

Гусева А.С., 1935 г.р. с. Бобровка вспоминала: На каждого члена семьи были заготовлены колодки и намёты из дерева. Отдельно выкраивали «почву», (подошву) «голяшки», (голенища) «переда» [2].

Акт 97-78 Гик 8-1700 Колодка в форме стопы человека для пошива детской обуви, грубой обработки. Пятка резко переходит в стопу, срез составляет угол 45 градусов. Носок обструган, на нижней стороне имеется разрез, очевидно от действий острого предмета. Принадлежали Полторанину Андрею Герасимовичу 1881 г. р. Житель с. Бутаково. Колодки изготовлены им самим в начале XX века. После смерти остались у жены.

В каждом крестьянском хозяйстве, обязательно были инструменты и приспособления для шитья обуви, а так же для обработки кожи. Об этом свидетельствует большое количество колодок, наметов (лекал) и прочего инвентаря, находящегося в фондах музея-заповедника и собранного в деревнях области.

Акт 10-77 Переданные экспонаты в свое время были изготовлены дедом Карташевой Александры, Филимоновым Сидором Гурьяновичем, 1852 года рождения, уроженца села Быструха. Сидор Гурьянович был искусным мастером – столяром, он изготавливал для своих односельчан предметы необходимые в хозяйстве. Гик-4-938 Лекало для выкройки рукавиц. С обеих сторон вырезаны рельефные следы большого пальца, с одной стороны – инициалы «Р.Ф.А.» Гик-4-940 Намёт на подошву бутылла. Овальной формы с одной стороны инициалы «Р.С.» Гик-4-941 Намет на подошву бутылла. Овальной формы, с одной стороны вырезано: «длина – 32». Гик-4-942 Намёт для бутылла длина 30,8 см. В передней части с клеймом «ТР», конькообразной формы. Гик-4-943 Намёт для передка бутыл.

Плоский, конькообразной формы. Гик-5-952 Лекало для выкройки рукавиц. Из толстой доски, представляет собой стилизованную фигуру, напоминающую прямоугольный треугольник с двумя закругленными и одним урезанным углом. Возле другого угла – отверстие и зарубки.

Акт 26-78 Намёты принадлежали Бородулиной Антонине Леонтьевне 1900 года рождения, уроженке с. Орловка. Намёты изготовил ее муж Бородулин Николай Калиострович, 1901 г. р., уроженец с. Орловка.

Акт 76-78 Намёты принадлежали Колесниковой Марии Ивановне 1904 года рождения, уроженке с. Бутаково. Намёты изготовил ее муж Колесников Максим Степанович, 1901 г. р., в 40-е годы.

Акт 73-78 Намет принадлежал Колмаковой Александре Фадеевне 1878 года рождения, уроженке с. Бутаково. Намёт изготовил ее муж Колмаков Иван Аркадьевич, 1878 г. р., в 20-е годы, наметом пользовался сам.

Акт 20-78 Принадлежал Ананьеву Трофиму Емельяновичу 1900 года рождения, уроженцу с. Мало-Убинка. Колодки (намёты) изготовил сам, для шитья бутыл.

Для вырезания заготовок из кожи, пользовались, вероятно, специальными ножницами, которые имеются в фондах музея-заповедника.

Гик 17-5560 Акт 1190-79 Ножницы самокованные, скрепленные гвоздём, режущие концы в верхней части полукругом. Другие концы, суженные и загнутые, а на самых концах небольшие завитушки. Принадлежали Лукьянову Ануфрию Ивановичу, 1901 г. р., участнику ВОВ, проживающему в с. Бутаково. Ножницы изготовил сам в кузнице, использовал для шитья бутыл.

Первыми операциями сборки являются формирование верха обуви на колодке. При формировании производятся основные вытягивание заготовки, заготовка устанавливается на колодку и закрепляется на стельку (обтяжка и затяжка). Обтяжка – операция формования заготовки, заключается в растяжении и обтягивании заготовки по колодке, установке деталей заготовки в требуемое положение и предварительном закреплении заготовки на колодке. В обтянутом состоянии заготовка должна быть правильно расположена на ко-

лодке, плотно облегать ее. Затяжка – окончательное формирование верха обуви. Плоские детали верха обуви формируются за счет высокой эластичности материала (кожи) и способности их сокращаться в поперечном направлении на величину, примерно равную вытяжке в продольном направлении [3. с. 397].

Кузнецова Е.И.: «...обутки и бутылы» одно и то же их шил отец. Мазал дёгтем раз в месяц. Обувь шили на деревянных колодках. Обувь на правую и левую ногу кроилась одинаково» [2].

Информатор: Бережнёва Мария Михайловна, 1924 г.р., уроженка с. Яры Большенарымского района ВКО, работала на прииске в Нарымке, проживает в Зырянске с 1950 года: А папаша-то (матери) богатый был, он сам шил «обутки», и «бутылы» называли. Колодки были у него [2].

Колодка обувная. Приспособление для придания обуви необходимой формы и сохранения ее в процессе производства. По назначению делятся на затяжные (для формования и закрепления заготовок), гладильные (для глажения подошв), отделочные (для отделки верха обуви). Изготавливаются из древесины, металла, пластмассы. Наиболее распространены деревянные древесины граба, бука, клёна и берёзы. Металлические колодки применяются при вулканизации и формовании. Деревянные колодки изготавливают из кряжей древесины длиной 2 м диаметром 30–40 см, кряжи распиливают, получают болванку. Болванки обтачивают начерно по контуру, затем пропаривают и высушивают, выдерживают 7–10 дней и окончательно обтачивают [3. Т. 22 с. 18].

Вещи принадлежали Бобровой Ирине Лазаревне 1910 года рождения, уроженке с. Быструха. Достались от отца Гаврилова Семена Петровича, 1878 г.р., проживавшего в с. Быструха. Изготовил колодки сам, в конце XIX века для себя. Бутылы сшил муж Ирины Лазаревны – Бобров Кузьма Архипович, 1908 г.р., уроженец с. Быструха. Гик-6-1309 Колодка в форме стопы человека, состоит из двух частей, взём отделяется от основной части. Гик-6-1310 Колодка в форме стопы человека. Гик-6-1311 Колодка грубо изготовлена в форме стопы человека, низ плоский.

Акт 81-78 Гик 7-1568 Колодка грубо изготовлена топором, видны следы обработки. В форме передней половины стопы человека. Гик 7-1570 Колодка грубо изготовлена в форме стопы человека. Подошва плоская, концы верхней части сглажены. Сверху в области пятки сучок. Принадлежали Ляпуновой Степаниде Егоровне 1889 г.р., уроженке с. Топиха. Достались от отца Ляпунова Кирилла Демьяновича 1864 г. р., жителя с. Топиха. Колодки делал сам.

Акт 82-78 Гик 8-1585 Колодка в форме стопы человека. Во взёмную часть вставляется клин, который утрачен. Принадлежала Ларионову Николаю Кирилловичу 1890 г.р., жителю с. Зимовьё. Колодку изготовил сам в 10-х годах XX века. Пользовался при изготовлении бутыл до середины XX века.

Акт 83-78 Гик 8-1592 Колодка в форме нижней части стопы человека. Носок оббит берестой. Гик 8-1590 Колодка в форме стопы человека, подошва плоская, носок слегка загнут. Гик 8-1591 Колодка в форме стопы человека, состоит из двух частей, основной и взёмной. В обеих частях сквозные горизонтальные отверстия. Внизу в передней части с внешней стороны крепится береста. Колодки принадлежали Лукьянову Ануфрию Степановичу 1899 г.р., уроженцу с. Бутаково. Колодки изготовлены в 90-х годах XIX века его отцом Лукьяновым Степаном Фадеевичем 1852 г.р., жителем с. Бутаково, он пользовался колодками до начала 1920-х годов. После его смерти колодки перешли к Ануфрию Степановичу, которыми тот пользовался до 1940-х годов.

Колодки эти изготавливаются от руки мастерами, или в кустарном производстве машинным способом. Сапожнику приходится обыкновенно лишь выбрать наиболее подходящую к мерке и пригнать ее окончательно, срезая дерево, где следует и, набивая куски кожи, где материала недостаёт [4, с. 382].

Гик 8-1701 Колодка в форме стопы человека средних размеров. Обитая по бокам кожей, на пятке в два слоя, на передней части стопы – в три слоя. Кожа прибита металлическими гвоздями. На верхней плоскости колодки видны черные пятна. На нижней стороне дерево разъедено. Видны следы гвоздей. Принадлежали Полторанину Андрею Гера-

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ КРЕСТЬЯНАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. (ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ)

симовичу 1881 г.р. Житель с. Бутаково. Колодки изготовлены им самим в начале XX века. После смерти остались у жены.

Применяют различные способы крепления подошвы с заготовкой. Наиболее простым является метод прикрепления верха непосредственно к подошве при помощи ниток. Для упрощения и предохранения его от внешних воздействий сшитая таким образом обувь выворачивается, и строчки оказываются внутри обуви [3].

Выворотная обувь – это значит, что заготовку затягивают на колодку изнанкою верху и края пришивают к заранее прилаженной к колодке, лицом книзу, подошве, не протыкая ее насквозь [4].

Кроме строчки машинной или ручной, сапожники употребляют еще шов в один конец и тачание в два конца. При этом не пользуются иголками, а в конец пропитанной варом нити, всучивают упругую длинную щетинку, легко проникающую через прямой или изогнутый прокол, предварительно сделанный в коже шилом. Делается это для получения шва плотного, непроницаемого для пыли и воды: пока иголка проходит через прокол, отверстие в малоупругой коже она оставляет проход не вполне заполняющийся нитью. Щетинка же в заостренном конце дратвы тоньше самой дратвы, так что ее можно протянуть через отверстие равное поперечному сечению дратвы. Кроме того липкий вар приклеивается к коже и не допускает расползания шва даже тогда, когда перетирается часть дратвы, выступающий наружу. Для тачания и сшивки употребляется дратва, ссученная из пеньковой и льняной пряжи в 4–15 нитей. Перед употреблением дратву слегка воцат, чтобы она лучше скользила в прокол [4, с. 381–383].

Информатор: Осинина (Савельева) Елизавета Федоровна, 1937 г.р., уроженка с. Соловьево проживала в с. Ново-крестьянка вышла замуж в 1956 году в с. Александровку, жительница г. Зыряновска с 1998 года.: У свекра стульчик был, садился, сам вырежет и шьет, шил дратвами, лен-то был, дратву прядут, пропитывали воском, а потом вот появился черный как гудрон, но это уже позже. Сапоги шил, ребятишкам тапочки, шилом прокалывал, а иголок-то не было еще, а сви-

ной волос-щетинку он проделывал. На зашивке у свиней она грубая, вот он «отеда» вырезал. А иголки сами вытачивали из проволоки» [2, Отчет по результатам экспедиции в г. Зыряновск с 15 по 25 октября 2008 года сотрудниками отдела русской этнографии].

Палкин С.И., 1907 г.р. пос. Ново-Ульбинка рассказывал: «Шили на изнанку, затем выворачивали. Начинали шить с носка, оставляя открытым задник. Для шитья использовали дратву, шило и свиную щетинку. Когда шили, то оба конца дратвы держали во рту, постоянно скручивали щетинки, чтобы они проходили в маленькую дырочку. Некоторые вместо щетинки использовали тонкие иголки. Были и большие мастера своего дела, старший брат, за день сшивал две пары «бутыл» [2, записал сотрудник отдела русской этнографии Мышко А.С. 1998 год].

Зверев Иван Аркадьевич, 1915 г.р., с. Орловка Глубоковский р-н.: Во время шитья применялось шило, а без иглы, вместо иглы свиная щетинка. Во время шитья «бутыл» сшивали переда с голенищем, задник с передом и т.д. В шов вставляется кожаный ремешок – прошва. В результате чего «бутыл» не пропускает воду. [2, 1\6, запись 1973 г. с. 1–3].

Акт 93-86 КП 8-17128 Шило сапожное самодельное длина – 15,6 см. Состоит из двух частей: заостренного металлического стержня и деревянной ручки. Толщина металлического стержня 3 мм. Диаметр деревянной ручки – 3 см. Круглое шило использовал сапожник во время работы. Принадлежало Ольчикену Иосалиму 1905 г.р., житель с. Маралиха Курчумского района.

Прошито изделие снимается с колодки и выворачивается, начиная с пятки. Это можно сделать, пока подошва еще влажна и мягка. Вывороченная обувь опять надевается на колодку, подошва проглаживается, отделяется урез и прибивается деревянными гвоздями каблук [4, с. 383].

Гвозди деревянные изготавливаются из клёна, механически, дырки для них прокалывают шилом форштиком, как раз через всю толщину кожи, для чего на форштик надевают кусочки кожи, пока длина его свободной части станет как раз подходит для предстоящей работы. Дырки необходимо прока-

лывать прямо, косо вколоченные гвозди, держат слабо [4, с. 383].

Гик 13-3972 Акт 584-78 Бутыл – кожа черного цвета пришит к голенищу потайным швом, в шов вставлена прокладка. Пятка в два слоя, прибита деревянными гвоздями в один ряд. Голенище по шву разрезано, вверху и завернуто. Отворот имеет серый цвет. Принадлежал Литвинову Александру Федоровичу, 1912 г.р., жителю с. Бутаково. Шил бутыл его отец, Литвинов Федор Иванович, 1881.

Деревянные гвозди берутся такого размера, чтобы, пройдя подошву и стельку, они только коснулись колодки. Подметка прибивается тремя временными гвоздями, а деревянные гвозди забиваются гораздо чаще, и притом не менее как в два или три ряда в шахматном порядке. Вбиваются деревянные гвоздики так: прямым коротким шилом прокалывается дырка, вставляется в нее шпилька и вбивается с одного удара. Чтобы гвоздик входил легче, следует перед прокалыванием втыкать шило в кусок мыла или воска. Вбивание деревянных гвоздей требует большого навыка [5, с. 117].

Зверев Иван Аркадьевич, 1915 г.р., с. Орловка Глубоковский р-н.: Деревянные гвоздики применяли для большей прочности [2, 1/6, запись 1973 г. с. 1–3].

Палкин С.И., 1907 г.р. пос. Ново-Ульбинка рассказывал: Под пятку для жесткости подставляли бересту, прибавляли деревянными клинышками [2, записал сотрудник отдела русской этнографии Мышко А.С. 1998 год].

Информатор: Осинина Софья Николаевна 1919 г.р., уроженка с. Александровка, проживала там до 72 лет. Обувь «чирки» называется, я тятины сдала в музей. У нас тятя всё выкроет, сошьет, а «в пяточку» бересту вкладывает, а потом зашивает [1, Отчет по результатам экспедиции в г. Зыряновск с 15 по 25 октября 2008 года сотрудниками отдела русской этнографии].

Гик-13-3967 Акт 578-78 Береста предназначена для задников бутыл, тапок. Четыре куска бересты прямоугольной формы. Принадлежала Серовой Акулине Ивановне, жит с. Орловка. Бересту заготавливал муж, Тетерин М.А.

Гик-17-5363 Акт 1165-79 Кора березы. Девять прямоугольных полосочек березовой

коры. Имеют коричневый цвет длина – 26 см, ширина – 7 см, толщина – 0,4 см. Кора березовая принадлежала Вдовиченко Анне Федоровне 1921 г.р., жительнице г. Лениногорска. Досталась от отца Урванцева Семена Калиостровича 1900 г.р. Урванцев жил в Лениногорске, занимался шитьем сапог. Кору березовую подкладывал в подошвы сапог и делал задники.

Гик 17-5506 Акт 1190-79 Береста для бутыл. Два больших пучка бересты, связанных прутком, один пучок из 10 широких полосок, а второй из 10 полосок поменьше. У полосок одна сторона коричневая, другая белая. Принадлежали Лукьянову Ануфрию Ивановичу, 1901 г.р., участнику ВОв, проживающему в с. Бутаково.

Гик 26-9460 Акт 127-81 Заготовка бересты 10 прямоугольных полосок (22Х6 см) сложенных в стопку и перевязанных в двух местах полосками ивовой коры. Экспонаты привезены с с. Александровка Глубоковский район 25 июля 1981 г. Поляков Денис Алимневич, житель с. Александровка.

Для более удобной и эффективной работы при шитье и ремонте обуви, крестьяне использовали самодельные деревянные тисы – пришвы.

Акт 76-78 Вещи принадлежали Колмаковой Марии Алексеевне 1897 года рождения, уроженке с.Бутаково. Пришву и колодки изготовил и использовал ее муж Колмаков Фома Сафонович, 1897 г. р., урож. с.Бутаково изготовил в начале 1920-х годов. Гик-7-1427 Пришва. Вертикальная часть крепится к основанию с помощью шипа. Подвижная часть крепится двумя ремешками, ремешки прибиты гвоздиками. Винт и ручка металлические, под шляпкой кожаные, под ручкой – металлические прокладки. На концах тисов набиты деревянные планки.

Акт 311-78 Принадлежала Шматовой Лукерье Денисовне, 1909 г.р., жительнице с. Бутаково, досталась от отца Гаврилова Дениса Макаровича 1873 г.р., который изготовил пришву сам в 1895 году. Гик-10-2497 Пришва. Вертикальная часть крепится к основанию с помощью шипов. Вертикальная часть в виде тисов, обе ее части скреплены металлическим шарнирным креплением. Шарниры на шурупах. Тисы сжимаются

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ
КРЕСТЬЯНАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.
(ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ)

с помощью деревянного винта, винт вращается за ручку. Ручка точеная фигурная [1].

Таким образом, каждый крестьянин, в процессе своего жизнеобеспечения, занимался изготовлением обуви для всей семьи.

Весь технологический процесс строго исполнялся. Необходимый инвентарь, инструменты, приспособления и материалы, делались самим хозяином, причем для каждого члена семьи.

Мышко Андрей Степанович – старший научный сотрудник отдела русской этнографии

Список литературы:

1. Акты приёма экспонатов Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея – заповедника (ВКОАЭПМЗ).
2. Архив ВКОАЭПМЗ.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Введенский Б.А. в 30-ти т. Т. 22. – М.: Большая советская энциклопедия, 1952. – 628 с.
4. Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь. В 86-ти т. Т. 56. – СПб, 1900.
5. Федотов, Е. Домашний ремесленник. – Челябинск: Юж.-Ур. КИ, 1992. – 176 с.

TECHNOLOGICAL PROCESS OF MANUFACTURING OF LEATHER FOOTWEAR BY PEASANTS OF SOUTHWESTERN ALTAI AT THE END OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (TOOLS AND ACCESSORIES)

A.S. Myshko

East Kazakhstan Regional Architectural and Ethnographic Natural Landscape Museum-Reserve
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Abstract

The technological process of making footwear by peasants is analyzed on the basis of the archive data of the museum-reserve, as well as on the acts of the book of receipts. This process was the home craft in each family. Later, the whole process transformed into professional handicrafts, and subsequently into factory machine production. It is indicated in the articles of reference literature, where the description of the technological process coincides with the data on the peasant home craft. Almost every owner was able to shoe his family with the help of this craft. They performed all the operations consistently from the manufacture of tools and appliances and to sewing itself.

Key words:

shoetree, coating, bootly, shoe-thread, boot tops, vamps of boots, foot fronts, counters of shoes, birch bark, front drive of loom, hog hair, small wooden nails, leather, man's foot, turnable shoes, sewing.

References:

1. Akty priyoma ehksponatov Vostochno-Kazahstanskogo oblastnogo arhitekturno-ehtnograficheskogo i prirodno-landshaftnogo muzeya – zapovednika (VKOAEHPLMZ).
2. Arhiv VKOAEHPLMZ.
3. Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya / gl. red. Vvedenskij B.A. v 30-ti t. T. 22. – M.: Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya, 1952. – 628 s.
4. Brokgauz, F.A., Efron, I.A. Ehnciklopedicheskij slovar'. V 86-ti t. T. 56. – SPb, 1900.
5. Fedotov, E. Domashnij remeslennik. – Chelyabinsk: YUzh.-Ur. KI, 1992. – 176 s.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Т.Г. Недзелюк

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
г. Новосибирск, Россия

Резюме

Статья посвящена проблемам обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в Российской Федерации. Уголовно-исполнительное законодательство нашей страны предусматривает ряд особенностей в реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания. Практика деятельности учреждений и органов системы исполнения наказаний показала, что возможности проповеднической деятельности различных конфессий, оказываемая ими социальная, гуманитарная и иная помощь могут и должны использоваться для повышения эффективности нравственного и духовного воспитания осужденных.

Ключевые слова:

свобода совести, свобода вероисповедания, исправительные учреждения, осужденные, религиозные конфессии, международное право, уголовное и уголовно-исправительное законодательство.

Проблема обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных относится к числу актуальных и активно обсуждается в обществе. Аспектов для дискуссии несколько. Первый: места лишения свободы – места покаяния, а потому количество «обращений» там в разы больше, чем «на воле». Именно в таком аспекте видит ситуацию «широкая православная общественность», приводя следующую статистику: общее количество верующих в целом по России – 70 %, в местах лишения свободы – 84,4 %; из них православных 66 %, среди заключенных – 76 %; россиян, посещающих церковные службы раз в месяц и чаще 8 %, среди заключенных – 55,6 % [Православие, 2017]. Насколько репрезентативна данная статистическая выборка, судить не можем, однако аналогичные результаты дает и Левада-центр [Левада, 2017]. Второй аспект: профессор Московской Духовной Академии, популярный общественный деятель современности, диакон Андрей Вячеславович Кураев, утверждает, что «религиозность людей коррелирует с кучей положительных качеств, а потому

для России распространение религии будет полезным» [Кураев, 2017]. Аспект третий: в тюрьмах и ИТУ это просто форма времяпрепровождения, гарантированный законом вариант проведения досуга, не имеющий ничего общего с верой и нравственностью.

Актуальность темы определила цель исследования – изучение условий обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания заключенных. Постановка цели подразумевает ряд взаимосвязанных задач:

- характеристику уголовно-исполнительного законодательства РФ в сфере обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания заключенных;
- анализ проблем, связанных с реализацией права осужденных и заключенных на свободу совести и свободу вероисповедания;
- описание новаций законодательства в сфере обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания заключенных.

Сложилась историографическая традиция в изучении темы. Хочется отметить географический ареал исследовательского сообщества: о соблюдении прав человека в уч-

реждениях уголовно-исполнительной системы на территории Сибирского федерального округа пишет Н.А. Волков [2, с. 147–150], проблемы как регионального, так и общегосударственного формата затрагиваются в работах самарских и саратовских авторов Д.Э. Марченко, М.А. Яворского, Н.И. Насирова [9, с. 46–50; 12, с. 130–132].

Аналогичные вопросы решаются на просторах бывшего СССР, а ныне в государствах-участниках СНГ [1, с. 4–7; 11, с. 49–53] и в дальнем зарубежье [26, с. 524].

Тюремные священнослужители – не нонсенс современности, священническое служение в тюрьмах несли еще с периода средневековья как европейские, так и православные духовные наставники; право на последнюю исповедь и отпущение грехов перед казнью всегда воспринималось в обществе адекватно как последняя воля преступника [4, с. 74–81]. Теоретики уголовного и уголовно-исполнительного права отмечают особенности социума мест изоляции осужденных [8, с. 376].

Примечательно, что изучение столь сложной и дискуссионной проблемы не остается без внимания молодых исследователей [5, с. 475–478, 25, с. 63–67].

Наконец, расставляя точки над «і» и подводя итог дискуссиям, А.М. Смирнов и М.В. Щербакова постулируют: право осужденных к лишению свободы на свободу совести и вероисповедания является конституционным, гарантируется Основным законом, а потому подлежит теоретическому изучению, нормативно-правовому регулированию и практическому обеспечению [27, с. 2–5; 31, с. 222–227].

Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации.

Свобода совести относится к личным демократическим свободам, закрепляемым политическими и правовыми нормами и определяющим положение личности в обществе. Под свободой совести понимается право каждого человека сделать выбор: руководствоваться ли ему в оценке своих действий и мыслей религиозными постулатами или игнорировать их. Каждому предоставляется право не только исповедовать свою религию,

но и менять ее. Ст. 18 Всеобщей декларации прав человека [3], ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах [10], ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [16] провозглашают свободу религиозных убеждений как одно из основных прав человека.

Конституция Российской Федерации (ст. 28) [7] гарантирует каждому гражданину свободу совести и вероисповеданий, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими людьми любую религию или не исповедовать никакой. Порядок реализации рассматриваемого конституционного права установлен Федеральным законом 1997 г. "О свободе совести и о религиозных объединениях" [21]. В соответствии со ст. 3 данного закона гражданам России, иностранным гражданам и лицам без гражданства гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, право свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Закон не допускает установления преимуществ либо ограничений в зависимости от отношения человека к религии. Воспрепятствование осуществлению данного права запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом. Гарантированность реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания обеспечивается в том числе мерами принудительного характера: уголовно-правовыми нормами (ст. ст. 136 и 138 Уголовного Кодекса Российской Федерации) [30] и нормами законодательства об административных правонарушениях (ст. 5.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации) [6]. Осужденные обладают конституционным правом на свободу совести и свободу вероисповедания, как и остальные граждане.

Однако уголовно-исполнительное законодательство предусматривает некоторые особенности его реализации, обусловленные спецификой статуса осужденного, а также видом отбываемого им наказания. Так, осужденные к ограничению свободы обладают не *правом*, а *законным интересом* на посещение мест богослужений, находящихся за пределами исправительных центров (ч. 3 ст. 14

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [28].

Осужденный, отбывающий наказание и желающий принять участие в религиозных таинствах, должен обратиться с просьбой об этом к администрации того учреждения системы ФСИН, где он отбывает наказание. При рассмотрении просьбы осужденного администрация места заключения учитывает не только особенности соблюдения режима, поведение осужденного, но также место расположения культового учреждения. Осужденные, отбывающие наказания, связанные с изоляцией от общества, могут осуществлять религиозные обряды только в пределах учреждений, исполняющих наказания. В этих целях на территории таких учреждений за последние годы возведены храмы, открыты молитвенные комнаты и иные специальные помещения. Закон (ч. 2 ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, ст. 13 ПВР ИУ) ограничивает возможность реализации осужденными права на свободу совести и свободу вероисповедания лишь условием, что при этом не должны нарушаться порядок и условия исполнения наказания, а также ущемляться права и законные интересы других лиц. В данном случае имеются в виду не только режимные моменты содержания, но и интересы других осужденных.

Федеральной службой исполнения наказаний РФ и ее территориальными органами заключаются договоры о сотрудничестве с религиозными конфессиями, закреплении приходов, отдельных священнослужителей за учреждениями уголовно-исполнительной системы. Практика деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с убедительностью показала, что возможности проповеднической деятельности различных конфессий, оказываемая ими социальная, гуманитарная и иная помощь могут и должны использоваться для повышения эффективности нравственного и духовного воспитания осужденных.

Принцип гуманизма, лежащий в основе всего уголовно-исполнительного законодательства, проявляется и в отношении к тем осужденным, жизнь которых находится в опасности ввиду тяжелой болезни или должна быть принудительно прервана в связи

с приведением в исполнение приговора суда. Так, по их просьбе в учреждения, исполняющие наказания, приглашаются священнослужители для совершения религиозных обрядов. Практика деятельности исправительных колоний особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы показывает, что нередко даже закоренелые преступники, ранее не веровавшие, в последние часы своей жизни обращаются к религии [11, с. 52].

Актуальные проблемы обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных. Группа прав и свобод, связанных с реализацией жизненно важных потребностей гражданина, включает в себя, в том числе, и право на свободу вероисповедания. Принято считать, что степень реализации этих прав выступает показателем степени демократичности в обществе, характеризует уровень его цивилизованности. Система личных прав осужденных к лишению свободы носит немного иной характер. Согласно предписаниям правовых норм, лица, отбывающие наказание, лишены права на неприкосновенность жилища, права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства и т.п. Право осужденных на свободу совести и вероисповедания является закрепленной нормами уголовно-исполнительного права обязанностью администрации мест лишения свободы предоставить возможность заключенным открыто исповедовать религиозные догмы, совершать религиозные обряды, следовать своему вероучению.

Практика реализации указанного права в местах лишения свободы начала складываться еще в период Советского Союза: в 1990 г. был принят закон РСФСР о свободе вероисповеданий, обеспечивающий возможность реализации прав граждан на свободу вероисповедания на уровне международных стандартов. Складывалась практика обеспечения религиозных обрядов в местах лишения свободы.

На сегодняшний день процесс реализации рассматриваемого права состоит из трех основных стадий. Первая: стадия обращения осужденного за осуществлением его права исповедовать религию (внешним образом проявлять свою веру). Вторая: стадия создания необходимых условий для практического

осуществления права осужденных на свободу вероисповедания. Третья: стадия защиты права в случае его нарушения.

Обязанная сторона – администрация исправительного учреждения принимает заявки от осужденных, разъясняет осужденным их права и обязанности, вытекающие из их специального правового статуса, выясняет особенности той религии, которую исповедуют подавшие заявления заключенные, проводит консультации с экспертами, определяет круг условий, которые необходимо создать для отправления данного культа, выносит решение, оформленное в виде приказа или распоряжения.

На второй стадии администрация решает вопросы, связанные с созданием материально-технических, организационно-правовых и финансовых условий для совершения верующими осужденными религиозных обрядов и занятий религиозной деятельностью.

Имеет место на практике необходимость устранения ограничений в вопросах направления жалоб, предложений и заявлений осужденных.

Изучение практики показывает, что наиболее распространенной проблемой является предоставление помещения для религиозных нужд. В ряде регионов (Саратов, Санкт-Петербург) на территориях колоний возводятся дорогостоящие церковные сооружения, что вызывает нарекания не только осужденных иных вероисповеданий, но и Уполномоченного по правам человека в РФ.

А. Ковлер, автор монографии «Антропология права», считает, что: «Для качественного решения вопросов, связанных с осуществлением прав на свободу вероисповедания, возможно возложить на одного из сотрудников воспитательного аппарата ИТУ обязанности по взаимодействию с религиозными организациями. Наиболее сложным в создании организационных условий обеспечения совершения религиозных обрядов является выделение времени для этих целей представителям тех конфессий, религиозные обряды которых проводятся не в воскресные дни (для мусульман – пятница, для адвентистов седьмого дня – суббота) [Ковлер, 2012, с. 154].

Создание организационно-правовых условий предполагает решение следующих вопросов: организация пропускного режима

священнослужителей в ИТУ, обеспечение их безопасности, содействие верующим осужденным в их приглашении, организационно-правовое оформление религиозных общин верующих осужденных. Священнослужителю должно быть предоставлено право посещения заключенных по собственной инициативе. Администрация ИТУ отмечает, что наиболее активно заявляют о своих правах на осуществление свободы вероисповедания мужчины, нежели женщины, а среди мужчин – лица, осужденные к максимальным срокам лишения свободы (объясняют это тем, что у осужденных на небольшие сроки преобладает иная мотивация – память о семье, забота, пусть и пассивная, о родственниках, надежда на скорое освобождение).

Свобода совести в местах лишения свободы: новации законодательства. Адвокат, главный редактор журнала «Религия и право», доктор юридических наук Анатолий Пчелинцев прокомментировал принятые в апреле 2015 года поправки в российское законодательство, регулирующие порядок встреч заключенных со священнослужителями зарегистрированных религиозных организаций [Сова, 2015].

2 мая 2015 года вступил в силу Федеральный закон от 20 апреля 2015 года № 103-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливающий порядок взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями. Этот закон ввел следующие изменения и дополнения:

- В целях обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в учреждениях, исполняющих наказания, законодатель предусмотрел заключение с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашений о взаимодействии.

- В свою очередь, территориальные органы уголовно-исполнительной системы в соответствии с указанными соглашениями теперь вправе по согласованию с федеральным органом уголовно-исполнительной системы заключать соглашения о взаимодействии с зарегистрированными в установленном

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

порядке централизованными религиозными организациями.

- Требования к содержанию соглашений о взаимодействии, обязательные для включения в указанные соглашения, утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний (ч. 4.1 ст. 14 УИК РФ). Следует обратить внимание, что заключение соглашений с местными религиозными организациями не предусмотрено. Законодатель при этом не выделяет так называемые традиционные религиозные объединения и исходит из конституционного принципа равенства всех религиозных объединений перед законом. Безусловно, на практике все вышеперечисленное вызывает существенные трудности. Первые среди них: так как заключение соглашений с местными религиозными организациями законодатель не предусматривает, руководители этих религиозных организаций воспринимают «походы в зону» без особенного энтузиазма, усматривая в частых заявлениях осужденного об аудиенции со священнослужителем его желание разнообразить свой досуг, а не желание рассказать. Далее: принцип равенства конфессий поощряет желание заключенного повышать уровень своей теологической грамотности путем знакомства с религиозной литературой: сотрудники исправительных учреждений специального религиозно-педагогического образования не имеют и не знают, как отличить литературу экстремистского характера от религиозной (часто запрещая религиозную литературу из опасения, что она содержит призывы к экстремистской деятельности). Такие действия сотрудников вызывают недовольство осужденных, отбывающих наказание, обращения к Уполномоченному по правам человека.

В настоящее время ФСИН России, а также территориальными органами уголовно-исполнительной системы заключено более 80 соглашений о взаимодействии с религиозными организациями. В ч. 7 ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса РФ теперь более четко прописаны места совершения религиозных обрядов и церемоний для различных категорий лиц, отбывающих наказание:

а) осужденные, отбывающие наказание в виде ареста, а также в виде лишения свободы в тюрьмах, исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, проводят религиозные обряды и церемонии в камерах, а при возможности – в соответствующих зданиях (сооружениях, помещениях) на территории учреждения, исполняющего наказание;

б) осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях в исправительных колониях особого режима, проводят религиозные обряды и церемонии в помещениях камерного типа, а при возможности – в соответствующих зданиях (сооружениях, помещениях) на территории учреждения, исполняющего наказание;

в) осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях в исправительных колониях строгого и общего режимов, проводят религиозные обряды и церемонии в запираемых помещениях, а при возможности – в соответствующих зданиях (сооружениях, помещениях) на территории учреждения, исполняющего наказание;

г) осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях в воспитательных колониях, проводят религиозные обряды и церемонии в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от учебы или работы время, а при возможности – в соответствующих зданиях (сооружениях, помещениях) на территории учреждения, исполняющего наказание;

д) осужденные, отбывающие наказание в обычных и облегченных условиях в исправительных колониях особого, строгого и общего режимов, осужденные, отбывающие наказание в обычных, облегченных и льготных условиях в воспитательных колониях, проводят религиозные обряды и церемонии в жилых помещениях или соответствующих зданиях (сооружениях, помещениях) на территории учреждения, исполняющего наказание;

е) осужденным, водворенным в штрафной изолятор, дисциплинарный изолятор, переведенным в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа и одиночные камеры, по их просьбе приглашаются священнослужители;

ж) осужденные, отбывающие принудительные работы, проводят религиозные обря-

ды и церемонии в соответствующих зданиях (сооружениях, помещениях) на территории исправительного центра;

з) к осужденным, водворенным в помещение для нарушителей, по их просьбе приглашаются священнослужители;

и) осужденные, находящиеся в лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях, проводят религиозные обряды и церемонии в жилых помещениях, а при возможности – в соответствующих зданиях (сооружениях, помещениях) на территориях указанных учреждений.

Ст. 11 Уголовно-исполнительного кодекса дополнена ч. 7, которая предусматривает передачу религиозным организациям в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, расположенного на территориях учреждений, исполняющих наказания, и федеральных государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы.

В связи с новеллами в уголовно-исполнительном законодательстве, были внесены изменения и дополнения в п. 3 ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые предусматривают не только право религиозных организаций проводить религиозные обряды и церемонии в учреждениях, исполняющих наказания, но и право священнослужителей на личные встречи с лицами, содержащимися под стражей. Продолжительность таких встреч согласно ч. 4 ст. 14 УИК РФ может длиться до двух часов каждая без ограничения их числа. Данные встречи, в том числе для проведения религиозных обрядов и церемоний, теперь должны предоставляться отбывающим наказание наедине со священнослужителем и вне пределов слышимости третьих лиц. Таким образом, новое законодательство призвано гарантировать более эффективную реализацию свободы совести и вероисповедания в местах лишения свободы.

Насколько действенны изменения и дополнения в законодательстве, можно будет судить уже в ближайшее время. Согласно ст. 148 УК РФ, незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций

или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний является уголовно-наказуемым деянием.

Заключение. В юридической литературе говорится о том, что право осужденного на свободу совести и вероисповедания является элементом специального правового статуса осужденных как права гражданина, реализуемого в остаточном объеме. Принимая во внимание специфику правового положения осужденных, можно говорить об ограниченной реализации указанного права. Исследователь И.Г. Мнацаканян настаивает на необходимости внесения следующих поправок в российское законодательство:

1. Дополнить ст. 114 УИК РФ следующим содержанием: «С учетом имеющихся возможностей и по желанию осужденных администрация исправительного учреждения оказывает содействие в получении ими религиозного образования».

2. «На уровне Министерства юстиции РФ принять Примерное положение о порядке реализации лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, конституционного права на свободу совести и вероисповедания, включающее в себя нормы, которые невозможно или нецелесообразно закрепить на уровне закона» [11, с. 53].

Вышеперечисленные предложения встречают неоднозначные мнения в обществе. Православная общественность высказывает опасения относительно того, что религиозное образование может быть разным; не приведет ли новелла, предлагаемая не только указанным автором, но и рядом других, к идеологическому «переформатированию» сознания отбывающих наказание в сторону религиозного радикализма?

Далее: на сегодняшний день не существует специальных образовательных программ для осуществления религиозного (или религиозоведческого?) образования в местах лишения свободы. Должны ли быть созданы специальные стандарты?

Все эти вопросы остаются открытыми, а складывающаяся ситуация де-факто и де-юре требует ее разрешения.

Недзелюк Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Список литературы:

1. Беляева, Л.И. Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в государствах-участниках СНГ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2016. – № 1 (33). – С. 4–7.
2. Волков, Н.А. Соблюдение прав человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы на территории Сибирского федерального округа // Перспективы науки. – 2015. – № 6 (69). – С. 147–150.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 10.12.1998. – № 5359.
4. Жезлов, Н.В. Институт тюремных священнослужителей в механизме обеспечения свободы совести и вероисповедания осужденных // Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты: Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории. – 2015. – № 5. – С. 74–81.
5. Жукова, А.А. Обеспечение права свободы совести и свободы вероисповедания осужденных, находящихся в местах лишения свободы в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2015. – №19 (99). – С. 475–478.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 21 июля 2014) // Российская газета. – 2001. – № 256.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // Российская газета – 2014. – № 66.
8. Маликов, Б.З. Особенности социума мест изоляции осужденных и проблемы реализации их права на свободу совести и вероисповедания // Уголовно-исправительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. / под ред. А.А. Вогинова, 2016. – С. 376.
9. Марченко, Д.Э., Яворский, М.А. Реализация права на свободу совести и вероисповедания осужденных к лишению свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2012. – № 3 (8). – С. 46–50.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1978. – Вып. XXXII. – 687 с.
11. Мнацакянц, Э.Г. Проблемы реализации и обеспечение личных прав осужденных к лишению свободы // Государство и право в XXI веке. – 2015. – № 1. – С. 49–53.
12. Насиров, Н.И. Свобода совести и свобода вероисповедания осужденных // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2011. – № 3 (79). – С. 130–132.
13. О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Конвенция. Заключена в Шанхае 15 июня 2001 г. // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.
14. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ // Российская газета. – 2013. – № 6117 (141).
15. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 № 62-ФЗ (в ред. от 02.11.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 22.
16. О защите прав человека и основных свобод: Конвенция. Заключена в Риме 4 ноября 1950 года // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
17. О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: Декларация ООН от 25 ноября 1981 года (принята 25.11.2981 Резолюцией 36/55 на 73-ем Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.
18. О ликвидации всех форм расовой дискриминации: Международная конвенция от 21 декабря 1965 года // Ведомости ВС СССР. – 18 июня 1969 г. – № 25. – Ст. 219.
19. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 35-ФЗ.
20. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
21. О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

-
22. О следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ: Положение утв. Приказом Министерства юстиции РФ от 25 января 1999 г. № 20.
23. Об оперативно-розыскной деятельности: Фед. закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016 г.).
24. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 12 марта 2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 9.
25. Ойдуп, А.С. К вопросу о свободе вероисповедания осужденных // Правовая система и вызовы современности: Материалы XIII междунар. науч. конф. – 2016. – С. 63–67.
26. Реуф, В.М. Особенности обеспечения прав осужденных на свободу совести и вероисповедания в исправительных учреждениях за рубежом // Уголовно-исправительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. / под ред. А.А. Вогинова. – М., 2016. – С. 524.
27. Смирнов, А.М. Теоретико-правовые основы обеспечения прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 4. – С. 2–5.
28. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 28.05.2017).
29. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).
30. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 июля 2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25.
31. Щербакова, М.В. Конституционное право осужденных к лишению свободы на свободу совести и вероисповедания // Вестник Шадринского педагогич. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 222–227.

PROBLEMS OF FREEDOM OF CONSCIENCE AND FREEDOM OF RELIGION OF CONVICTS

T.G. Nedzeliuk

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russia

Abstract

The article is devoted to the problems of ensuring freedom of conscience and freedom of religion of convicts in the Russian Federation. The penal enforcement legislation provides for a number of features of the right to freedom of conscience and freedom of religion. Practice activities of institutions and bodies of the penal correction system showed convincingly that the ability of the preaching work of the various confessions provided their social, humanitarian and other assistance. It can and should be used to enhance the effectiveness of moral and spiritual education of convicted persons.

Keywords:

freedom of conscience, freedom of religion, correctional institutions, convicts, religious confessions, international law, criminal and penal legislation.

References:

1. Belyaeva, L.I. Obespechenie svobody sovesti i svobody veroispovedaniya osuzhdennyh v gosudarstvachastnikah SNG // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2016. – № 1 (33). – S. 4–7.
2. Volkov, N.A. Soblyudenie prav cheloveka v uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy na territorii Sibirskogo federal'nogo okruga // Perspektivy nauki. – 2015. – № 6 (69). – S. 147–150.
3. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata na tret'ej sessii General'noj Assamblei OON rezolyuciej 217 A (III) ot 10 dekabrya 1948 g.) // Rossijskaya gazeta. – 10.12.1998. – № 5359.
4. ZHezlov, N.V. Institut tyuremnyh svyashchenosluzhitelej v mekhanizme obespecheniya svobody sovesti i veroispovedaniya osuzhdennyh // Vzaimodejstvie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty: Vestnik obshchestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii. – 2015. – № 5. – S. 74–81.
5. ZHukova, A.A. Obespechenie prava svobody sovesti i svobody veroispovedaniya osuzhdennyh, nahodyashchihsya v mestah lisheniya svobody v Rossijskoj Federacii // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 19 (99). – S. 475–478.
6. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 21 iyulya 2014) // Rossijskaya gazeta. – 2001. – № 256.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ) // Rossijskaya gazeta – 2014. – № 66.
8. Malikov, B.Z. Osobennosti sociuma mest izolyacii osuzhdennyh i problemy realizacii ih prava na svobodu sovesti i veroispovedaniya // Ugolovno-ispravitel'naya sistema na sovremennom eh tape: vzaimodejstvie nauki i praktiki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdvostvennoj konf. / pod red. A.A. Votnova, 2016. – S. 376.
9. Marchenko, D.EH., YAvorskij, M.A. Realizaciya prava na svobodu sovesti i veroispovedaniya osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2012. – № 3 (8). – S. 46–50.
10. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (N'yu-Jork, 19 dekabrya 1966 g.) // Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. – M., 1978. – Vyp. XXXII. – 687 s.
11. Mnacakanyan, E.H.G. Problemy realizacii i obespechenie lichnyh prav osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. – 2015. – № 1. – S. 49–53.
12. Nasirov, N.I. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya osuzhdennyh // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2011. – № 3 (79). – S. 130–132.

-
13. O bor'be s terrorizmom, separatizmom i ehkstremlzom: Konvenciya. Zaklyuchena v SHanhae 15 iyunya 2001 g. // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2003. – № 41. – St. 3947.
14. O vnesenii izmenenij v stat'yu 148 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v celyah protivodejstviya oskorbleniyu religioznyh ubezhdenij i chuvstv grazhdan: Federal'nyj zakon ot 29 iyunya 2013 g. № 136-FZ // *Rossijskaya gazeta.* – 2013. – № 6117 (141).
15. O grazhdanstve Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 31 maya 2002 № 62–FZ (v red. ot 02.11.2013) // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2002. – № 22.
16. O zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod: Konvenciya. Zaklyuchena v Rime 4 noyabrya 1950 goda // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2001. – № 2. – St. 163.
17. O likvidacii vsekh form neterpimosti i diskriminacii na osnove religii ili ubezhdenij: Deklaraciya OON ot 25 noyabrya 1981 goda (prinyata 25.11.2981 Rezolyuciej 36/55 na 73-em Plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // *SPS Konsul'tantPlyus.*
18. O likvidacii vsekh form rasovoj diskriminacii: Mezhdunarodnaya konvenciya ot 21 dekabrya 1965 goda // *Vedomosti VS SSSR.* – 18 iyunya 1969 g. – № 25. – St. 219.
19. O protivodejstvii terrorizmu: Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2006. – № 35-FZ.
20. O protivodejstvii ehkstremlzkoj deyatelnosti: Federal'nyj zakon ot 25 iyunya 2002 g. № 114-FZ // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2002. – № 30. – St. 3031.
21. O svobode sovesti i religioznyh ob'edineniyah: Federal'nyj zakon ot 26 sentyabrya 1997 g. № 125-FZ // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 1997. – № 39. – St. 4465.
22. O sledstvennom izolyatore ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Ministerstva yusticii RF: Polozhenie utv. Prikazom Ministerstva yusticii RF ot 25 yanvarya 1999 g. № 20.
23. Ob operativno-rozysknoj deyatelnosti: Fed. zakon ot 12.08.1995 g. № 144-FZ (v red. ot 06.07.2016 g.).
24. Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 26 fevralya 1997 g. № 1-FKZ (red. ot 12 marta 2014) // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 1997. – № 9.
25. Ojdup, A.S. K voprosu o svobode veroispovedaniya osuzhdennyh // *Pravovaya sistema i vyzovy sovremennosti: Materialy XIII mezhdunar. nauch. konf.* – 2016. – S. 63–67.
26. Reuf, V.M. Osobennosti obespecheniya prav osuzhdennyh na svobodu sovesti i veroispovedaniya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah za rubezhom // *Ugolovno-ispravitel'naya sistema na sovremennom eh tape: vzaimodejstvie nauki i praktiki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. mezhvedomstvennoj konf. / pod red. A.A. Votnova.* – M., 2016. – S. 524.
27. Smirnov, A.M. Teoretiko-pravovye osnovy obespecheniya prav osuzhdennyh na svobodu sovesti i svobodu veroispovedaniya v Rossii // *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie.* – 2013. – № 4. – S. 2–5.
28. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (v red. ot 28.05.2017).
29. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 19.12.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2017).
30. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 21 iyulya 2014) // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 1996. – № 25.
31. Shcherbakova, M.V. Konstitucionnoe pravo osuzhdennyh k lisheniyu svobody na svobodu sovesti i veroispovedaniya // *Vestnik SHadrinskogo pedagogich. un-ta.* – 2009. – № 4. – S. 222–227.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АНТОНИЯ КУЧИНСКОГО “СИБИРЬ. 400 ЛЕТ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ. ССЫЛКИ, МУЧЕНИЧЕСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ УСПЕХ ПОЛЯКОВ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. АНТОЛОГИЯ”

И.Н. Никулина

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Рецензия посвящена монографии о поляках в Сибири, представляющей судьбы польских ссыльных и добровольных переселенцев. Отражено краткое содержание глав книги, освещены основные вопросы, представленные в монографии. Подчеркивается важность многолетних исследований автора, представляющих значительный интерес для читателей.

Ключевые слова:

Сибирь, ссылка, польская диаспора, поляки, научные исследования.

Исторические судьбы народов России и Польши тесно переплетались на протяжении ряда столетий, создавая тем самым основы для будущих международных отношений, взаимовлияния и взаимообогащения различных культур. И здесь следует отметить важность установившихся тесных контактов местного населения с поляками в сибирском регионе. Несомненно, совместная деятельность, длительное проживание, постоянное общение оказывали воздействие на людей, что, однако, не искоренило полностью различий между ними. Именно поэтому тема Сибири широко освещена как в российской, так и в польской историографии. Среди работ польских авторов значительный интерес представляют исследования истории поляков в Сибири, их деятельность, хозяйственное освоение, научное изучение региона.

Исходя из этого, актуальность и научная значимость рецензируемой монографии не подлежит сомнению. Её автор польский ученый Антоний Кучинский – этнолог, историк,

редактор и издатель широко известен в научном сообществе. Выпускник Вроцлавского университета, доктор исторических наук, профессор, основатель Центра Восточных исследований во Вроцлавском университете. Круг научных интересов Кучинского достаточно широк: этнология, история науки, история поляков в Сибири и в Казахстане. Среди многочисленных научных работ Кучинского следует назвать «Сибирские тропы», раскрывающую вклад поляков в культурное и цивилизационное развитие Сибири, «Народы далекие, но близкие» характеризующую исследования поляками народов восточной части Российской империи. Он является основателем и редактором журналов «Вроцлавские научные исследования Востока», «Ссылный», «Библиотеки ссылного» (серии публикаций авторства Кучинского, изданной под его редакцией), членом редакционного комитета ежегодника «Известия научного наследия Института Бронислава Пилсудского» (Сахалин), сыгравших важную

роль в распространении знаний о Сибири и находившихся там поляках. А. Кучинский являлся участником многочисленных международных научных конференций, состоявшихся в России и Польше. Долгое время он преподавал во Вроцлавском Университете, затем в Католическом Люблинском Университете Иоанна Павла II, в настоящее время работает в Институте истории науки Польской Академии наук в Варшаве.

История поляков в Сибири наиболее полно представлена в книге А. Кучинского «Сибирь. 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и цивилизационный успех поляков. Исторический очерк. Антология». Впервые работа была издана в 1993 г. во Вроцлаве и в дальнейшем неоднократно переиздавалась. Отметим, что данное издание является значительно дополненным фактологически и актуализированным.

Книга «Сибирь. 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и цивилизационный успех поляков. Исторический очерк. Антология» является результатом многолетних научных исследований автора, стремящегося воссоздать историю четырехсотлетнего пребывания поляков в Сибири. Это монография о поляках в Сибири, представляющая судьбы польских ссыльных и добровольных переселенцев, освещающая их вклад в развитие науки и культуры, в освоение региона. Автором предпринята попытка объективного и всестороннего рассмотрения роли Сибири в жизни поляков, а также характера польского культурного влияния на развитие этой территории. Исследование основано на широком круге источников, в том числе российского происхождения, использованы работы польских и российских ученых, отражающие различные аспекты польско-русской истории.

Книга содержит три главы. В первой главе освещается история поляков в Сибири на протяжении 400 лет, начиная с покорения Сибири в XVI в. и завершая событиями XX в. Автором последовательно рассматривается история пребывания поляков в ссылке и на каторге со времен барских конфедератов XVIII в., участников Ноябрьского и Январского восстаний XIX в., депортаций польского населения на Восток в XX в. Начиная с XVIII в., после разделов Польши царское

правительство отправляло поляков в Сибирь на каторгу и ссылку. На протяжении XIX в. сюда ссылались участники восстаний, члены тайных организаций и обществ. В работе на богатом фактологическом материале рассмотрены категории ссыльных, условия их проживания, род занятий, отношения с местным населением и администрацией в регионах Сибири.

Значительную часть книги занимает вторая глава, содержащая антологию – очерки, воспоминания, письма поляков, связанных с Сибирью в разное время. Представлено 35 текстов, авторами которых являлись ссыльные, военнопленные и добровольные переселенцы, привлеченные сюда возможностью работы.

Подчеркнем, что книга посвящена не только мученической жизни ссыльных поляков в Сибири, но и участию поляков в развитии экономики и культуры региона. В третьей главе показан цивилизационный вклад поляков в развитие Западной и Восточной Сибири. Автор стремится осмыслить пребывание поляков в Сибири, оценить их роль в освоение новых территорий. Это врачи, учителя, служащие, земледельцы, ремесленники, промышленники, художники, фотографы (Ф. Ожешко, С. Залеский, М. Янковский, М. Грушецкий, К. Томинский и многие др.), проживавшие в Томске, Иркутске и других местах Сибири. Отдельным разделом представлена в работе литературная и научная деятельность поляков, среди которых исследователи Якутии Е. Пекарский и В. Серошевский, исследователь Сахалина и бассейна Амура Б. Пилсудский, этнограф Б. Дыбовский и др.

В целом, освещен широкий круг вопросов многогранной деятельности поляков и их участия в освоении Сибири, показан их вклад в изучение природы, флоры и фауны, этнографические и лингвистические исследования коренных народов, а также достижения в развитии промышленности, торговли, сельского хозяйства. Работа А. Кучинского носит характер своеобразного справочного пособия, содержащего важные сведения о судьбах значительного числа поляков, связанных с Сибирью, прослеживаются биографии кон-

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АНТОНИЯ КУЧИНСКОГО «СИБИРЬ. 400 ЛЕТ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ. ССЫЛКИ, МУЧЕНИЧЕСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ УСПЕХ ПОЛЯКОВ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. АНТОЛОГИЯ»

кретных людей на основе широкого привлечения материалов воспоминаний.

Каждая глава книги представляет практически самостоятельное исследование, не связанное с другими главами, поэтому возможно прочтение каждой из частей отдельно. Таким образом, в книге соединены воедино три направления одной тематики. Избранная структура книги, несомненно, приемлема и имеет свои достоинства. Безусловно, обширный круг вопросов, затронутых автором, предполагает дальнейшее углубленное изучение с широким привлечением архивных материалов и результатов исследований российских и польских ученых. Кроме того, многие темы, обозначенные в работе, заслуживают рассмотрения в отдельных монографиях.

Следует особо отметить прекрасное издание книги. Значительный иллюстративный материал (карты, фотографии) существенно дополняет основной текст. В конце книги содержатся послесловия на польском, русском, английском языках, указатель фамилий, встречающихся в тексте, перечень иллюстраций.

Книга «Сибирь. 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и цивилизаци-

онный успех поляков. Исторический очерк. Антология» является, несомненно, важным и необходимым изданием, содержащим информацию о поляках, внесших свой вклад в историю Сибири, существенно расширяя сложившиеся представления об этом регионе и тем самым способствуя достижению более глубокого понимания между славянскими народами. Важно отметить, что в работе показаны современные аспекты российско-польского научного сотрудничества. Таким образом, благодаря многолетним исследованиям А. Кучинского, стало возможным освещение истории польской диаспоры в Сибири, представляющее значительный интерес для специалистов и широкого круга читателей. Хочется надеяться, что данное издание «Сибири» будет переведено на русский язык и станет доступным для многих российских читателей.

Никулина Ирина Николаевна – доктор исторических наук, профессор

**REVIEW ON ANTONY KUCHINSKY'S BOOK
«SIBERIA. 400 YEARS OF POLISH DIASPORA.
DEPORTATIONS, MARTYRDOM, CIVILIZA-
TIONAL SUCCESS OF POLES. HISTORICAL
ESSAY. ANTHOLOGY»**

I.N. Nikulina

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

This review is dedicated to the monograph on the Poles in Siberia. The monograph describes the fates of the Polish exiles and voluntary deportees. It reflects the summary of the book chapters, highlights the main issues presented in the book. The importance of long-term research of the author presenting major interest to the readers is underlined.

Keywords:

Siberia, deportation, the polish diaspora, the Poles, the science researches.

ПРОБЛЕМА МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДДЕРЖАНО РФФИ, ПРОЕКТ № 18-39-00112)

М.В. Рыгалова

Алтайский государственный институт культуры
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье рассматриваются современные подходы к музейному предмету как историческому источнику. Музейные коллекции являются потенциальным источником информации для исторических исследований, однако нечасто вовлекаются в научный оборот из-за отсутствия проработанной методики их анализа.

Ключевые слова:

музейный предмет, исторический источник, историография.

В последние годы в исторической науке наметились тенденции, связанные с расширением ее поля деятельности, методов исследования, источниковой базы. Информационное обеспечение исторической науки сегодня одна из важных проблем [1]. Её потенциальным информационным ресурсом являются музейные собрания, предметы и коллекции. Одним из направлений, обогащающих источниковую базу исторической науки, может стать изучение музейных предметов как исторического источника. «Музей как хранитель культурного наследия, к какой бы профильной группе он ни относился, всегда исторический феномен, поэтому представляет интерес для исторической науки» [2, с. 78].

Музей и историческая наука, бесспорно, тесно связаны между собой. Их объединяет общая цель, связанная с сохранением исторической памяти и социального опыта. Музейный предмет является источником, подлинным свидетельством и достоверным доказательством исторических фактов [3, с. 103].

Проблемы соотношения понятий музейного предмета и исторического источника поднимаются не первое десятилетие, но в последнее время наметился возврат к этим вопросам и их переосмыслению. Это связано

с пониманием необходимости расширения границ исследований, в том числе, с помощью источниковой базы, а также с огромным информационным потенциалом музейных коллекций и предметов.

Использование музейных предметов в качестве исторических источников требует выработки и применения специальной методики [4, с. 132]. В связи с изучением музейного предмета как источника, в рамках музеелогии выделяется профильное, музейное источниковедение [5]. Оно имеет свои особенности, связанные с процессом комплектования, то есть отбором предметов на хранение в музейные фонды. Именно в процессе комплектования начинается изучение и интерпретация источников, определение их ценности. Принципы комплектования априори накладывают на музейные предметы субъективный отпечаток. Коллекции могут быть собраны по субъективным причинам (частные коллекции). Кроме того, музейные собрания, прежде всего, являются культурным достоянием. Это важное условие их формирования с точки зрения музейной ценности.

Но для исторической науки это условие не всегда является значимым. Для историка важна, прежде всего, информативность ис-

точника, источник как носитель информации о прошлом. С его помощью исследователь устанавливает весь процесс изучаемого явления. Также для уточнения, дополнения, проверки информации могут привлекаться другие источники [6, с. 55]. «Научная значимость и объективность выводов исторической науки определяется репрезентативностью источниковой базы и профессиональным владением методикой источниковедческого анализа» [7, с. 185].

В музейном источниковедении дискуссии о музейном предмете, как имеющем право считаться историческим источником, привели к формированию двух различных точек зрения. Сторонники первой (А.М. Разгон, Н.П. Финягина) определили, что имеются значительные отличия между традиционным источниковедением и музейным. Это связано, прежде всего, с разными группами источников, которые изучают оба направления. Вторая точка зрения (Э.А. Шулепова) построена на отождествлении традиционного и музейного источниковедения, исходя из идентичных задач, которые они решают [6, с. 54].

С музейным источниковедением тесно связано и музейное документирование – специфическая деятельность, заключающаяся в систематическом накоплении свидетельств развития природы и общества, то есть пополнении музейных фондов, что и является конечным результатом этого процесса [8]. Суть отбора предметов на музейное хранение состоит в ценностном подходе к действительности, который проявляется на этапе комплектования фондов, но вместе с тем, не исчезает и историческая составляющая. Фонды музеев документируют действительность в ее развитии, таким образом, осуществляется комплексное документирование исторических процессов и явлений. В ходе комплектования изучается не только сам предмет, но и среда, из которой он был изъят, люди, которым он принадлежал или кем был создан. Информация, полученная в ходе изучения музейного предмета, входит в состав внутримузейной документации, которая в свою очередь также относится к музейным источникам.

Существуют различные определения понятия музейного источника. Остановимся на наиболее распространенном и всеобъем-

лющем. Музейный источник – совокупность музейных предметов, научно-вспомогательных материалов, составляющих музейные фонды. Таким образом, понятие музейный источник шире понятия музейный предмет, одно поглощается другим, но термин исторический источник поглощает в свою очередь музейный источник [9, с. 18–19]. Последний рассматривается как одна из разновидностей источников, привлеченных историком для исследования. А.М. Разгон утверждает, что между реальностью и документом нет промежуточного звена, следовательно, не может быть искажений. В этом и состоит особенность музейных источников [10, с. 181]. Это, несомненно, подчеркивает ценность музейного предмета как подлинного свидетельства прошлых эпох.

Вместе с тем, исследователи, обращаясь к определению особенностей музейного предмета как исторического источника, отмечают их принципиальные различия. Первое, что сразу же отличает музейный предмет, это момент восприятия. Музеи рассматривают предметы с точки зрения воздействия на посетителя, во вторую очередь, обращаясь к информативности. Музей, прежде всего, является информационной системой, предназначенной для сбора, обработки, хранения и репрезентации информации с целью сохранения исторической памяти, воздействия на эмоциональную сторону человеческой личности [11, с. 47]. Вместе с тем, музей рассматривается и как научное учреждение, которое позиционирует историческое знание и выполняет его репрезентацию [12, с. 71].

Музеи являются местом сосредоточения первоисточников. Сложность работы историка с музейными предметами заключается в том, что для исторической науки решающим фактором является достоверная информация, максимально полно отражающая событие или явление. Вместе с тем, музейные предметы историки неохотно и с осторожностью вовлекают в научный оборот или не вовлекают вовсе. Это связано с тем, что использование их в качестве исторических источников требует совершенствования вопросов комплектования, описания предметов, а также изучение информации, извлекаемой из источников, ее структурирование [13, с. 35].

ПРОБЛЕМА МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Потенциально музейные предметы и коллекции могут стать новыми комплексами исторических источников. Но главной проблемой введения их в научный оборот является то, что они обладают свойством музейного предмета, то есть несут субъективные черты.

Исследователи рассматривают музейные экспозиции как форму репрезентации истории, соответственно, музейный предмет как исторический факт [12]. Задачи музейной экспозиции связаны с источниками и являются неотъемлемой частью исторических исследований [10, с. 175]. Только в контексте экспозиции музейный предмет раскрывает свое значение, имеет информационную и научную ценность, а также историко-культурную значимость [14].

В результате работы историка с музейным предметом происходит прирост нового знания, извлечение новой информации, ее актуализация [12]. Это отмечают исследователи, работающие с музейными предметами в качестве основного источника.

Кроме самих предметов, в круг музейных источников входит внутренняя документация учреждений, которая создается, прежде всего, для государственного учета фондов и коллекций и используется сотрудниками. По этой причине она не рассматривается как исторический источник. Однако ее изучение должно стать первым этапом исследования самого музейного предмета, поскольку в ней отражается своеобразная биографическая справка о местах и способах бытования будущих музейных экспонатов [15, с. 293–294].

Письменные, вещественные, изобразительные музейные коллекции и фотоматериалы привлекаются исследователями в качестве самостоятельного исторического источника. Примером комплексного подхода к изучению музейных фондов с точки зрения источниковедческого подхода является работа по изучению морской культуры Кольского Севера (Е.Ю. Терещенко). Исследовательница изучает коллекции Мурманского областного краеведческого музея, Мурманского областного художественного музея, музея истории Мурманского морского пароходства, военно-морского музея Северного флота, музея истории Полярных конвоев. Е.Ю. Терещенко отмечает проблему классификации

и систематизации источников при изучении музейных предметов. Она выделяет группы источников, исходя из исторических, этнографических, географических и социальных особенностей [16].

Стоит отметить, что фотоматериалы активно привлекаются исследователями в качестве источника. Чаще других изучаются этнографические фотокомплексы, а также материалы, посвященные военным событиям [17, с. 287]. Фотографии позволяют реконструировать биографии и общественные события [18], историю повседневности [19]. Е.А. Адрианова выработала методику работы с фотоматериалами, связанную с разделением их по территориальному, хронологическому, тематическому принципу, а также по способам пополнения фондов, которые находят отражение во внутримузеевой документации [19].

Изучение источников личного происхождения всегда несет в себе высокий информационный потенциал и является одним из традиционных направлений исторической науки. Многие музеи богаты личными фондами, но часто происходит так, что к этим материалам исследователи не обращаются, они остаются невостребованными. Вместе с тем, стали появляться работы, посвященные изучению комплексов материалов личного происхождения [20]. Л.А. Бушуева изучает личные коллекции профессоров казанского императорского университета, проанализировала фото, личные дела [18]. В рамках исследования темы Великой Отечественной войны изучаются письма ее участников. Исследователи активно занимаются их публикацией и интерпретацией в рамках музейных мероприятий [21].

Центром источниковедческих исследований музейных предметов является Государственный исторический музей (ГИМ). Здесь изучению подлежат разного вида источники (вещественные, изобразительные, предметы декоративно-прикладного творчества, быта). Результатом этой работы стали публикации материалов [7].

Во всех классификациях источников вещественные выделяются, как особо важные [15]. Изучение вещественных памятников позволяет подойти к проблеме исследования комплексно, объемно [22, с. 7]. Активная ра-

бота в этом направлении ведется в Российском этнографическом музее. Вещественные памятники, как и письменные, подвергаются внешней и внутренней критике. Внешняя заключается в изучении формирования источника, внутренняя связана с извлечением информации из музейного предмета [23, с. 189]. В результате изучения русского этнографического фонда музея был проанализирован процесс формирования фонда, отбора предметов на музейное хранение, которое прошло несколько этапов в зависимости от социально-политических взглядов в стране и в связи с развитием исторической науки. Например, в 1930–1950-е гг. в приоритете были сведения о развитии сельского хозяйства, его достижениях, 1960–1970-е гг. проявлялось стремление к отражению материальной культуры, прежде всего городской [23, с. 190–191].

Особое внимание уделяется этнографическим коллекциям, поскольку они сохранили и наглядно демонстрируют культуру и эпоху прошлых поколений, традиционную культуру народа [24]. Предметы обихода являются ценным источником, через них осуществляется межпоколенческий диалог. Для их изучения используется преимущественно эмпирический метод исследования [25]. Такой подход с одной стороны, способен обогатить инструментарий историков, но с другой, необходима выработка методологии изучения предметов эмпирическим путем с учетом того, что это априори накладывает субъективный отпечаток на конечный результат исследования.

А.Э. Ахунова обращается к изучению музейных собраний Омской и Тюменской областей с точки зрения источниковедческого анализа. В поле зрения исследовательницы оказались этнографические коллекции. Она отмечает неудовлетворительное ведение учетной документации в малых музеях. В частности, в книги поступлений записано мало информации о предметах, дается неполное их описание. Это существенно усложняет изучение музейных предметов [24]. Таким образом, вещественные памятники используются преимущественно для изучения истории народа и реконструкции быта, а также в качестве вспомогательного материала при изучении письменных источников.

Роль музея в формировании исторического сознания является существенной и непосредственно связана с ростом исторического знания, а также разнообразием форм музейной деятельности [26, с. 59]. Исследователи отмечают, что, располагая в качестве объекта исследования систематизированными, комплексными материалами музейных коллекций, имеются большие возможности в решении поставленных исследовательских задач [27].

Деятельность современных музеев связана с аккумуляцией и трансляцией социально-исторической памяти, которая включая в себя социокультурный опыт, позволяет обществу осознать свое место в истории, обосновать культурные ценности в контексте мировых [28, с. 98]. При этом музей обязательно откликается на исторические вызовы и социально-политические изменения общества [29, с. 186].

Преимущество музейных предметов состоит в наглядности. Введение их в научный оборот в качестве исторических источников и проведение с опорой на музейные собрания исследований, является сегодня актуальной задачей исторической науки, затрагивает одновременно ряд аспектов, связанных с актуализацией новых источников. Музеи преимущественно экспонируют лишь малую часть фондов, основные же их богатства хранятся далеко от глаз посетителей и исследователей. Процесс привлечения музейных коллекций и отдельных предметов для изучения в качестве источника позволит обеспечить доступность материалов музеев и популяризировать их [30, с. 111–112].

Одной из проблем, затрудняющих расширение источниковой базы за счет музейных коллекций, является их недоступность. Е.А. Воронцова отмечает необходимость использования информационных технологий для создания тематических ресурсов, обеспечивающих доступ к хранимым носителям информации. Это будет способствовать несомненной актуализации информации музейных предметов [11]. Для того, чтобы музеи могли служить информационной базой, они должны быть представлены в сети Интернет. Музеи открывают свои фонды, тем самым повышают интерес, в том числе со стороны

ПРОБЛЕМА МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

научного сообщества [4]. Многие региональные и муниципальные музеи имеют богатейшие коллекции, но в связи с тем, что они никак о себе не заявляют на широкую аудиторию, их собрания остаются невостребованными. А вместе с этим, недосыгаемым остается огромный пласт самых разных источников, позволяющих восполнить лакуны исторического знания, расширить существующие исследовательские задачи и достижения.

Музеи способствуют актуализации информации через экспонаты. Так осуществляется некая коммуникация исследователя и источника. Но для налаживания связи между исторической наукой и музейными предметами необходима тесная работа специалистов в области исторической науки, теоретиков и практиков в области музейного дела. Необходим комплексный подход к информа-

ционным ресурсам, их сопоставление между собой для максимального извлечения информации. При этом следует отметить, что музеи зачастую готовы открыть свои фонды для исследователей с целью изучения и популяризации наследия, но пока историки не столь активно обращаются к музейным богатствам как источниковой базе.

Историческая наука хранит и накапливает знания, а музеи являются такими хранилищами подлинных свидетельств прошлого. Для исторической науки музей необходим как социальный институт, который хранит и репрезентирует научное историческое знание через экспозиции и выставки.

Рыгалова Мария Владимировна – кандидат исторических наук

Список литературы:

1. Шелегина, О.Н. Традиции и перспективы сибирских музеев по формированию и презентации информационного ресурса исторической науки // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 695–713.
2. Именнова, Л. Информационное пространство и музей // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 78–93.
3. Мастеница, Е.Н. История в музее: методология познания и репрезентации // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 102–117.
4. Попова, С.М., Яник, А.А. О перспективах участия музеев в развитии цифровой инфраструктуры исторической науки // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 123–132.
5. Самарина, Н.Г. Музейное источниковедение: проблемы изучения и преподавания // Музеология – музееведение в начале XXI в.: проблемы изучения и преподавания. Матер. междунар. науч. конф. / отв. ред. А.В. Майоров. – СПб., 2009. – С. 49–64.
6. Родионова, Д.Д., Реховская, Т.А. Современные подходы к музейному источниковедению // Вестник КемГУКИ. – 2015. – № 32. – С. 53–57.
7. Самарина, Н.Г. Источниковедческие исследования исторических и краеведческих музеев // Вопросы музеологии. – 2011. – № 2 (4). – С. 185–195.
8. Лушникова, А.В. Музеология и документоведение: о правомерности использования документоведческих терминов в музейном деле // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1. – С. 25–30.
9. Финягина, Н.П. Развитие музейного источниковедения – важнейшая задача современного музееведения // Слово о соратнике и друге: К 80-летию А.М. Разгона. – М., 1999. – С. 18–19.
10. Разгон, А.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984. – С. 174–183.
11. Воронцова, Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 40–61.
12. Румянцева, М.Ф. Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 70–77.
13. Воронцова, Е.А. Информационное обеспечение исторической науки и музей-библиотеки-архивы как хранилища информации: теория, методология, практика // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 33–39.
14. Цуканова, В.Н. Источники в музее: музейные особенности // Музейное дело. Сборник научных трудов Государственного центрального музея социально-политической истории России. – Вып. 28. – С. 58–80.

-
15. Юмашева, Ю.Ю. Вещественные источники как «потенциальная источниковая база исторической науки» // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 290–308.
 16. Терещенко, Е.Ю. Музейные источники изучения морской культуры Кольского Севера (вопросы классификации и систематизации) // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 6. – С. 95–98.
 17. Абилова, Р.О. Основные направления источниковедческой работы с фотодокументами из музейных коллекций в современной российской историографии // Филология и культура. – 2015. – № 2 (40). – С. 287–292.
 18. Бушуева, Л.А. Личные коллекции профессоров Казанского императорского университета в фондах национального музея республики Татарстан // Вопросы музеологии. – 2012. – №1 (5). – С. 176–183.
 19. Андрианова, Е.Н. Коллекции фотографий документального фонда государственного центрального музея современной истории России как источник по истории повседневности. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. – М., 2012. – 289 с.
 20. Хугорова, Л.М. Личные коллекции как объект экспозиционной интерпретации // Археография музейного предмета. – М., 2012. – С. 184–186.
 21. Будюкина, Н.Н. Письма Великой Отечественной войны в контексте военной археографии (по материалам Тамбовской области) // Археография музейного предмета. – М., 2012. – С. 36–39.
 22. Абрамова, Ю.А. Коллекции по истории горнозаводского производства на Алтае XVIII–XIX вв. в музейных собраниях за пределами Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4–1. – С. 7–11.
 23. Шангина, И.И. Русский фонд вещественных памятников традиционной культуры Российского этнографического музея: опыт источниковедческого анализа // Археография музейного предмета. – М., 2012. – С. 188–191.
 24. Ахунова, Э.Р. Музейные предметы как источник по изучению хозяйственной деятельности татар Западной Сибири // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 2 (10). – С. 143–148.
 25. Мареш, Т. Музейные экспонаты в деле исторического образования // Археография музейного предмета. – М., РГГУ, 2012. – С. 116–124.
 26. Колесникова, А.Г. Роль музея в формировании исторического сознания россиян // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 1. – С. 55–60.
 27. Беспалая, М.А. Коллекция рукописных партизанских журналов в фондах белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны как исторический источник // Вопросы музеологии. – 2012. – № 1 (5). – С. 191–197.
 28. Грусман, В.М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – Т. 8. – № 35. – С. 92–99.
 29. Божченко, О.А. Современная отечественная история в музеях исторического профиля // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 3. – С. 146–150.
 30. Кожухарь, А.И. Музейные коллекции как источник для изучения истории чайной торговли в Восточной Сибири // Новый университет. – 2014. – № 1. – С. 111–117.

THE PROBLEM OF THE MUSEUM SPECIMEN AS A HISTORICAL SOURCE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

M.V. Rygalova

Altay State Institute of Culture
Barnaul, Russia

Abstract

The article deals with modern approaches to the museum specimen as a historical source. Museum collections are a potential source of information for historical research, but they are not often involved in scientific research due to the lack of the developed methods of their analysis.

Keywords:

museum specimen, historical source, historiography.

References:

1. Shelegina, O.N. Tradicii i perspektivy sibirskih muzeev po formirovaniyu i prezentacii informacionnogo resursa istoricheskoy nauki // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 695–713.
2. Imennova, L. Informacionnoe prostranstvo i muzej // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 78–93.
3. Mastenica, E.N. Istoriya v muzee: metodologiya poznaniya i reprezentacii // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 102–117.
4. Popova, S.M., Yanik, A.A. O perspektivah uchastiya muzeev v razvitii cifrovoj infrastruktury istoricheskoy nauki // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 123–132.
5. Samarina, N.G. Muzejnoe istochnikovedenie: problemy izucheniya i prepodavaniya // Muzeologiya – muzeovedenie v nachale HKHI v.: problemy izucheniya i prepodavaniya. Mater. mezhdunarod. nauch. konfer. / otv. red. A.V. Majorov. – SPb., 2009. – S. 49–64.
6. Rodionova, D.D., Rekhovskaya, T.A. Sovremennye podhody k muzejnomu istochnikovedeniyu // Vestnik KemGU. – 2015. – № 32. – S. 53–57.
7. Samarina, N.G. Istochnikovedcheskie issledovaniya istoricheskikh i kraevedcheskih muzeev // Vo-prosy muzeologii. – 2011. – № 2 (4). – S. 185–195.
8. Lushnikova, A.V. Muzeologiya i dokumentovedenie: o pravomernosti ispol'zovaniya dokumentovedcheskih terminov v muzejnom dele // Voprosy muzeologii. – 2013. – № 1. – S. 25–30.
9. Finyagina, N.P. Razvitie muzejnogo istochnikovedeniya – vazhnejshaya zadacha sovremennogo muzeovedeniya // Slovo o soratnike i druge: K 80-letiyu A.M. Razgona. – M., 1999. – S. 18–19.
10. Razgon, A.M. Muzejnyj predmet kak istoricheskij istochnik // Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i special'nyh istoricheskikh disciplin. – M., 1984. – S. 174–183.
11. Voroncova, E.A. Muzej kak bazovyy ehlement informacionnoj infrastruktury istoricheskoy nauki // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 40–61.
12. Rumyancheva, M.F. Muzejnyj predmet i muzejnaya ehkspoziciya v strukture aktual'nogo istoricheskogo znaniya // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 70–77.
13. Voroncova, E.A. Informacionnoe obespechenie istoricheskoy nauki i muzei-biblioteki-arhivy kak hranilishcha informacii: teoriya, metodologiya, praktika // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 33–39.
14. Cukanova, V.N. Istochniki v muzee: muzejnye osobennosti // Muzejnoe delo. Sbornik nauchnyh trudov Gosudarstvennogo central'nogo muzeya social'no-politicheskoy istorii Rossii. – Vyp. 28. – S. 58–80.

-
15. Yumasheva, YU.YU. Veshchestvennye istochniki kak «potencial'naya istochnikovaya baza istoricheskoy nauki» // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki. – M., 2015. – S. 290–308.
16. Tereshchenko, E.YU. Muzejnye istochniki izucheniya morskoy kul'tury Kol'skogo Severa (voprosy klassifikacii i sistematizacii) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2016. – № 6. – S. 95–98.
17. Abilova, R.O. Osnovnye napravleniya istochnikovedcheskoj raboty s fotodokumentami iz muzej-nyh kollekcij v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Filologiya i kul'tura. – 2015. – № 2 (40). – S. 287–292.
18. Bushueva, L.A. Lichnye kollekcii professorov Kazanskogo imperatorskogo universiteta v fon-dah nacional'nogo muzeya respubliky Tatarstan // Voprosy muzeologii. – 2012. – №1 (5). – S. 176–183.
19. Andrianova, E.N. Kollekcii fotografij dokumental'nogo fonda gosudarstvennogo central'nogo muzeya sovremennoj istorii Rossii kak istochnik po istorii povsednevnosti. Dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk. – M., 2012. – 289 s.
20. Hutorova, L.M. Lichnye kollekcii kak ob"ekt ehkspozicionnoj interpretacii // Arheografiya muzejnogo predmeta. – M., 2012. – S. 184–186.
21. Budyukina, N.N. Pis'ma Velikoj Otechestvennoj vojny v kontekste voennoj arheografii (po materialam Tambovskoj oblasti) // Arheografiya muzejnogo predmeta. – M., 2012. – S. 36–39.
22. Abramova, YU.A. Kollekcii po istorii gornozavodskogo proizvodstva na Altae XVIII–XIX vv. v muzejnyh sobraniyah za predelami Altajskogo kraja // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 4–1. – S. 7–11.
23. Shangina, I.I. Russkij fond veshchestvennyh pamyatnikov tradicionnoj kul'tury Rossijskogo ehtnograficheskogo muzeya: opyt istochnikovedcheskogo analiza // Arheografiya muzejnogo predmeta. – M., 2012. – S. 188–191.
24. Ahunova, E.H.R. Muzejnye predmety kak istochnik po izucheniyu hozyajstvennoj deyatel'nosti tatar Zapadnoj Sibiri // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». – 2016. – № 2 (10). – S. 143–148.
25. Maresh, T. Muzejnye ehksponaty v dele istoricheskogo obrazovaniya // Arheografiya muzejnogo predmeta. – M., RGGU, 2012. – S. 116–124.
26. Kolesnikova, A.G. Rol' muzeya v formirovanii istoricheskogo soznaniya rossiyan // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2015. – T. 7. – № 1. – S. 55–60.
27. Bepalaya, M.A. Kollekcija rukopisnyh partizanskih zhurnalov v fondah belorusskogo gosudarstvennogo muzeya istorii Velikoj Otechestvennoj vojny kak istoricheskij istochnik // Voprosy muzeologii. – 2012. – № 1 (5). – S. 191–197.
28. Grusman, V.M. Muzej kak institut formirovaniya istoricheskoy pamyati // Izvestiya gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2008. – T. 8. – № 35. – S. 92–99.
29. Bozhchenko, O.A. Sovremennaya otechestvennaya istoriya v muzeyah istoricheskogo profilya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2014. – № 3. – S. 146–150.
30. Kozhuhar', A.I. Muzejnye kollekcii kak istochnik dlya izucheniya istorii chajnoj trgovli v Vo-stochnoj Sibiri // Novyj universitet. – 2014. – № 1. – S. 111–117.

КУЛЬТУРНО-ГУМАНТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ГЕРМАНИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

О.В. Степанова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В данной статье приводится историографический обзор изученности проблемы российско-германского культурного и гуманитарного сотрудничества. Культурно-гуманитарное сотрудничество являлось неотъемлемой частью успешного взаимодействия между странами на рубеже веков, но до сегодняшнего дня изучено не полностью.

Ключевые слова:

история, международные отношения, гуманитарное международное сотрудничество, Россия, российские немцы, Германия.

Степень изученности культурно-гуманитарных аспектов международного сотрудничества современной России и Германии находится очень часто в прямой зависимости от конкретных обстоятельств международной ситуации, доступности и репрезентативности источников и научного интереса к взаимодействию России с различными акторами международной политики на конкретном этапе истории внешней политики. Ситуация, возникшая вследствие смены внешнеполитического курса России с западного вектора на восточный азиатский, в небольшой степени способствовала угасанию к сегодняшнему дню интереса научного общества к ее изучению.

Внешняя политика современного государства состоит из трёх основных сфер: политическая, экономическая и культурно-гуманитарная. Недостаточное развитие любой из этих сфер может отразиться на динамике международного сотрудничества.

Актуальность исследования исторического аспекта культурно-гуманитарного измерения сотрудничества России и Германии обусловлена сочетанием самых разных факторов. С одной стороны, международное

культурно-гуманитарное сотрудничество являлось неотъемлемой частью успеха внешней политики современной России с момента её выхода на международную арену в качестве обновленного государства в 1990-е гг. С другой стороны, таким наглядным примером успешного международного сотрудничества является история становления взаимовыгодных связей между Россией и Германией на рубеже XX – XXI вв. В этот период отмечалось многообразие культурно-гуманитарного сотрудничества России и ФРГ, включающего в себя и аспекты расширяющихся межрегиональных связей: молодёжные и академические обмены, реституция, образовательное и научное сотрудничество, активизация народной дипломатии, партнёрство городов, регионов, земель, рост центров культуры и языка, фестивальное движение. При этом партнёрство осуществлялось не только по линии правительств и государственных институтов, но и гражданского сообщества.

Гуманитарное сотрудничество, как другие явления международной жизни на рубеже веков, носило на себе печать переходности. Отсюда следовала как практическая, так

и научная задача сохранить и развить всё ценное в имеющемся опыте, обобщить его, а также выявить те возможности, которые открывались перед Россией, но которыми не в полной мере удалось воспользоваться на том этапе.

Изучением российско-германских отношений занимается огромное количество исследователей, однако, большинство из них анализируют в основном политическую и экономическую стороны сотрудничества, рассматривая культурно-гуманитарную составляющую лишь как периферийную область отношений, а то и не рассматривая вообще. Среди авторов, публиковавшихся в отечественных изданиях, необходимо отметить Андреева Е., Арента И., Вяткина К., Глоаннек А.-М., Гринина В., Кожокина М., Максимычева И., Павлова Н. и других, в том числе немецких политологов, часто публиковавшихся в российских изданиях: Рар А., Тиммермана Х. [1–20].

Развитие культурно-гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Федеративной Республики Германии в 1990-е – 2000-е гг. изучают историки, политологи, освещают публицисты. Интересными представляются не только исторические, но политологические и социологические исследования. Кроме обзорных исследований российско-германских отношений и международного гуманитарного сотрудничества в целом, ценными являются работы, изучающие узкие области гуманитарных международных связей. Это труды таких авторов, как Братчиков И., Лисицкая В., Шустров А. и др. [21–24].

Другим предметом обсуждения является проблема российских немцев, являющаяся важным связующим звеном в цепи российско-германских связей. Отдельным пунктом при анализе гуманитарной составляющей сотрудничества выступают работы по истории и культуре российских немцев. Значительный вклад в исследование этой темы внесли исследователи, журналисты, представители немецкой общественности, эксперты: Айсфельд А., Малиновский Л., Мартенс О. [25–36]. Но проблематика российских немцев иногда затмевает собой аспект культурного межрегионального взаимодействия российских регионов и германских земель и другие социально-значимые аспекты народной дипломатии.

Аспекты молодежного сотрудничества были фрагментарно освещены в трудах Арефьева А., Харченко В., Лукова С. [37–40]. Данные исследователи рассмотрели культурные обмены, молодежные контакты, положение русского языка в Германии, вопрос о реституции культурных ценностей и многие другие аспекты.

Для полного раскрытия проблемы практически многие явления и факты российско-германских отношений 1990-е – 2000-е гг. нуждаются в детальном научном анализе, который позволит сделать выводы на перспективу сотрудничества Германии и России в XXI веке.

Степанова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент

Список литературы:

1. Андреев, Е. Объединение Германии и российско-германские отношения // *Обозреватель*. – 2006. – № 5.
2. Арент, И.В. Этапы российско-германской политики в «немецком вопросе» // *Память, ответственность и будущее: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию депортации российских немцев*. Барнаул, 10–11 сентября 2011 г. Барнаул, 2011. – С. 153.
3. Вяткин, К. Россия и Германия: потенциал сотрудничества // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1994. – № 4. – С. 103–108.
4. Глоаннек, А.-М. Сближение без перемен // *Internationale Politik*. – 2007. – №4. – С. 15–17.
5. Гринин, В. Россия–Германия на пороге нового этапа отношений // *Международная жизнь*. – 1995. – № 10. – С. 23–31.
6. Ищенко, В. Россия и Германия в XX в. // *Новая и новейшая история*. – 1998. – № 5. – С. 238–239.
7. Кожокин, М. Россия и Германия в новой Европе // *Свободная мысль*. – 1994. – № 4. – С. 55–59.

КУЛЬТУРНО-ГУМАНТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ГЕРМАНИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

8. Максимычев, И. Каков завтрашний день российско-германских отношений // *Международная жизнь*. – 2005. – № 7/8. – С. 42–56.
9. Максимычев, И. После вывода войск // *Международная жизнь*. – 1994. – № 11. – С. 97–105.
10. Никитин, А. Внешнеполитические приоритеты нового правительства Германии и интересы России // *Власть*. – 2006. – № 3. – С. 66–75.
11. Павлов, Н. Внешняя политика новой Берлинской республики: новый “германский путь” // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 2. – С. 63–75.
12. Павлов, Н.В. Внешняя политика ФРГ постбиполярном мире. – М.: Наука, 2005. – 409 с.
13. Размеров, В. Германское объединение и Россия // *Международная жизнь*. – 1994. – № 5. – С. 72–79.
14. Рар, А. Российская политика Германии: что дальше? // *Россия в глобальной политике*. – 2005. – Том 3. – № 5. – С. 29–34.
15. Романов, С. Отношения России и ФРГ: основа безопасности в Европе // *Обозреватель*. – 2000. – № 10–11. – С. 47–49.
16. Тиммерман, Х. Россия и Германия // *Полис*. – 1995. – № 5. – С. 48–59.
17. Тиммерманн, Х. Германо-российские отношения в европейском контексте // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2006. – № 3. – С. 41–48.
18. Уткин, С. Россия в восприятии Германии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – № 4. – С. 72–80.
19. Штайнмайер, Ф. Россия и Германия. Общая история не заканчивается никогда // *Международная жизнь*. – 2009. – № 7. – С. 3–8.
20. Штольпе, М. Бранденбург приглашает к сотрудничеству // *Современная Европа*. – 2001. – № 3. – С. 14–21.
21. Братчиков, И. "Третье измерение" в отношениях России и Германии // *Международная жизнь*. – 1997. – № 3. – С. 74–80.
22. Политическая составляющая российско-германских культурных отношений на рубеже XX–XXI веков: автореферат дис. ... кандидата политических наук. – СПб., 2010. – 22 с.
23. Смолина, Л.П., Гакен, О.Д., Миловская, Н.Д. Международное сотрудничество как предпосылка улучшения качества образования. Internationale Zusammenarbeit als Voraussetzung für die Verbesserung der Bildungsqualität (на немецком языке) // *Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы: Материалы международной науч.-практ. конференции*. – Кострома, 5–6 сентября 2006 г. / Отв. ред. Л. Н. Ваулина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 341.
24. Шустров, А.Г. Россия и Германия в историко-культурном контексте // *Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы: Материалы международной науч.-практ. конференции*. – Кострома, 5–6 сентября 2006 г. / Отв. ред. Л.Н. Ваулина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 329.
25. Айсфельд, А. Исторический опыт и современные проблемы политической самоорганизации российских немцев // *Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации (Die Deutschen russlands: historische erfahrung und gegenwärtige probleme der selbstorganisation)* : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 29–30 октября 2007 г. – М.: IVDK-Medien : МСНК-Пресс, 2008. – 120 с.
26. Баландин, А.И. Проблемы российских немцев в Алтайском крае // *Гуманитарные научные исследования*. – Март, 2013. – Барнаул, 2013.
27. Бруль, В.И. Немцы в Западной Сибири. – Топчиха, 1995. – 192 с.
28. Гулина, О.Р. Spätaussiedler, или Русские немцы в Германии // *Современная Европа*. – 2010. – № 2. – С. 62–75.
29. Касаткин, П.И. Роль немецкой диаспоры в российско-германских отношениях // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2012. – № 5. – С. 86–97.
30. Клепацкий, Л.Н. Русские в Баварии // *Международная жизнь*. – 2003. – № 9–10. – С. 93–108.
31. Малиновский, Л.В. Немцы в России и на Алтае: популярно-исторические очерки. – Барнаул, Алтай, 1995. – 182 с.
32. Мартенс, О.К. Российские немцы в едином информационном пространстве. Приоритеты информационной работы для российских немцев // *Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й международной научно-практической конференции*. – Москва, 7–9 декабря 2009 г. – М.: «МСНК-пресс», 2010. – С. 160.

-
33. Мартенс, О.К. Современное положение российских немцев и актуальные проблемы их развития // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й международной научно-практической конференции. – Москва, 7–9 декабря 2009 г. – М.: «МСНК-пресс», 2010. – С. 60.
34. Степанова, О.Н. Проблема российских немцев в межгосударственном сотрудничестве РФ и ФРГ в 1990-е гг. Гумбольдтские чтения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Вып III / Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова; Сост. В.И. Бураков, В.И. Бологов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – 149 с.
35. Сухова, О.В. Модели социокультурной адаптации российских немцев в условиях мультикультурного общества Германии // Память, ответственность и будущее: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию депортации российских немцев. Барнаул, 10–11 сентября 2011 г. – Барнаул, 2011. – С. 164.
36. Филистович, Т.П. Роль газеты «Zeitung für dich» в сохранении культурной идентичности российских немцев в Алтайском крае // Память, ответственность и будущее: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию депортации российских немцев. Барнаул, 10–11 сентября 2011 г. Барнаул, 2011. – С. 242.
37. Арефьев, А.Л. Молодежные обмены между Россией и Германией: статистический и социологический анализ. – М.: Центр социального прогнозирования, 2008. – С. 21–22.
38. Луков, С.В. Инновационный потенциал молодежи в российско-германском сотрудничестве: первый опыт и перспективы // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 3 (май – июнь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Lukov_Youth-Russian-German-Cooperation/ (дата обращения: 19.06.2018)
39. Нечаев, С. Российско-германский саммит в Томске // Международная жизнь. – 2006. – № 6. – С. 46–51.
40. Харченко, В.В. Состояние и перспективы Международного сотрудничества в молодежной сфере в России // Вестник международных организаций. – 2009. – № 1. – С. 104–105.

CULTURAL AND HUMAN COOPERATION OF RUSSIA AND GERMANY AT THE TURN XX–XXI CC: TO THE QUESTION OF THE STUDY OF THE PROBLEM

O.V. Stepanova

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

This report provides a historiographical overview of the study of the problem of Russian-German cultural and humanitarian cooperation. Cultural and humanitarian cooperation was an integral part of successful interaction between countries at the turn of the century, but it has not been studied to date fully.

Key words:

history, international relations, humanitarian international cooperation, Russia, Russian Germans, Germany.

References:

1. Andreev, E. Ob"edinenie Germanii i rossijsko-germanskie otnosheniya // *Obozrevatel'*. – 2006. – № 5.
2. Arent, I.V. Ehtapy rossijsko-germanskoj politiki v «nemeckom voprose» // *Pamyat', otvet-stvennost' i budushchee: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu deportacii rossijskih nemcev*. Barnaul, 10–11 sentyabrya 2011 g. Barnaul, 2011. – S. 153.
3. Vyatkin, K. Rossiya i Germaniya: potencial sotrudnichestva // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. – 1994. – № 4. – S. 103–108.
4. Gloannek, A-M. Sblizhenie bez peremen // *Internationale Politik*. – 2007. – №4. – S. 15–17.
5. Grinin, V. Rossiya–Germaniya na poroge novogo ehtapa otnoshenij // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 1995. – № 10. – S. 23–31.
6. Ishchenko, V. Rossiya i Germaniya v XX v. // *Novaya i novejschaya istoriya*. – 1998. – № 5. – S. 238–239.
7. Kozhokin, M. Rossiya i Germaniya v novoj Evrope // *Svobodnaya mysl'*. – 1994. – № 4. – S. 55–59.
8. Maksimychev, I. Kakov zavtrashnij den' rossijsko-germanskih otnoshenij // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2005. – № 7/8. – S. 42–56.
9. Maksimychev, I. Posle vyvoda vojsk // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 1994. – № 11. – S. 97–105.
10. Nikitin, A. Vneshnepoliticheskie priorityety novogo pravitel'stva Germanii i interesy Rossii // *Vlast'*. – 2006. – № 3. – S. 66–75.
11. Pavlov, N. Vneshnyaya politika novoj Berlinskoj respubliki: novyj “germanskiy put” // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2005. – № 2. – S. 63–75.
12. Pavlov, N.V. Vneshnyaya politika FRG postbipolyarnom mire. – M.: Nauka, 2005. – 409 s.
13. Razmerov, V. Germanskoe ob"edinenie i Rossiya // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 1994. – № 5. – S. 72–79.
14. Rar, A. Rossijskaya politika Germanii: chto dal'she? // *Rossiya v global'noj politike*. – 2005. – Tom 3. – № 5. – S. 29–34.
15. Romanov, S. Otnosheniya Rossii i FRG: osnova bezopasnosti v Evrope // *Obozrevatel'*. – 2000. – № 10–11. – S. 47–49.
16. Timmerman, H. Rossiya i Germaniya // *Polis*. – 1995. – № 5. – S. 48–59.
17. Timmermann, H. Germano-rossijskie otnosheniya v evropejskom kontekste // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2006. – № 3. – S. 41–48.
18. Utkin, S. Rossiya v vospriyatii Germanii // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2009. – № 4. – S. 72–80.
19. Shtajnmajer, F. Rossiya i Germaniya. Obshchaya istoriya ne zakanchivaetsya nikogda // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2009. – № 7. – S. 3–8.

-
20. Shtol'pe, M. Brandenburg priglashaet k sotrudnichestvu // *Sovremennaya Evropa*. – 2001. – № 3. – S. 14–21.
21. Bratchikov, I. "Tret'e izmerenie" v otnosheniyah Rossii i Germanii // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 1997. – № 3. – S. 74–80.
22. Politicheskaya sostavlyayushchaya rossijsko-germanskih kul'turnyh otnoshenij na rubezhe XX – XXI vekov: avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk. – SPb., 2010. – 22 s.
23. Smolina, L.P., Gaken, O.D., Milovskaya, N.D. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo kak predposylka uluchsheniya kachestva obrazovaniya. Internationale Zusammenarbeit als Voraussetzung für die Verbesserung der Bildungsqualität (na nemeckom yazyke) // *Mezhkul'turnoe vzaimodejstvie: problemy i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii*. – Kostroma, 5–6 sentyabrya 2006 g. / Otv. red. L. N. Vaulina. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2006. – S. 341.
24. SHustrov, A.G. Rossiya i Germaniya v istoriko-kul'turnom kontekste // *Mezhkul'turnoe vzaimodejstvie: problemy i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii*. – Kostroma, 5–6 sentyabrya 2006 g. / Otv. red. L.N. Vaulina – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2006. – S. 329.
25. Ajsfel'd, A. Istoricheskij opyt i sovremennye problemy politicheskoy samoorganizacii rossijskih nemcev // *Nemcy Rossii: istoricheskij opyt i sovremennye problemy samoorganizacii (Die Deutschen russlands: historische erfahrung und gegenwärtige probleme der selbstorganisation) : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Moskva, 29–30 oktyabrya 2007 g. – M.: IVDK-Medien : MSNK-Press, 2008. – 120 s.
26. Balandin, A.I. Problemy rossijskih nemcev v Altajskom krae // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. – Mart, 2013. – Barnaul, 2013.
27. Brul', V.I. Nemcy v Zapadnoj Sibiri. – Topchiha, 1995. – 192 s.
28. Gulina, O.R. Spätaussiedler, ili Russkie nemcy v Germanii // *Sovremennaya Evropa*. – 2010. – № 2. – S. 62–75.
29. Kasatkin, P.I. Rol' nemeckoj diaspory v rossijsko-germanskih otnosheniyah // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. – 2012. – № 5. – S. 86–97.
30. Klepackij, L.N. Russkie v Bavarii // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2003. – № 9–10. – S. 93–108.
31. Malinovskij, L.V. Nemcy v Rossii i na Altae: populyarno-istoricheskie ocherki. – Barnaul, Altaj, 1995. – 182 s.
32. Martens, O.K. Rossijskie nemcy v edinom informacionnom prostranstve. Prioritety informacionnoj raboty dlya rossijskih nemcev // *Nemcy novoj Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: Materialy 2-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. – Moskva, 7–9 dekabrya 2009 g. – M.: «MSNK-press», 2010. – S. 160.
33. Martens, O.K. Sovremennoe polozhenie rossijskih nemcev i aktual'nye problemy ih razvitiya // *Nemcy novoj Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: Materialy 2-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. – Moskva, 7–9 dekabrya 2009 g. – M.: «MSNK-press», 2010. – S. 60.
34. Stepanova, O.N. Problema rossijskih nemcev v mezhdunarodnom sotrudnichestve RF i FRG v 1990-e gg. Gumbol'dtskie chteniya: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vyp III / Alt. gos. tekhn. un-t im. I.I. Polzunova; Sost. V.I. Burakov, V.I. Bologov. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2007. – 149 s.
35. Suhova, O.V. Modeli sociokul'turnoj adaptacii rossijskih nemcev v usloviyah mul'tikul'turnogo obshchestva Germanii // *Pamyat', otvetstvennost' i budushchee: Materialy me-zhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu deportacii rossijskih nemcev*. Barnaul, 10–11 sentyabrya 2011 g. – Barnaul, 2011. – S. 164.
36. Filistovich, T.P. Rol' gazety «Zeitung für dich» v sohranenii kul'turnoj identichnosti rossijskih nemcev v Altajskom krae // *Pamyat', otvetstvennost' i budushchee: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu deportacii rossijskih nemcev*. Barnaul, 10–11 sentyabrya 2011 g. Barnaul, 2011. – S. 242.
37. Arefev, A.L. Molodezhnye obmeny mezhdru Rossiej i Germaniej: statisticheskij i sociologicheskij analiz. – M.: Centr social'nogo prognozirovaniya, 2008. – S. 21–22.
38. Lukov, S.V. Innovacionnyj potencial molodezhi v rossijsko-germanskom sotrudnichestve: pervyj opyt i perspektivy // *Informacionno-gumanitarnyj portal «Znanie. Po-nimanie. Umenie»*. 2012. № 3 (maj – iyun') [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Lukov_Youth-Russian-German-Cooperation/\(data obrashcheniya: 19.06.2018\)](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Lukov_Youth-Russian-German-Cooperation/(data obrashcheniya: 19.06.2018))
39. Nechaev, S. Rossijsko-germanskiy sammit v Tomske // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2006. – № 6. – S. 46–51.
40. Harchenko, V.V. Sostoyanie i perspektivy Mezhdunarodnogo sotrudnichestva v molodezhnoj sfere v Rossii // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. – 2009. – № 1. – S. 104–105.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ВОИНСКИХ ЧИНОВ ЗАПАСА IV-ГО СИБИРСКОГО КОРПУСА В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. (ФЕВРАЛЬ – АПРЕЛЬ 1904 Г.)

М.А. Ширшов

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье на основе широко круга источников анализируются обучение резервных частей русской армии на примере IV-го Сибирского корпуса, сформированного в Сибирском военном округе в марте 1904 г. Внимание автора уделяется организации боевой подготовки, а также недостаткам, которые отрицательно повлияли на ведение боевых действий частями корпуса в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ключевые слова:

русско-японская война, Сибирский военный округ, пехотный Сибирский полк, резервные части.

Переход русской армии от рекрутского набора к системе призыва, со вступлением в силу с 1 января 1874 г. Устава о всеобщей воинской повинности, позволил формировать резервные части, развёртывавшиеся только с началом мобилизации. Такой способ организации позволял существенно экономить финансы Военного министерства в мирное время, а с началом войны, быстро увеличивать численность действующей армии. Проблемы обучения таких воинских формирований предполагалось решить до отправки их в действующую армию, путём интенсивной подготовки. В соответствии с наставлением для мобилизации пехоты, запасные воинские чины обучались приёмам с оружием, одиночной строевой подготовке, быстрому и точному прицеливанию, движению в колоннах, дисциплине огня в рассыпном строю, применению к местности, службе часовых, постов и дозоров, оборудованию окопов и т.д. В качестве рекомендации предлагалось не акцентировать

внимание на точности выполнения строевых приёмов, а сосредоточить усилия на обращении с оружием. Занятия требовалось проводить непродолжительное время, чтобы избежать переутомления личного состава [7, с. 94].

Необходимо отметить, что проверить качество резервных войск в реальных боевых условиях длительное время не представлялось возможным. Боевые действия в Средней Азии в конце XIX в. велись силами действующей армии. Резервные войска, мобилизованные в Сибирском и Приамурском военных округах в годы русско-китайской войны 1900–1901 гг., участия в боях не принимали, война закончилась раньше их прибытия в Маньчжурию. Только русско-японская война 1904–1905 гг. стала вооружённым конфликтом, в котором резервные части и соединения приняли активное участие, продемонстрировав как достоинства, так и недостатки своего применения на театре военных действий.

Наивысшую оценку среди резервных соединений заслужил IV-й Сибирский корпус, сформированный в Сибирском военном округе. Газета «Русский инвалид», анализируя участие резервных войск в русско-японской войне 1904–1905 гг. писала: «IV-й Сибирский корпус, как укомплектованный мобилизованными военнослужащими, за время войны сильно выделился и пользовался большим уважением наравне с постоянно действующими войсками как боевая сила. Все возлагающиеся на полки этого корпуса задачи были выполнены ими с большим успехом; войска дрались мужественно и если отступили, то только потому, что им было приказано отступить... V-й и VI-й Сибирские корпуса (сформированные из резервных частей в Казанском военном округе) не продемонстрировали таких боевых качеств» [12]. Во многом причиной успешных боевых действий IV-го Сибирского корпуса стала качественное обучение частей в период подготовки, после формирования и до отправки в действующую армию.

К началу русско-японской войны 1904–1905 гг. в Сибирском военном округе в крупных городах (Иркутск, Красноярск, Томск, Тобольск, Омск, Барнаул, Семипалатинск) дислоцировалось восемь резервных батальонов пятиротного состава и артиллерийский дивизион. По мобилизации, объявленной 2 февраля 1904 г., каждый из них развернул пехотный полк, отдельный и запасной батальоны, а артиллерийский дивизион – четыре дивизиона. Воинские чины действительной службы составили «ядро» подразделений, а свободные штатные должности занимались запасными военнослужащими. На формирование полка направлялись четыре роты резервного батальона, каждая из которых составила кадровую основу батальона. Пятая рота стала основой отдельного батальона [4, с. 3]. Согласно мобилизационным планам в состав IV-го Сибирского корпуса вошли: 2-я Сибирская пехотная дивизия (1-я бригада: 5-й, 6-й пехотные Сибирские Иркутский и Енисейский полки; 2-я бригада: 7-й, 8-й пехотные Сибирские Красноярский и Томский полки), 1-й и 2-й Сибирские артиллерийские дивизионы; 3-я Сибирская пехотная дивизия (1-я бригада: 9-й, 10-й пехотные Сибирские Тобольский и Омский полки; 2-я бригада: 11-й, 12-й пе-

хотные Сибирские Семипалатинский и Барнаульский полки), 3-й и 4-й Сибирские артиллерийские дивизионы; 4-й Восточно-Сибирский сапёрный батальон [14, с. 12–14]. Командиром корпуса был назначен помощник командующего войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев.

Пехотные Сибирские полки были сформированы в кратчайшие сроки с 21 февраля по 14 марта 1904 г. [11]. Для ускорения подготовки, с прибытием команд запасных нижних чинов, личный состав разделяли на тех, кто требовал предварительной одиночной подготовки и тех, кто нет. Соответственно с первыми сразу организовывались занятия, которые проводили нижние чины действительной службы. В дальнейшем начинались строевые занятия со всеми прибывшими запасными нижними чинами. Они ограничивались гимнастикой, строевыми приёмами, прицеливанием, фехтованием, отдаванием чести, изучением уставов. Также проводились взводные и ротные учения. С завершением формирования частей начинались полковые учения [4, с. 3]. До отправки в Маньчжурскую армию во всех полках прошли строевые занятия, полковые, батальонные, ротные учения и стрельбы [4, с. 5]. Занятия проводились ежедневно по пять часов [9, Оп. 1. Д. 3. Л. 20].

В приказе от 10 февраля 1904 г. № 3 генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев требовал от командного состава частей и подразделений корпуса: «Прежде всего освежить в памяти запасных нижних чинов что такое солдат и обязанности его в отношении Государя и Отечества, что такое присяга, дисциплина, как солдат должен себя держать в отношении мирных жителей. Сколачивать части не вдаваясь в мелочи. Употреблять разные приёмы, чтобы развивать в людях внимание и находчивость и приучать их к неожиданностям. При подготовке к стрельбе добиваться, чтобы люди быстро ставили прицел, быстро заряжали и недолго целились. Упражняться в применении к местности и к усилению её, когда необходимо окопами. Люди должны уметь пользоваться мельчайшими складками местности и уметь скрыто подходить к противнику. При атаках не долго задерживаться на остановках... Атаковать всегда сплошной массой... Познакомить людей с кем нам придётся вое-

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ВОИНСКИХ ЧИНОВ ЗАПАСА IV-ГО СИБИРСКОГО КОРПУСА В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. (ФЕВРАЛЬ – АПРЕЛЬ 1904 Г.)

вать, что такое японец, познакомить и с китаецем. Люди корпуса прекрасные и при усердии и желании начальников частей из них можно сделать стойких богатырей» [9, Оп. 1. Д. 3. Л. 10].

Командиры полков, батальонов, рот с пониманием отнеслись к требованиям командира корпуса и не жалели усилий при обучении и воспитании войск. Большую роль здесь сыграло то, что офицеры хорошо знали личный состав, так как многие запасные, призванные в Западной Сибири, проходили службу в резервных батальонах Сибирского военного округа и призывались по мобилизации в период Китайского похода 1900–1901 гг. [15, с. 19]. Ещё одним фактором, способствовавшим быстрому и успешному обучению стало то, что большое количество запасных проходили действительную службу на Дальнем Востоке, а так же участвовали в Китайском походе 1900–1901 гг. [16].

В 12-м пехотном Сибирском Барнаульском полку занятия начались 20 февраля 1904 г., в ходе которых военнослужащие вспомнили утерянные навыки. Затем на учениях проводилось слаживание рот и батальонов полка. Для офицеров 2 марта было сделано сообщение о Северной Корее, 17 марта проведены командно-штабные учения на картах той же страны. Уже 10 марта в г. Барнаул прибыл командир IV-го Сибирского корпуса генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев, который произвёл смотр. Ему были представлены офицеры полка, затем 3, 5 и 10 роты провели ротные учения, а 1 батальон батальонные [18, с. 106]. По итогам смотра был издан приказ по корпусу от 15 марта 1904 г. № 13, в котором отмечался высокий уровень слаженности подразделений полка, грамотные действия командиров при решении тактических задач, толковость и осмысленность в ответах нижних чинов, а также качественная подгонка обмундирования и снаряжения личного состава [9, Оп. 1. Д. 3. Л. 24].

В 5-м пехотном Иркутском полку 14 марта 1904 г. начались строевые занятия, затем были проведены ротные, батальонные и полковые учения, которые проводились трижды до отправки в действующую армию. Стрельбы в полку проводились две недели, каждая рота дважды прошла упражнения курса [4, С. 5].

В 9-м пехотном Сибирском Тобольском полку учения начались уже в середине февраля и были закончены в установленные сроки [17]. На учениях 10-го пехотного Сибирского Омского полка и артиллерии корпуса присутствовал лично командир корпуса. В марте и начале апреля 1904 г. он отмечал расхлябанность и унылый вид личного состава, низкое качество управления подразделениями их непосредственными начальниками, а также плохой уровень подготовки артиллерии. Однако, уже в приказе от 15 апреля 1904 г. № 30 отмечалась выправка запасных нижних чинов и сплочённость рот и артиллерийских дивизионов [9, Оп. 1. Д. 3. Л. 53–55]. Данный факт говорит о значительном прогрессе подразделений, достигнутом в ходе обучения. В 11-м пехотном Сибирском Семипалатинском полку в период с 1 марта по 22 апреля 1904 г. проводились занятия по сторожевой службе, самоокапыванию, ротные и батальонные двухсторонние учения, а также полковые тактические и уставные учения. Дважды проводились стрельбы на 400 шагов и ведение огня ротными залпами [3, с. 5].

Необходимо отметить, что занятия проводились по всем направлениям деятельности служб полков. Так, в 8-м пехотном Сибирском Томском полку 3 апреля 1904 г., старшим врачом с офицерами было проведено занятие по практическому применению индивидуального перевязочного пакета [2, Оп. 1. Д. 5. Л. 4]. Также проводились занятия с санитарями, как по правилам оказания первой медицинской помощи, так и по действиям санитаров на поле боя [1, Оп. 1. Д. 590. Л. 7]. Большое внимание уделялось занятиям с офицерами запаса, в большом количестве прибывшими на укомплектование IV-го Сибирского корпуса. Также штабом соединения было подготовлено и направлено в части пособие с описанием Маньчжурии, Кореи и вооружённых сил Японии [9, Оп. 1. Д. 3. Л. 26].

Вместе с тем, в силу объективных обстоятельств, связанных с формированием частей на значительном удалении друг от друга, а также быстрыми изменениями в вооружении и военной тактике в этот исторический период ряд существенных проблем, связанных с подготовкой корпуса не удалось решить до начала боевых действий. Так, командование соедине-

ния не получило возможности получить практику управления корпусом в ходе корпусных манёвров по причине разбросанности частей по Западной Сибири, а командиры полков не смогли обучиться управлению смешанными отрядами, состоящими из трёх родов войск (артиллерия, кавалерия, пехота). А.А. Игнатьев вспоминал, что командир 6-го пехотного Сибирского Енисейского полка полковник П. Вставский не знал, что делать с приданными ему орудиями и казаками к тому же при боевых действиях в горах [5, с. 205]. Быстрое развитие вооружения, появление скорострельных артиллерийских орудий, магазинной винтовки привело к тому, что многие запасные нижние чины старших возрастов небыли знакомы с принятой на вооружение магазинной винтовкой. В тоже время к началу войны скорострельных орудий в Сибирском военном округе не было. На вооружении в корпусной артиллерии находились устаревшие поршневые орудия, показавшие свою непригодность к использованию в первых столкновениях с японцами. Совершенно отсутствовали горные орудия, что негативно сказалось в первых боях с врагом [10, с. 103]. Также необходимо отметить, что в частях корпуса имелся большой некомплект офицеров, а многие из имеющихся в наличии прибыли из запаса. Всего хватало 176 человек. Слабой была и их подготовка, особенно призванных из запаса, очень сильно это ощущалось в артиллерийских дивизионах [13, с. 268].

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки в боях части корпуса проявили мужество стойкость и героизм. Даже в первых столкновениях с врагом не было замечено суеты, паники и неуверенности. В действующую армию корпус в полном составе прибыл в 29 мая 1904 г. За время боевых действий части приняли участие в сражении при Вафангоу, Ляояне, на реке Шахэ и Мукденской операции. За военную компанию 15 офицеров корпуса, включая командира, были награждены орденом святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Золотое оружие с надписью «За храбрость» получили 15 офицеров. Орденами святой Анны и святого Станислава разных степеней офицеры корпуса награждались 1835 раз. Знаки отличия Военного Ордена получили: 1-й степени – 13, 2-й степени – 59, 3-й степени – 385, 4-й степени – 4100 нижних чинов [6, с. 146–147; 8, с. 187, 192–193]. Это стало возможным, во многом благодаря напряжённой работе офицерского состава корпуса, который морально и физически подготовил личный состав к предстоящим боевым действиям. На протяжении всего периода боевых действий сибиряки действовали решительно, храбро и самоотверженно, чем заслужили уважение командования Маньчжурской армии.

Шишов Михаил Александрович – аспирант

Список литературы:

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 438.
2. ГАТО. Ф. 412.
3. Журнал военных действий 11-го пехотного Сибирского Семипалатинского полка с 29-го января 1904 г. по 31 декабря 1905 г. – Курган, 1906. – 153 с.
4. Журнал военных действий 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка в войну с Японией с 29-го января 1904 г. по 31 декабря 1905 г. – 267 с.
5. Игнатьев, А.А. 50 лет в строю. – М., 1948. – 726 с.
6. Копылов, В.А., Милюхин, В.П., Фабрика, Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). – Новосибирск, 1995. – 246 с.
7. Наставление для мобилизации пехоты. – СПб., 1901. – 213 с.
8. Отчёт дежурного генерала 1-й Маньчжурской армии 1 1-го ноября 1904 года по 1-е ноября 1905 г. Приложение к отчёту командующего 1-й Маньчжурской армии. – М., 1906. – 208 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14855.
10. Ростунов И.И. История русско-японской войны. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 383 с.
11. Русский инвалид. № 100 от 8 мая 1904 г.
12. Русский инвалид. № 194 от 11 сентября 1905 г.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ВОИНСКИХ ЧИНОВ ЗАПАСА IV-ГО СИБИРСКОГО
КОРПУСА В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. (ФЕВРАЛЬ – АПРЕЛЬ 1904 Г.)

13. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 2. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. – СПб., 1910. – 420 с.

14. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 3. Ч. 1, 2. Ляоянский период. Приложения. – СПб., 1910. – 449 с.

15. Рябинин, А.А. На войне в 1904-1905 гг. Из записок офицера действующей армии. – Одесса. 1909. – 220 с.

16. Сибирский листок. № 11 от 5 февраля 1904 г.

17. Сибирский листок. № 14 от 19 февраля 1904 г.

18. Соколовский, М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44- Сибирского стрелкового полка. – Барнаул, 1911. – 131 с.

TRAINING FEATURES OF MILITARY RANKS OF THE RESERVE OF THE IV-TH SIBERIAN CORPS IN THE SIBERIAN MILITARY DISTRICT DURING THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904–1905 (FEBRUARY–APRIL 1904)

M.A. Shirshov

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article analyzes the training of reserve units of the Russian army on the example of the IV-th Siberian corps formed in the Siberian military district in March 1904. The author's attention is paid to the organization of combat training as well as to the shortcomings that affected negatively the conduct of military operations by the corps during the Russian-Japanese war of 1904–1905.

Keywords:

russian-japanese war, Siberian military district, infantry Siberian regiment, reserve units.

References:

1. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 438.
2. GATO. F. 412.
3. Zhurnal voennyh dejstvij 11-go pekhotnogo Sibirskogo Semipalatinskogo polka s 29-go yanvarya 1904 g. po 31 dekabrya 1905 g. – Kurgan, 1906. – 153 s.
4. Zhurnal voennyh dejstvij 5-go pekhotnogo Sibirskogo Irkutskogo polka v vojnu s Yaponiej s 29-go yanvarya 1904 g. po 31 dekabrya 1905 g. – 267 s.
5. Ignat'ev, A.A. 50 let v stroju. – M., 1948. – 726 s.
6. Kopylov, V.A., Milyuhin, V.P., Fabrika, YU.A. Sibirskij voennyj okrug. Pervye stranicy is-torii (1865–1917). – Novosibirsk, 1995. – 246 s.
7. Nastavlenie dlya mobilizacii pekhoty. – SPb., 1901. – 213 s.
8. Otchyot dezhurnogo generala 1-j Man'chzhurskoj armii 1 1-go noyabrya 1904 goda po 1-e noyabrya 1905 g. Prilozhenie k otchyotu komanduyushchego 1-j Man'chzhurskoj armii. – M., 1906. – 208 s.
9. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 14855.
10. Rostunov I.I. Istoriya rusko-yaponskoj vojny. – M.: Izd-vo «Nauka», 1977. – 383 s.
11. russkij invalid. № 100 ot 8 maya 1904 g.
12. Russkij invalid. № 194 ot 11 sentyabrya 1905 g.
13. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. T. 2. CH. 1. Ot nachala voennyh dejstvij do boya pod Vafangou 1 iyunya. – SPb., 1910. – 420 s.
14. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. T. 3. CH. 1, 2. Lyaoyanskij period. Prilozheniya. – SPb., 1910. – 449 s.
15. Ryabinin, A.A. Na vojne v 1904-1905 gg. Iz zapisok oficera dejstvuyushchej armii. – Odessa. 1909. – 220 s.
16. Sibirskij listok. № 11 ot 5 fevralya 1904 g.
17. Sibirskij listok. № 14 ot 19 fevralya 1904 g.
18. Sokolovskij, M.K. Istoricheskij ocherk byvshego 12-go pekhotnogo Sibirskogo Barnaul'skogo polka, nyne voshedshego v sostav 44- Sibirskogo strelkovogo polka. – Barnaul, 1911. – 131 s.
19. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 438.
20. GATO. F. 412.

**ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ВОИНСКИХ ЧИНОВ ЗАПАСА IV-ГО СИБИРСКОГО
КОРПУСА В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. (ФЕВРАЛЬ – АПРЕЛЬ 1904 Г.)**

21. Zhurnal voennyh dejstvij 11-go pekhotnogo Sibirskogo Semipalatinskogo polka s 29-go yanvaryaya 1904 g. po 31 dekabrya 1905 g. – Kurgan, 1906. – 153 s.
22. Zhurnal voennyh dejstvij 5-go pekhotnogo Sibirskogo Irkutskogo polka v vojnu s Yaponiej s 29-go yanvaryaya 1904 g. po 31 dekabrya 1905 g. – 267 s.
23. Ignat'ev, A.A. 50 let v stroyu. – M., 1948. – 726 s.
24. Kopylov, V.A., Milyuhin, V.P., Fabrika, YU.A. Sibirskij voennyj okrug. Pervye stranicy istorii (1865–1917). – Novosibirsk, 1995. – 246 s.
25. Nastavlenie dlya mobilizacii pekhoty. – SPb., 1901. – 213 s.
26. Otchyot dezhurnogo generala 1-j Man'chzhurskoj armii 1 1-go noyabrya 1904 goda po 1-e noyabrya 1905 g. Prilozhenie k otchyotu komanduyushchego 1-j Man'chzhurskoj armii. – M., 1906. – 208 s.
27. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 14855.
28. Rostunov I.I. Istoriya rusско-yaпonskoj vojny. – M.: Izd-vo «Nauka», 1977. – 383 s.
29. Russkij invalid. № 100 ot 8 maya 1904 g.
30. Russkij invalid. № 194 ot 11 sentyabrya 1905 g.
31. Rusско-yaпonskaya vojna 1904–1905 gg. T. 2. CH. 1. Ot nachala voennyh dejstvij do boya pod Vafangou 1 iyunya. – SPb., 1910. – 420 s.
32. Rusско-yaпonskaya vojna 1904–1905 gg. T. 3. CH. 1, 2. Lyaoyanskij period. Prilozheniya. – SPb., 1910. – 449 s.
33. Ryabinin, A.A. Na vojne v 1904-1905 gg. Iz zapisok oficera dejstvuyushchej armii. – Odessa. 1909. – 220 s.
34. Sibirskij listok. № 11 ot 5 fevralya 1904 g.
35. Sibirskij listok. № 14 ot 19 fevralya 1904 g.
36. Sokolovskij, M.K. Istoricheskij ocherk byvshego 12-go pekhotnogo Sibirskogo Barnaul'skogo polka, nyne voshedshego v sostav 44- Sibirskogo strelkovogo polka. – Barnaul, 1911. – 131 s.

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Т.В. Якушева, Т.В. Сидоренко

Алтайский государственный университет

г. Барнаул, Россия

Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева

г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Резюме

В статье авторы подчеркивают важность участия прокурора в судебном разбирательстве для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Такое понимание функции прокурора в суде соответствует конституционному положению о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства.

Ключевые слова:

Конституция РФ, УПК РФ, прокурор, правозащитная функция, доказательства, потерпевший, отказ от обвинения.

Помимо выполнения функции поддержания государственного обвинения прокурор выступает в суде также гарантом прав и свобод подсудимого, как и всех других участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство, то есть осуществляет правозащитную функцию. Такое понимание функций государственного обвинителя в суде соответствует конституционному положению о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства. Из правовой позиции Конституционного Суда РФ (постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П) также следует, что по своему конституционно-правовому смыслу содержащиеся в системе норм уголовно-процессуального законодательства (ч. 2 ст. 15 УПК РФ) положения, «как не предполагающие ограничение действия конституционного принципа состязательности, не освобождают должностных лиц государственных органов – участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения от выполнения при расследова-

нии преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения прав и свобод».

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит норм, регламентирующих полномочия государственного обвинителя, по исследованию доказательств в судебном следствии. Их эффективность и значимость во многом зависят от общей профессиональной подготовленности и личных способностей государственных обвинителей, что выражается в важности поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Законодатель, в статье 274 УПК РФ ограничившись лишь указанием на порядок исследования доказательств, закрепил положение в соответствии с которым государственный обвинитель первым представляет суду доказательства, определяя очередность

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

их исследования с учетом избранной им тактики доказывания виновности подсудимого. Очевидно, что тактику доказывания виновности подсудимого предварительно надлежит тщательно продумывать.

Сторона защиты представляет доказательства после стороны обвинения. Это рассматривается в теории уголовного процесса, как правило, благоприятствования защите [1, с. 99].

Исследование доказательств со стороны обвинения, в первую очередь, заключается в допросах потерпевших, свидетелей со стороны обвинения, законных представителей несовершеннолетних, специалистов, экспертов, оглашении протоколов следственных действий, иных документов, осмотрах вещественных доказательств.

Допрос подсудимого является важным судебным действием, которое проводит суд при активном участии сторон. В ходе допроса подсудимого выясняется его позиция и в целом всей стороны защиты, его отношение к обвинению, его доводы относительно обстоятельств случившегося [2, с. 103].

В судебной практике возникают ситуации, когда обвинение, которое было предъявлено органами предварительного следствия, в ходе судебного разбирательства не подтверждается и суд при постановлении приговора квалифицирует действия подсудимого по другой статье уголовного закона [3, с. 75].

Право обвиняемого (подсудимого) на защиту выражается, прежде всего, в том, что он должен знать существо и объем предъявленного обвинения. Данное право на защиту гарантируется правилами, которые предусмотрены ст. 172, 217, 222, 265, 273 УПК РФ, и выражается в предъявлении обвинения, ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, получении копии обвинительного заключения и выяснении у подсудимого, сразу после изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, понятно ли ему обвинение.

Предъявленное обвинение, которое изложено в обвинительном заключении, ограничивает пределы судебного разбирательства, так как это связано в первую очередь

с возможностью подсудимого возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, представлять доказательства своей невиновности [4, с. 52].

Закон, защищая интересы подсудимого, предусматривает для суда право не согласиться с предъявленным подсудимому обвинением и изменить его в приговоре. Но данное положение действует только в том, случае, если этим не ухудшается положение подсудимого. С изменением обвинения на более тяжкую статью уголовного закона, наказание не должно становиться строже [5, с. 113].

Считаем обоснованным мнение о том, что наряду с функцией уголовного преследования государственный обвинитель в судебном разбирательстве выполняет также и правозащитную функцию. Одним из правомочий государственного обвинителя, которым он наделен ввиду выполнения правозащитной функции, является отказ от обвинения, который имеет место в случае, если в ходе судебного разбирательства он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение. При этом полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Проанализировав имеющиеся точки зрения об отказе государственного обвинителя от обвинения и последствиях такого отказа, приходим к выводу, что необходимо совершенствовать этот институт.

В этой связи, нами поддерживается предложение о закреплении в УПК РФ института, так называемого субсидиарного обвинения. Необходимость данной новеллы можно подтвердить тем, что государственный обвинитель и при поддержании обвинения, и при отказе от него оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. В свою очередь, позиция потерпевшего, как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, может не совпадать с внутренним убеждением государственного обвинителя. Несмотря на это, в случае отказа государственного обвинителя от

обвинения, потерпевший лишен права изложить суду свое мнение о том, что подсудимый виновен. Таким образом, потерпевший лишается и права на доступ к правосудию вопреки ст. 52 Конституции Российской Федерации, которая предусматривает, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

При этом наша позиция по данному вопросу соответствует также и иным положениям Основного закона Российской Федерации, а именно статьям 2, 18, 52 Конституции

РФ, международно-правовым актам и назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), обеспечивающим приоритетную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Якушева Тамара Васильевна – кандидат юридических наук, доцент

Сидоренко Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук

Список литературы:

1. Хайдаров, А.А. Процессуальные особенности производства допроса потерпевшего в ходе судебного следствия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 34. – С. 97–102.
2. Виноградов, А.С., Хайдаров, А.А. Процессуальные особенности производства допроса подсудимого в ходе судебного следствия // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 4. – с. 101–103.
3. Савченко, А.Н., Хохрякова, Э.А. Возможность изменения публичного обвинения на частное: законодательство и судебная практика // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – Т. 2, Вып. 1. – С. 75–78.
4. Фомин М.А. Изменение обвинения в суде: правила, выработанные практикой // Уголовный процесс. – 2011. – № 2. – с. 50-55.
5. Сидорова, Н.В., Фролова, С.С. Предъявление обвинения // Право: современные тенденции : Материалы II Международной научной конференции (г. Уфа, апрель 2014). – Уфа, 2014. – С. 113–114.

HUMAN RIGHTS FUNCTION OF THE PROSECUTOR AS A CONSTITUTIONAL GUARANTEE OF OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

T.W. Yakushewa, T.W. Sydorenko

Altai State University

Barnaul, Russia

Serikbaev East-Kazakhstan State Technical University

Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Abstract

In the article the authors stress the importance of a public prosecutor's participation during the trial while passing a lawful, well-founded and just verdict. Such understanding of the public prosecutor's function at the trial corresponds to the constitutional regulations on the recognition, observance and defence of human and citizen's rights and freedoms as a duty of the State.

Keywords:

The RF Constitution, the Criminal and Legal procedure Code, public prosecutor, law defence function, evidence, a victim, a nonsuit of charge.

References:

1. Hajdarov, A.A. Processual'nye osobennosti proizvodstva doprosa poterpevshego v hode sudebnogo sledstviya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2013. – № 34. – S. 97–102.
2. Vinogradov, A.S., Hajdarov, A.A. Processual'nye osobennosti proizvodstva doprosa podsudimogo v hode sudebnogo sledstviya // Zhurnal pravovyh i ehkonomicheskikh issledovanij. – 2013. – № 4. – S. 101–103.
3. Savchenko, A.N., Hohryakova, E.H.A. Vozmozhnost' izmeneniya publichnogo obvineniya na chastnoe: za-konodatel'stvo i sudebnaya praktika // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2017. – T. 2, Vyp. 1. – S. 75–78.
4. Fomin M.A. Izmenenie obvineniya v sude: pravila, vyrabotannye praktikoj // Ugolovnyj process. – 2011. – № 2. – S. 50–55.
5. Sidorova, N.V., Frolova, S.S. Pred'yavlenie obvineniya // Pravo: sovremennye tendencii : Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Ufa, aprel' 2014). – Ufa, 2014. – S. 113–114.

Научное издание

Актуальные вопросы гуманитарного знания

Сборник научных статей

Под общ. ред. Контевой Ольги Евгеньевны

Отв. редактор сборника О. Е. Контева

Подписано в печать Формат 60x84 1/8.

Печать – ризография. Усл. п.л. 19,06.

Тираж экз. Заказ 2019 –

Издательство Алтайского государственного
технического университета им. И. И. Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,
<http://izdat.secna.ru>

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020822 от 21.09.98 г.

Отпечатано в типографии